

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

№ 10 (759) 2020

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075

Главный редактор
академик РАН А.М. ВАСИЛЬЕВ

Редакционная коллегия:

И.О. АБРАМОВА
В.Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ
Л.В. ГЕВЕЛИНГ
А.Б. ДАВИДСОН
А.В. ДЕНИСОВ
Р.Г. ЛАНДА
В.А. МЕЛЬЯНЦЕВ
Д.В. МОСЯКОВ
С.В. ПРОЖОГИНА
О.И. ТЕТЕРИН
Л.Л. ФИТУНИ
Т.Л. ШАУМЯН
В.Г. ШУБИН

Международный
редакционный совет:

Б.А. АКИНТЕРИНВА
(Нигерия)
Х.Х.С. ВИШВАНАТАН (Индия)
М. НАСР АЛЬ-ГИБАЛИ
(Египет)
ЯН ГУАН (КНР)
Я.М. ИБН ДЖУНЕЙД
(Саудовская Аравия)
С.С. КУНАНБАЕВА
(Казахстан)
Ф.С. МУФАМАДИ (ЮАР)
У. РЕНО (США)

Над номером
работали:

А.В. ДЕНИСОВ,
ответственный секретарь
Т.С. ДЕНИСОВА
В.С. ОКУЛОВ
М.Е. ПЕТРОВА
О.И. ТЕТЕРИН, первый
зам. главного редактора
Н.В. ЕСЕНКИНА,
зав. редакцией
Оформление и верстка
Г.М. АБИШЕВА

Подписано в печать 23.09.2020. Формат 60х88 ¹/₈. Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 315 экз. Цифровая печать. Заказ 1/10а. Цена свободная.

Оригинал-макет подготовлен в редакции.

Издатель: Российская академия наук.

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-040-19 ООО «Интеграция: Образование и Наука».

105082, Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314.

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

CONTENTS

№ 10 (759) 2020

ACTUAL PROBLEM

- Vladilen G. Burov.** New trends in Chinese ideology after the 18th Congress of the CPC 4

POLITICS, ECONOMICS

- Andrey V. Belov, Irina S. Tikhotskaya.** The first wave of COVID-19 pandemic in Japan: social and economic considerations 14
- Sergey A. Aleksandrov, Elena M. Savicheva.** Iraq today: on the way to stability or new political crises? 22
- Konstantin A. Pantsev.** States of Sub-Saharan Africa on the way to the creation of the artificial intelligence: the myth or the reality? 29
- Vyacheslav Ya. Belokrenitsky.** Water, agrarian and power problems of Pakistan 34
- Oksana V. Novakova.** Vietnam and China: attraction and repulsion. Maritime diplomacy in the Gulf of Tonkin. 1991-2019 41
- Marina P. Kukla, Leonid E. Kozlov.** The Gangwon-do case as an example of the regional policy of the Republic of Korea 46
- Gleb K. Sugakov.** Sub-Saharan Africa in the global system of social investment 52
- Andrey K. Barinov.** Competition of world exporters on South African transport market 59

POST-GRADUATE TRIBUNE

- Ekaterina M. Serbina.** Eximbank of China and “green investments” in Africa during the 13th five-year plan 65

THE PAGES OF HISTORY

- Eduard G. Tsvetkov.** Household assistants (on the living conditions of Soviet specialists in Africa in 1960-1970s) 69

CULTURE, LITERATURE, ART

- Svetlana V. Projoguina.** Le passeisme et l'anxiété pour le futur (la réalité nationale et occidentale dans l'œuvre des écrivains maghrébins d'expression française) 74

REVIEWS

- Nikolai D. Andreev.** African diaspora in China: changing identity in a changing world 78

«Asia and Africa today» is a scientific monthly journal (in Russian) of the Russian Academy of Sciences. Published since July 1957.

The journal articles do not necessarily reflect the view of the Editorial Board.

Included in **Russian Science Citation Index on WoS platform, and EBSCO Publishing.**
ISSN 0321-5075

Postal Address:
30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Тел.: +7 495 697 94 50. Tel./Fax: +7 495 691 02 70
E-mail: asaf-today@mail.ru
Website: www.asaf-today.ru

On the cover: Miao (Mèo) woman, North Vietnam, Sapa (photo by Gulzhamal Abisheva).

СОДЕРЖАНИЕ

№ 10 (759) 2020

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

- Буров В.Г.** Новые тенденции в китайской идеологии после XVIII съезда КПК 4

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

- Белов А.В., Тихоцкая И.С.** Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты 14
- Александров С.А., Савичева Е.М.** Ирак сегодня: на пути к стабильности или новым политическим кризисам? 22
- Панцеров К.А.** Страны Африки южнее Сахары на пути к созданию искусственного разума: миф или реальность? 29
- Белокреницкий В.Я.** Водные, аграрные и энергетические проблемы Пакистана 34
- Новакова О.В.** Вьетнам и Китай: притяжения и отталкивание. Морская дипломатия в Тонкинском заливе. 1991-2019 41
- Кукла М.П., Козлов Л.Е.** (Владивосток). Региональная политика Республики Корея на примере провинции Канвондо 46
- Сугаков Г.К.** Африка южнее Сахары в глобальной системе социального инвестирования 52
- Баринев А.К.** Конкуренция международных экспортеров на рынке транспортных средств Южно-Африканской Республики 59

Трибуна соискателя

- Сербина Е.М.** «Зеленые» инвестиции Эксимбанка Китая в Африку в 13-й пятилетке 65

Страницы истории

- Цветков Э.Г.** (Ярославль). «Помощники по хозяйству» (о бытовых условиях советских специалистов Африке в 1960-1970-е гг.) 69

Культура, литература, искусство

- Прохогина С.В.** Пассеизм и тревога за будущее (магрибинцы о себе и о мире) 74

Рецензии

- Андреев Н.Д.** Африканская диаспора в Китае: меняющаяся идентичность в меняющемся мире 78

© Российская академия наук, 2020
© Редакция журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2020

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в список ВАК.
Входит в Russian Science Citation Index
на платформе Web of Science и EBSCO Publishing.

Адрес редакции:
123001, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1
Тел.: +7 495 697 94 50
Тел./факс: +7 495 6910270
E-mail: asaf-today@mail.ru
Интернет: www.asaf-today.ru

На первой полосе обложки: Женщина народности мяо (мео), Северный Вьетнам, Сапа (фото Г.М. Абишевой).

АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

DOI: 10.31857/S032150750011105-7

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В КИТАЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ ПОСЛЕ XVIII СЪЕЗДА КПК

© 2020 В. БУРОВ

БУРОВ Владilen Георгиевич, доктор философских наук, профессор, гл.н.с., Институт философии РАН; член редакционного совета журнала Китайской Академии общественных наук «Изучение мирового социализма»; советник Международной Конфуцианской ассоциации (burovvg2@yandex.ru)

Резюме. После XVIII съезда КПК новое руководство партии в значительной степени изменило направление идеологической работы. Оно обращает серьёзное внимание на изучение произведений классиков марксизма. В последние годы в Китае пропагандируются «основные ценности социализма». Большой резонанс в мировом сообществе вызвали выдвинутые Си Цзиньпином глобальные проекты международного сотрудничества - «Один пояс, один путь» и «Построение сообщества единой судьбы человечества».

Ключевые слова: Китай, изменения в идеологии КПК, отношение в Китае к Марксу и марксизму, основные ценности социализма, глобальные проекты

NEW TRENDS IN CHINESE IDEOLOGY AFTER THE 18th CONGRESS OF THE CPC

Vladilen G. BUROV, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Principal Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; member, Editorial Board, journal of the Chinese Academy of Social Sciences «Study of World Socialism»; Advisor, International Confucian Association (burovvg2@yandex.ru)

Abstract. The article discusses the issue of new trends in modern Chinese ideology. After the coming to power of the fifth generation of leaders of the China, Communist Party, the new General Secretary of the CPC Central Committee Xi Jinping significantly changed the direction of the party's ideological work, he not only continues the traditions of his predecessors to promote Sinicized Marxism. At the same time, he pays serious attention to the study of the works of the classics of Marxism, first of all, Karl Marx.

In recent years, China has widely promoted a complex of «basic values of socialism». They cover the entire spectrum of universal norms of morality of a person's relationship with his family, society, state, moreover, embody value concepts and ideals that should become the norm of people's behavior in modern Chinese society. The basic values of socialism are to one degree or another rooted in Chinese traditions. Therefore, when interpreting them, Chinese propaganda refers not only to the statements of the country's leaders, but also to the authority of ancient thinkers, and uses an example from Chinese history.

The global projects of international cooperation put forward by Xi Jinping - «One Belt, One Road» and «Building a Community with the Common Destiny of Mankind», caused a great resonance in the world community. The Chinese leadership calls on the peoples of all countries to unite in the face of a large number of challenges in the spheres of economy, politics, environmental security and build a community of the common destiny of mankind, pure and beautiful, where long-term peace, universal security, widespread prosperity, openness and mutual respect reign. Among the political elite in Europe and the United States, there are people who express doubts about the sincerity of the intentions of the Chinese leadership.

Keywords: China, changes in the ideology of the CPC, attitude in China towards Marx and Marxism, basic values of socialism, global projects

После XVIII съезда КПК, состоявшегося в ноябре 2012 г., в идеологии Коммунистической партии Китая происходят серьёзные изменения. Очевидно, что это связано с приходом к власти пятого поколения руководителей во главе с Си Цзиньпином. Изменения эти касаются проблем теории, социально значимых ценностей, международных отношений.

НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В ПОДХОДЕ
К ТЕОРЕТИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ

Начиная с 2013 г., Си Цзиньпин неоднократно в своих выступлениях обращается к теме марксизма. В них он говорит о том, что марксизм, марксистская философия глубоко раскрыли все-

общие законы объективного мира, в особенности, закономерности развития человеческого общества, поэтому они «и в наши дни по-прежнему обладают мощной жизненной силой, по-прежнему являются сильным идейным оружием, ведущим наших коммунистов вперёд» [1].

Си Цзиньпин неизменно подчёркивает, что, несмотря на прошедшее после создания марксизма не одно десятилетие, «марксизм не устарел», независимо от того, какие перемены произошли в данную эпоху, как при этом прогрессе науки марксизм по-прежнему демонстрирует великую силу научной мысли и по-прежнему занимает командные высоты в вопросах истины и справедливости [2]. Для придания большей значимости своим словам он употребляет термин «командная вы-

сота» (чжигаодянь), обычно употребляемый в военном деле.

Некоторые полагают, что марксизм изжил своё время, и то, что осуществляется сейчас в Китае, не есть марксизм; некоторые говорят, что марксизм - это всего лишь идеологическое теоретизирование, не имеющее научных законов и системности, отмечал Си Цзиньпин. В практической работе есть сферы, в которых имеет место маргинализация марксизма, пустопорожняя болтовня и наклеивание ярлыков. В некоторых научных дисциплинах имеет место «утрата речи», в учебных материалах марксизм «исчезает без следа», а на трибунах он «теряет голос». Такая ситуация должна привлечь наше внимание, ибо совершенно недопустимо рассматривать марксизм лишь в качестве идеологии и отрицать его научность.

4 мая 2018 г. Си Цзиньпин выступил с простым докладом на торжественном заседании, посвященном 200-летию со дня рождения К.Маркса. Это было программное выступление, поскольку в нём было изложено его видение сущности и непреходящего исторического значения марксистского учения, связи этого учения с социальной практикой Коммунистической партии Китая на различных этапах её развития, начиная с момента основания и вплоть до нынешнего периода.

В начале своего доклада Си Цзиньпин подробно рассказал о теоретических исканиях молодого Маркса, его переходе от идеализма к материализму, создании им учения рабочего класса, особо выделив написание им совместно с Энгельсом в 1848 г. «Манифеста Коммунистической партии». Оценивая жизнь Маркса, Си Цзиньпин называет её «жизнью, полной высоких идеалов, неустанной борьбы за освобождение человечества», «жизнью смелого достижения вершины теоретической мысли в результате преодоления трудностей и препятствий и стремления к истине»; «жизнью, отданной непрерывной борьбе за свержение старого мира и создание нового мира». Характеризуя личные качества Маркса, Си Цзиньпин, назвав его великим человеком, в то же время счёл необходимым сказать, что он был «живым, простым человеком, любившим жизнь, искренним, честным, дорожившим чувствами и долгом».

Заявив о том, что Маркс «оставил нам самое драгоценное, самое влиятельное духовное богатство - марксизм», Си Цзиньпин далее подробно охарактеризовал его основные особенности: *во-первых*, это научная теория, творчески раскрывшая закономерности развития человеческого общества; *во-вторых*, это - народная теория, потому что впервые была создана система идей для освобождения народа; *в-третьих*, это теория практики, она указала народу направление действий по преобразованию мира; *в-четвёртых*, это непрерывно развивающаяся открытая теория, потому что она всегда находилась на переднем крае эпо-

хи. Влияние марксизма на мировое развитие огромно, поэтому недаром Маркса называют «Мыслителем тысячелетия».

Далее, Си Цзиньпин счёл необходимым подчеркнуть, что марксизм не только глубоко изменил мир, но также глубоко изменил Китай. Маркс внимательно следил за событиями в Китае, связанными с агрессией империалистических держав, писал статьи в поддержку освободительного движения китайского народа, он научно предвидел появление китайского социализма. В своём докладе Си Цзиньпин также несколько раз говорил о том, что КПК соединила общие принципы марксизма с конкретной практикой китайской революции, строительства социализма, политикой реформ и открытости. Именно благодаря этому китайские коммунисты одерживали и одерживают победы.

Большое место в докладе Си Цзиньпина заняли его суждения относительно необходимости постоянной «учёбы у Маркса». Конкретизируя своё требование, он говорил о том, что учёба эта должна состоять в изучении и применении на практике идей марксизма о закономерностях развития человеческого общества, решительной защите позиций народа, производительных сил и производственных отношениях, народной демократии, культурном строительстве, социальном строительстве, отношениях между человеком и природой, о всемирной истории, строительстве марксистской политической партии.

По словам Си Цзиньпина, хотя со времени появления «Манифеста Коммунистической партии» прошло уже более 170 лет, история подтвердила правильность общих положений марксизма, поэтому китайские коммунисты должны следовать им в своей практической деятельности.

Впервые за многие годы высший руководитель Компартии Китая такое большое внимание уделил основоположнику научного социализма. Прежние руководители ограничивались дежурными фразами о роли Маркса в истории марксизма и развитии коммунистического движения Китая. В их выступлениях акцент всегда делался на китаизированный марксизм.

На наш взгляд, смысл доклада Си Цзиньпина состоял в том, чтобы позиционировать Компартию Китая, китайских марксистов как продолжателей учения Маркса, как его наследников. Это тем более важно, что в настоящее время марксизм в мире переживает серьёзный кризис.

Фактически, только Компартия Китая может претендовать на руководящую роль в мировом социалистическом движении. И она пытается подтвердить это право. Об этом свидетельствуют проводимые регулярно в Китае международные и всекитайские конференции по марксизму и социализму. Не говоря уже о том, что после XVIII съезда КПК во всех высших учебных заве-

дениях были созданы Институты марксизма, а учение Маркса стало в них обязательной учебной дисциплиной. Изучение произведений классиков марксизма всегда было составной частью учебной программы вузов Китая, но теперь это приобрело более обязывающий характер.

В заключение своего доклада Си Цзиньпин счёл необходимым сослаться на слова Энгельса о том, что мировоззрение Маркса - это не догма, а метод. Он предлагал не готовые истины, а исходный пункт для дальнейших исследований, метод, который можно использовать в этих исследованиях. Как говорил Энгельс, наша теория - это определенный исторический продукт, она в различные эпохи имеет совершенно различную форму и одновременно совершенно различное содержание.

По словам Си Цзиньпина: «Основные принципы научного социализма нельзя терять, потеряв их, теряешь сам социализм. Одновременно научный социализм отнюдь не является неизменной догмой. Я уже говорил, что великие социальные изменения в современном Китае не являются простым клише, продолжающим историю и культуру нашей страны, простой формой, копирующей представления классиков марксизма, переизданием практики других социалистических стран, повторением современной зарубежной модернизации». «Социализм отнюдь не имеет одного общепризнанного неизменного комплекса идей. Только в случае тесной связи основных принципов научного социализма с конкретной практикой данной страны, с традициями истории и культуры, требованиями эпохи, непрерывных поисков и обобщений в процессе практики можно замысел превратить в прекрасную реальность» (здесь и далее подч. нами. - В.Б.) [3].

В конце 2019 г. в теоретическом органе ЦК КПК, журнале «Цю ши» появляется статья Си Цзиньпина «Изучение основ марксизма - обязательный предмет для коммунистов» (на основе текста его выступления на 5-й коллективной учёбе членов Политбюро ЦК КПК 19-го созыва).

В начале статьи он напоминает о том, что на коллективной учёбе членов Политбюро неоднократно обсуждались вопросы марксистско-ленинской теории, исторического и диалектического материализма, основные положения и методология марксистской политэкономии. Теперь же путём коллективного изучения «Манифеста Коммунистической партии» предстоит тряхнуть стариной и вспомнить классиков, прочувствовать силу правды марксизма, укрепиться в вере в марксизм, докопаться до корней того, как марксистская политическая партия может сохранить свою прогрессивность и в чистоте свою теорию, повысить способность и уровень использования основных принципов марксизма для решения практических проблем современного Китая.

Говоря о значении «Манифеста», Си Цзиньпин подчеркивает, что в этом произведении классиков марксизма было впервые изложено материалистическое понимание истории, кроме того, в нём содержится марксистский взгляд на классовую борьбу, историческую миссию пролетариата, всестороннее развитие человека, мировой рынок и т.д., и, что очень важно, подчеркивается неизбежность гибели капитализма.

Си Цзиньпин также счёл необходимым отметить, что успех руководимой Лениным Октябрьской революции подтвердил правильность «Манифеста». То же самое можно сказать и об успехах китайских коммунистов в революции и социалистическом строительстве. Успех китайских реформ доказывает правильность идей «Манифеста», несмотря на поражение советской модели социализма.

Си Цзиньпин потребовал от всех членов партии, кадровых работников, особенно высшего звена, изучать и применять «Манифест». Он выразил уверенность в том, что в 2048 г., в 200-летнюю годовщину опубликования «Манифеста», в Китае будет построено социалистическое модернизированное сильное государство и будет осуществлено великое возрождение китайской нации, а Компартия Китая и китайский народ ещё раз подтвердят научность, правильность и предвидение марксизма. По его мнению, в «Манифесте» содержится теоретическая база для строительства партии в новых условиях. Хотя «Манифест» не может дать ответы на все вопросы, он может служить методологической основой для теоретических поисков и выработки практических мероприятий [4].

У нас нет информации о том, как конкретно проходило обсуждение Манифеста на коллективной учёбе членов Политбюро ЦК, но, судя по содержащимся в выступлении Си Цзиньпина словам, все участники коллективной учёбы перед обсуждением должны были прочитать текст «Манифеста», т.е. его обсуждение не было формальным.

При этом Си Цзиньпин неизменно подчеркивает связь учения Маркса-Энгельса-Ленина со всей предшествующей мировой философией. На всекитайском совещании работников философских и общественных наук, проходившем в мае 2016 г., он упоминает имена многих известных мыслителей - Гоббса, Локка, Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Джеферсона, Канта, Гегеля, Фейербаха, Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Адама Смита и др., а затем делает следующий вывод - если бы не было развития философских и общественных наук в Европе в XVIII-XIX вв., было бы невозможно появление и развитие марксизма [2].

Си Цзиньпин объявляет создание современного марксизма стратегической задачей китайских обществоведов. По его словам, хотя в китаизации марксизма достигнуты крупные успехи, однако эта работа ещё далеко не закончена (подробнее см.: [10]).

Он говорит следующее: «Я посмотрел ряд книг западных авторов, изучающих марксизм. Их выводы необязательно правильные, но при изучении и проведении источниковедческой работы над текстами их можно использовать; если сравнивать те усилия, затрачиваемые нами в этом отношении, они явно недостаточны. Для изучения и исследования марксизма нельзя скользить по верхам, не вникать глубоко, некоторые люди, не прочитав и нескольких произведений классиков марксизма, будучи дилетантами, тем не менее, крикливым голосом излагают свои мнения, подобное поведение является безответственным, ненаучным».

В этой связи следует отметить, что подобный подход является правильным. В истории многих коммунистических партий социалистических стран, включая Китай и Советский Союз, было много деятелей, которые соответствовали тому типу руководителей, о которых говорит Си Цзиньпин. Они изучали марксизм по популярным брошюрам, но претендовали на роль знатоков марксистского учения. Как известно, Маркс, Энгельс, Ленин были высокообразованными людьми, знакомство с их произведениями, в любом случае, несомненно, способствует повышению интеллектуального уровня человека. В Пекине почти сразу же после образования КНР при ЦК партии было создано Бюро переводов произведений классиков марксизма, которое существует до сих пор. Оно занимается изданием Полных собраний сочинений Маркса, Энгельса, Ленина и их изучением.

Вместе с тем, Си Цзиньпин подчеркивает, что марксизм следует развивать в соответствии с требованиями эпохи и практикой, марксизм - это открытая, непрерывно развивающаяся система. Как следует из многих его высказываний, развитие это должно осуществляться, в т.ч., и с учетом наследования теоретического богатства классиков марксизма.

ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТИ СОЦИАЛИЗМА

В последние годы одной из главных мест в китайской пропаганде заняли «основные ценности социализма» («шэхуэйчжухэсиньцзянчжи»). Их можно увидеть на рекламных щитах, расположенных на улицах городов, в жилых зданиях, внутри студенческих кампусов и т.д. Однажды проезжая вечером по одной из улиц Пекина, я увидел их написание в красочном оформлении, с подсветкой, на перекрёстке двух центральных улиц.

Всего ценностей 12 - процветание, демократия, цивилизация, гармония, свобода, равенство, справедливость, управление по закону, патриотизм, преданность делу, честность, дружелюбие. Все они объединены в 3 группы: первые четыре выступают как «ценностные цели развития современ-

ного китайского государства»; вторые четыре отражают «всеобщие ценностные устремления китайского общества»; третьи четыре - касаются личных нравственных качеств каждого человека.

Неслучайно, что первой ценностью социализма является **процветание**, ибо речь идёт о богатстве и могуществе государства (таков, кстати, другой перевод понятия «процветание», по-китайски - «фуцян». - В.Б.).

В интерпретации китайских теоретиков понятие «процветание» имеет три значения: во-первых, это «освобождение и развитие производительных сил», т.е. речь идёт о быстром развитии экономики и увеличении мощи государства; во-вторых, процветание предполагает достижение всеобщей зажиточности. В китайской печати любят цитировать слова Дэн Сяопина: «Бедность не есть социализм, социализм должен ликвидировать бедность»; в-третьих, процветание означает создание «сообщества единой судьбы человечества», т.е. понятие «процветание» имеет и международный аспект.

При разъяснении понятия «**демократия**» китайские теоретики пишут о том, что определить, является тот или иной политический строй демократическим, нельзя лишь по внешним формам проявления демократии; т.е. недостаточно иметь разделение трёх властей: парламент, многопартийную систему, общенациональные выборы. Политическая власть на практике может находиться под контролем богатой части общества или оказаться в руках олигархии. Существование тюрьмы в Гуантанамо, разоблаченное Сноуденом ведение прослушивания внутри и вне страны отнюдь не говорят об истинной демократии, якобы существующей в странах Запада. Ключевой момент демократии состоит в том, выражает ли она в полной мере волю народа, выполняется ли в полной мере требование народа по управлению своим государством, в полной мере гарантированы ли законные права народа», заявляют китайские теоретики [5, р. 147].

Отличительные особенности демократии с китайской спецификой, о которых пишут в Китае, состоят в следующем: существование системы собраний народных представителей, системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством Коммунистической партии Китая, автономия национальных районов Китая, низовое демократическое самоуправление в городе и деревне. В последние годы в Китае обращается особое внимание на управление государством на основе закона, строительство правового государства (подробнее о демократии с китайской спецификой см.: [6]).

Ещё несколько десятилетий назад в китайской политической терминологии появились два понятия - «**материальная цивилизация**» и «**духовная цивилизация**».

В настоящее время, как утверждается в китайской печати, «духовная цивилизация» приобретает все большее значение. Китай обладает культурными традициями, имеющими длительную историю, поэтому в настоящее время он старается всемерно пропагандировать лучшие достижения китайской цивилизации, придерживаясь, вместе с тем, в отношениях с другими странами позиции открытости. Как пишет китайский учёный Чжоу Сяосюй, «мы сможем дать понять жителям Запада, что Китай, которого называют «восточным львом», является львом, которого можно полюбить» [5, р. 167].

Общераспространенной точкой зрения среди китайских обществоведов является мнение о том, что «гармония» выражает собой истинную сущность китайской культуры, дух китайской цивилизации.

Действительно, это понятие встречалось уже в древнекитайских памятниках. Многие китайские мыслители, начиная с Конфуция, мечтали о построении идеального общества. В произведении реформатора XIX в. Кан Ювэя «Да тун шу» («Книга о великом единении») было дано описание идеального общества в мировом масштабе¹. Китайские коммунисты постоянно заявляют о своей приверженности идеям своих предшественников. Например, в начале нулевых годов на одном из пленумов ЦК КПК специально рассматривался вопрос о социальной гармонии и было принято соответствующее решение. Но социальная гармония неразрывно связана с социальной стабильностью, о чём неоднократно говорил Дэн Сяопин, пишут в китайских работах.

Признавая китайское общество, в основном, гармоничным, обычно указывают на то, что хотя в Китае живёт примерно 1 млрд 400 млн человек, государство в состоянии накормить и одеть такое большое количество людей и предоставить ему жильё. Китайские авторы в то же время вынуждены признавать наличие большого количества серьёзных проблем, таких, как значительная неравномерность в развитии между городом и деревней и между регионами, нарастание демографического, ресурсного и экологического давления, а также существование острых проблем, связанных с жизненными интересами масс в сфере занятости, социального обеспечения, распределения доходов, образования, здравоохранения, жилья, безопасности на производстве и т.д.

В любом обществе, даже в социалистическом, существуют противоречия, их невозможно избежать, но им нельзя способствовать и обострять их. Чтобы успешно решать задачу построения гармоничного общества, необходимо проводить политику, отвечающую интересам масс - таков вывод, который делают авторы публикаций в китайской

печати. Нельзя не обратить внимания на то, что многие из них связывают создание гармоничного общества со строительством экологической цивилизации. Этот термин появился сравнительно недавно - на XVIII съезде партии, где была выдвинута самостоятельная концепция экологической цивилизации, предусматривающая «уважение к природе, не нанесение ей вреда, защита её».

Если говорить о **свободе**, то её понимание в традиционной китайской культуре отличалось от европейских представлений. В Китае особо подчеркивалась ответственность человека перед семьёй, обществом и государством, проповедовалась идея о том, что вначале общественное, а затем частное, «видеть долг и забывать об интересах». Идеи демократии, свободы личности в китайской идеологии отсутствовали. Хотя ради исторической справедливости следует признать, что китайские мыслители резко выступали, как пишет один китайский автор, против «обратной стороны свободы - деспотии, произвола, самовластия, самоуправства и т.п.», хотя это и проявлялось в своеобразной форме. Например, в 1961 г. известный литератор и историк У Хань опубликовал пьесу «Хай Жуи уходит в отставку», в которой в имплицитной форме критиковался Мао Цзэдун (в пьесе описывался конфликт сановника Минской династии Хай Жуя, который не побоялся подвергнуть критике самого императора. Когда его критика не была принята, он ушёл в отставку). В 1969 г. арестованный У Хань трагически погиб.

Вместе с тем, китайские учёные вынуждены признать, что в истории Китайской Народной Республики возникало много ситуаций с нарушением свободы, посягательством на нее. В практике традиционного социализма существовала система высокоцентрализованной плановой экономики, результатом чего являлся строгий контроль политики над экономикой, культурой и обществом: самой производственной деятельности предприятий, а также массам в личной жизни недоставало необходимой самостоятельности и жизненной силы (т.е. свободы. - В.Б.).

В условиях, когда представления об управлении на основе закона были слабыми, а широкое распространение имели идеи управления страной на основе человеческого фактора, добавим к этому ещё влияние «левацких ошибочных идей, а также решение крупных проблем с помощью массовых движений, в особенности в период «культурной революции», когда права человека серьёзно нарушались, достаточно большое количество кадровых работников и простых людей подверглись репрессиям, а личность человека терпела надругательства» [5, р. 182].

Согласно официальной точки зрения, с началом политики реформ и открытости свобода

¹ Подробнее см.: Тихвинский С.Л. Движение за реформы в Китае и Кан Ювэй. М., 1980.

и права человека «получили эффективную гарантию»: в китайских изданиях специально подчеркивается, что «осуществление свободы зависит от экономических и социальных условий, свобода, не имеющая такой поддержки, является свободой, построенной на верхнем этаже здания, фальшивой свободой» [5, p. 189].

Степень свободы человека, по мнению китайских ученых, во многом зависит от рыночной экономики, предпосылкой свободы является всеобщая зажиточность. Свобода в современном Китае проявляется в следующих моментах: увеличение свободы выбора товаров, проявление многообразия стиля жизни, увеличение времени отдыха.

Одновременно, согласно пропагандируемому в Китае представлению о свободе человека, она неразрывно связана с социальным порядком, социальной стабильностью. Ибо, как говорил Дэн Сяопин, «китайцев так много, наша база так слаба, что если не будет политической обстановки спокойствия и единства, то не будет стабильного порядка в обществе, никаких дел не удастся сделать, стабильность преодолевает всё» [7].

Проблема **равенства** в течение многих столетий имела в истории Китая большое значение, она была одним из лозунгов крестьянских восстаний, в т.ч. наиболее крупного из них - тайпинского движения (середина XIX в.). В современном Китае под равенством понимается равенство прав и равенство возможностей. Формально равенство людей получило конституционную и юридическую гарантии. Китайская пропаганда настаивает на том, что равенство - это условие, основа гармонии и стабильности в обществе.

В этой связи часто приводятся слова древнекитайских мудрецов. Конфуций, в частности, говорил, что «того, что ты не желаешь, чтобы сделали по отношению к тебе, не делай по отношению к другим. Если какое-то дело тебе не нравится, не следует перекладывать его на плечи другого человека». Он подчеркивал, что «прежде чем решить, как относиться к другому человеку, нужно поставить себя на его место, представить, что ты - это он, и желаешь ли ты подобного отношения. Если ты не желаешь его, нельзя подобным образом относиться к другому человеку».

В китайских публикациях, посвященных проблемам равенства, подчеркивается, что в современном Китае стремятся не только к формальному равенству, зафиксированному в Конституции и законах, но и к реальному равенству, которое реализуется в равных экономических и социальных правах. Широко известна знаменитая фраза английского мыслителя XIX в. Дж.Актона: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». В условиях культа личности Мао Цзэдуна многие китайцы - от высших руководителей до простых граждан - зримо ощутили на себе справедливость этих слов.

Поэтому в последние годы в Китае провозглашен лозунг борьбы против особых прав, особых привилегий, которые подрывают принцип равенства. В Китае существует серьезная проблема неравенства возможностей, и отсюда отсутствие социальной мобильности: «Имеющие хождение в китайском обществе понятия «второе поколение - «второе поколение чиновников», «второе поколение богатых», «второе поколение бедных» наглядно отражают неизменность этих социальных слоёв. Широко распространенная в обществе лексика вроде слов «знаменитый папа», «папа-спаситель» являются классическим выражением этого явления. В начале политики реформ и открытости был распространен следующий лозунг: «Выучишь математику, можно будет объездить весь мир», теперь этот лозунг некоторыми людьми переиначен в шутку - «Лучше иметь хорошего папу, чем хорошо выучить математику» [5, p. 204].

Некоторые молодые люди предаются горестным раздумьям: «Я каждый раз хочу взять свою судьбу за горло, но каждый раз судьба берёт за горло меня самого». Руководство Коммунистической партии неизменно подчеркивает, что социальная справедливость является неотъемлемым свойством, требованием социалистического общества. Китайская печать вынуждена признать существование серьезных проблем в этом отношении.

Во-первых, наблюдается увеличение разницы в доходах. Согласно официальным данным, коэффициент Джини в Китае составлял: в 2003 г. - 0,479; в 2004-м - 0,473, в 2005-м - 0,485, в 2006-м - 0,487, в 2007-м - 0,484, в 2008-м - 0,491, в 2010-м - 0,481, в 2011-м - 0,477, в 2012 г. - 0,474. В последующие годы коэффициент Джини остаётся примерно на том же уровне. Обычно считается, что когда коэффициент Джини находится в пределах 0,4-0,5 - это означает большую разницу в доходах. Ситуацию «скрашивает» то обстоятельство, что в последние годы удалось значительно уменьшить количество людей, живущих за чертой бедности (подробнее см.: [11]).

Во-вторых, существует различие в системе социальных гарантий в городе и деревне, последней её главной формой по-прежнему остаётся гарантия со стороны семьи. *В-третьих*, существуют проблемы со справедливостью суда, которые связаны с несовершенством правовой системы. *В-четвёртых*, существуют различия в системе образования между городом и деревней.

В последние годы руководство КПК стало принимать более масштабные меры по обеспечению социальной **справедливости**. В настоящее время большое внимание в Китае уделяется осуществлению политики курса «**управление по закону**», которое заменило собой существовавшую прежде систему «управления с помощью человеческого фактора». К концу 2011 г., кроме одобрения ныне

действующей Конституции, было принято 233 закона, касающихся гражданского права, торгового права, административного права, экономического права, социального права, уголовного права, судебных и внесудебных процедур.

Согласно данным статистики, за период с 1978 по 2013 гг. количество дел в судах по всей стране с 61 тыс. возросло до 13,37 млн, число адвокатов - с менее чем 3 тыс. до 250 тыс. человек, что очевидно свидетельствует об историческом прогрессе судебной системы Китая. Вместе с тем, сами китайские авторы отмечают, что «бывают ситуации, когда есть законы, но их не используют; когда исполняют законы нестрого, небрежно выполняют свои обязательства; появляются такие проблемы, как превышение власти при исполнении закона, взимание денег за исполнение закона, наблюдаются взяточничество и беззаконие».

Более того, в качестве «защитного зонтика» могут выступать криминальные элементы; определенное распространение получили случаи, когда при исполнении закона не говорят о решении дела, не следуют принятым стандартам; приходится сталкиваться с тем, что личные качества, уровень квалификации судей, исполняющих законы, недостаточно высок и т.д. [5, р. 213].

Первым в списке ценностных норм современного китайского гражданина стоит **патриотизм**. Согласно китайской статистике, за пятидесятилетнюю историю китайская нация пережила более 1000 сильных наводнений, более 800 крупных землетрясений; точно так же, согласно китайской статистике, в течение более 100 лет, с 1840 по 1949 гг. более 10 империалистических держав много раз вторгались в Китай и развязали за это время более сотни агрессивных войн, вынудив власти правившей тогда в Китае Цинской династии заключить 1175 неравноправных договоров, в результате которых страна была ограблена на 100 млрд *лянов* серебра² [5, р. 239].

Тем не менее, подчеркивают китайские авторы (учёные), китайская нация не была уничтожена ни в результате стихийных бедствий, ни вследствие внешней агрессии. Причина этого - патриотизм, который глубоко проник в гены китайской нации и стал движущей силой её развития. Говоря о патриотизме, современные китайские авторы подчеркивают неразрывную связь национальной идентичности с культурной идентичностью. Действительно, историческая память позволяет людям той или иной нации осознавать свою роль и место в истории, приобрести тем самым чувство исторической миссии и ответственности. При этом китайские авторы выступают за рациональный патриотизм, патриотизм - это служба Родине действием.

Важное место в системе основных китайских ценностей занимает **преданность делу**. В интерпретации китайской пропаганды это означает, *во-первых*, преданность своему служебному долгу - выполняя какую-либо работу, следует делать её добросовестно; *во-вторых*, любовь к той профессии, которую выбрал человек; *в-третьих*, воспитание трудолюбия и профессионализма.

Можно иронизировать по поводу некоторых правил поведения, принятых в Китае, непривычных для европейцев, например, работники ресторанов и кафе ежедневно перед началом работы, стоя в строю, получают инструкции; или же проводники вагонов ж/д поездов после прибытия на очередную станцию, стоя у вагонов, отдают честь. Однако все это укладывается в следование ценностной идее «преданность делу».

Понятие «**честность**» неслучайно включено в список основных ценностей социализма. Китайское слово «чэньсинь» (честность) расширительно можно трактовать как правдивость и верность своему делу, другими словами, честность означает «не говорить неправды, быть честным, быть правдивым, не лгать и не обманывать других». Поэтому интерпретируя данное понятие, китайские авторы подчеркивают, что честность - это одна из самых универсальных и основных моральных норм в жизни человека; она является основой для установления доверительных отношений между людьми и поддержания нормального общественного порядка, это «корень утверждения собственной личности, источник открытия своего дела, основа создания государства».

В китайских публикациях особо подчеркивается, что честность является неотъемлемым требованием рыночной экономики. Недостаток честности приводит к снижению эффективности экономической деятельности, нарушению нормального порядка на рынке, увеличению стоимости экономических операций и, в конечном счёте, к нарушению социального порядка. Один из китайских авторов пишет так: «Репутация - это деньги, а бренд - это дорогостоящий нематериальный актив, честное ведение дел должно стать золотым правилом для развития и расширения предприятий» [5, р. 254].

Последним в списке основных ценностей социализма стоит **дружелюбие**, но это несколько не преуменьшает его значение. Ибо дружелюбие касается не только отношений между людьми, оно затрагивает также отношения между государствами, между человеком и природой. Как подчеркивается в китайских публикациях, дружелюбие - обязательное условие, необходимое для того, чтобы члены большой семьи под названием человечество могли жить вместе и совместно развиваться.

² При династии Цин *лян* был основной денежной единицей. Считалось, что одного ляна хватит на жизнь обычной семьи в течение одного месяца (*прим. авт.*).

Китайские авторы отмечают, что дружба является традиционной добродетелью китайской нации. В этой связи обычно указывают на учение школы моистов о всеобщей любви. Её основатель Мо-цзы (479-400 гг. до н.э.) писал: «Нужно смотреть на другое царство как на своё царство; смотреть на другой дом, как на свой дом; смотреть на других людей, как на самого себя, относиться к ближнему, как к самому себе».

Если давать общую оценку всем **12 ценностям**, нельзя не признать их отбор достаточно удачным. Они охватывают весь спектр общечеловеческих норм морали, взаимоотношений человека с семьей, обществом, государством, более того, они выходят за рамки обычных отношений между людьми, вполне применимы и для межгосударственных отношений.

Важно учитывать то обстоятельство, что все эти ценности в той или иной степени укорены в китайской традиции. Неудивительно поэтому, что при их обосновании и разъяснении, интерпретации китайская пропаганда постоянно обращается не только к высказываниям руководителей Компартии, но и к авторитету китайских мыслителей древности, средневековья и нового времени, использует примеры из отечественной истории.

Одновременно используются примеры героических поступков людей из современной истории страны: в 1962 г. в результате несчастного случая погиб Лэй Фэн, командир отделения одной из инженерных частей НОАК. Как писала китайская пресса, он всю свою жизнь посвятил служению народу, оказывал бескорыстную помощь другим людям, с любовью относился к своей работе. По мнению В.Н.Усова, известного специалиста по истории китайской революции и КПК, Лэй Фэн «действительно был добросердечным и скромным человеком».

В дневнике Лэй Фэна, обнаруженном после его гибели, много слов преданности Мао Цзэдуну. В 1963 г. Мао Цзэдун сделал надпись «Учиться у товарища Лэй Фэна», и по всей стране развернулась массовая кампания в духе беззаветного служения народу. Впоследствии 5 марта (день опубликования надписи Мао Цзэдуна) был объявлен «Днём учёбы у Лэй Фэна», который отмечается в Китае ежегодно и по сей день.

Китай - одна из самых многонаселенных стран мира, и наличие общего морального кодекса, общеобразовательных норм поведения позволяет сохранять в стране социальную стабильность.

Конечно, как и в любом государстве, далеко не все граждане Китая законопослушны, китайское общество не свободно от различного рода уголовных преступлений, вплоть до грабежей и убийств. Однако требование соблюдения «основных ценностей социализма», несомненно, имеет цементирующее значение. Как и во всяком обществе, в китайском обществе есть люди, недовольные про-

блемами, существующими в различных сферах общественной жизни.

В своё время в Советском Союзе, а сегодня в Китае среди интеллигенции есть люди, которых можно назвать диссидентами, причем левого и правого толка. Они встречаются и среди старшего поколения, и среди молодежи, их не удовлетворяет существующая модель социализма. Точку зрения определенной части старых коммунистов выражал журнал «Яньхуанчунью», в котором публиковались статьи по теоретическим, политическим и историческим вопросам, не совпадавшие с господствующей идеологической линией. Два года назад редакция журнала была заменена, и теперь её публикации находятся в русле официальной идеологии.

Однако массового протестного движения в Китае нет. И это связано не только с работой органов правопорядка и безопасности, хотя, конечно, их деятельность имеет немаловажное значение.

Это связано с тем, что китайское руководство смогло действительно обеспечить **«процветание страны»**, оно в той или иной степени коснулось всех социальных слоёв, не только членов партии, кадровых работников, военнослужащих, интеллигенцию, но и многомиллионные массы простых людей.

Об этом говорят не только цифры укрепления государственной мощи и обороноспособности страны. Выступая 18 декабря 2018 г. на торжественном заседании, посвященном 40-й годовщине политики реформ и открытости, Си Цзиньпин не без гордости привёл данные, свидетельствующие о значительном повышении уровня материальной жизни населения страны, обеспечения его социальными гарантиями: за период с 1978 по 2018 гг. среднедушевой доход на каждого человека с 171 юаня вырос до 26 тыс. юаней; за годы реформ число бедных людей сократилось на 740 млн человек. Создана самая большая в мире система социального страхования - страхованием по старости охвачено более 700 млн человек, медицинским страхованием - более 1 млрд 320 млн человек; продолжительность жизни с 67,8 лет в 1981 г. возросла до 77 лет в 2018 г. [8].

Особо следует подчеркнуть, что за последние 20 лет китайскому руководству удалось, в основном, решить проблемы, волновавшие крестьянство, составляющее в настоящее время примерно половину населения страны. Речь идёт об отмене безвозмездной конфискации земель сельскохозяйственного назначения, повышении материального уровня жизни крестьян, улучшении системы образовательного и медицинского обслуживания в деревне [11].

О жизнеспособности современного китайского общества убедительно говорит тот факт, что стране удалось с меньшими потерями и в более короткий срок, по сравнению с другими странами, в ос-

новном справиться с пандемией коронавируса. Хотя, конечно, до построения действительно гармоничного общества в Китае ещё очень далеко.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Важным событием мирового масштаба явилось выдвижение китайским руководством двух глобальных проектов международного сотрудничества, которых до этого не предлагала ни одна страна мира.

В сентябре 2013 г. в Астане (Казахстан) Си Цзиньпин выступил с инициативой «Один пояс, один путь». Её цель - «совместное экономическое развитие в условиях политического взаимодоверия».

За 7 лет реализации инициативы Китай подписал более 100 документов о сотрудничестве с 88 странами и международными организациями. Совокупный торговый оборот Китая со странами инициативы «Один пояс, один путь» к концу 2018 г. превысил \$5 трлн, за тот же период совокупный объём инвестиций Китая в страны, охваченные инициативой, превысил \$70 млрд. Китайские предприятия открыли 75 зон торгово-экономического сотрудничества в странах инициативы, которые обеспечили 200 тыс. новых рабочих мест. И это далеко не полные данные.

В докладе XIX съезду КПК (ноябрь 2017 г.) Си Цзиньпин заявил о необходимости создания сообщества единой судьбы человечества. Он прямо позиционировал ответственность Компартии Китая за судьбы не только своей страны, но и всего человечества. «Коммунистическая партия Китая, - сказал он, - это политическая партия, которая борется как за счастье китайского народа, так и за прогресс всего человечества».

Он говорил о необходимости строгого соблюдения всеми государствами принципов равенства и справедливости в международных отношениях, борьбы против каких-либо форм вмешательства в дела других государств, притеснения слабых сильнейшими. «Китай, - заявил он, - ни в коем случае не будет жертвовать интересами других стран ради собственного развития и ни при каких обстоятельствах не будет отказываться от своих законных прав и интересов»...

Более подробно на тему внешней политики Китая, участия страны в делах мирового сообщества Си Цзиньпин высказался вскоре после XIX съезда, 1 декабря 2017 г., в Пекине на встрече с представителями почти 300 политических партий и организаций со всего мира. В своем выступлении он призвал все страны энергично создавать, «во-первых, безопасный мир, свободный от терроризма, во-вторых, процветающий мир, свободный от бедности, в-третьих, открытый мир; в-четвертых, живописную природу, чистый, красивый

мир». Он констатировал, что проект «Один пояс и один путь» уже стал «платформой для осуществления величайшего совместного сотрудничества различных стран мира».

В своём выступлении Си Цзиньпин изложил три принципа, которыми Компартия Китая всегда руководствуется в своей деятельности.

Первый принцип - это постоянное стремление внести вклад в достижение мира и спокойствия во всем мире. Подобный подход обусловлен самой историей КПК. Ее образование произошло в период бурных потрясений в китайском обществе, кроме того, в течение 28 лет ей пришлось вести вооруженную борьбу и нести громадные жертвы для достижения победы. Поэтому, сказал Си Цзиньпин, для китайских коммунистов мир является высшей ценностью. Многие годы Китай участвует в процессе политического урегулирования международных конфликтов, его военнослужащие наиболее активно участвуют в миротворческих операциях ООН. При этом было подчеркнуто, что, какого бы уровня развития Китай ни достиг, он никогда не будет гегемоном, никогда не совершит агрессию против какого-либо государства.

Второй принцип - это постоянное стремление внести вклад в совместное развитие мировой цивилизации. Китайские коммунисты всегда испытывали глубокие чувства не только к своему народу, но и к народам всего мира. На практике это выражается в том, что в течение длительного времени Китай оказывает бескорыстную помощь развивающимся странам в виде льготных кредитов, значительной технической поддержки, интеллектуального содействия. Китай уже осуществил в развивающихся странах большое количество проектов в экономической и социальной сферах. В настоящее время во многих из этих стран находятся тысячи китайских ученых, инженеров, предпринимателей, техников, врачей, преподавателей, рабочих, волонтеров. «Они рука об руку, плечом к плечу помогают населению развивающихся стран улучшать свою судьбу», - отметил Си Цзиньпин.

Третий принцип - это постоянное стремление внести вклад во взаимный обмен опытом и взаимную учебу в рамках мировой цивилизации. Компартия Китая всегда подчеркивала, что необходимо утверждать широкий взгляд на мир, активно изучать и заимствовать цивилизационные достижения, созданные народами других стран, и, соединив их с практикой Китая, использовать в своей деятельности.

В опубликованном 27 сентября 2019 г. Канцелярией информации Государственного Совета (правительства) КНР документе «Китай в новую эпоху и мир» проект «построения сообщества единой судьбы человечества» характеризуется следующим образом:

- в политической области - инициировать взаимное уважение и равноправные переговоры (вариант: на равных), решительный отказ от идей холодной войны и политики грубой силы, идти по новому пути общения между государствами - диалог, а не конфронтация, партнёрство, а не создание блоков;

- в сфере безопасности - инициировать решение споров посредством (путём) диалога, решение разногласий посредством переговоров, совместно отвечать на традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности, выступать против всех форм терроризма;

- в сфере экономики - инициировать преодоление трудностей совместными усилиями (вариант: оказывать помощь друг другу как люди, плывущие на одной джонке), способствовать либерализации и удобству торговли и инвестиций, продвигать вперёд экономическую глобализацию с тем, чтобы она развивалась в направлении большей открытости, большей инклюзивности, большего всеобщего благоприятствования, большей равномерности (равновесия), большей взаимовыгодности;

- в сфере культуры - инициировать уважение многообразия мировых цивилизаций, обмена между цивилизациями, а не их разобщенность, взаимное извлечение уроков, а не их конфликты, их сосуществование, а не преимущество одной над другой;

в сфере экологии - инициировать отстаивание хорошего отношения к окружающей среде, сотрудничества в реагировании на изменение климата, сохранении родной земли, которая является и средой обитания человечества [9].

В том же правительственном документе говорится, что проект «Один пояс, один путь» является

ся практической платформой строительства сообщества единой судьбы человечества.

Следует отметить, что среди политической элиты Европы и США есть люди, которые выражают сомнение в искренности намерений китайского руководства. По их мнению, используя торгово-экономические связи, которые лежат в основе китайских глобальных проектов международного сотрудничества, Китай будет усиливать не только своё экономическое, но и политическое влияние, особенно в небольших странах Центральной и Восточной Европы, которые остро нуждаются в экономической помощи, инвестициях. Тем более, что Китай является первой страной мира по запасам иностранной валюты. И такие примеры уже есть - приобретение китайскими предпринимателями порта Пирей в Греции, автомобильного концерна «Вольво» в Швеции. Во многом от экономической помощи Китая зависят многие страны Азии и Африки.

Очевидно одно: экономическое и политическое влияние Китая в мире в ближайшие десятилетия будет возрастать.

* * *

Рассмотренные выше новые тенденции в идеологии Коммунистической партии Китая свидетельствуют о стремлении китайского руководства своевременно ответить на внутренние проблемы и новые вызовы эпохи. С одной стороны, она выдвигает идейные принципы, соответствующие веяниям XXI века, а с другой - обращается к тем идеям основоположников марксизма, которые подтверждают правильность избранного Китаем курса на социализм. Поскольку отказ от этого курса неизбежно посеет сомнения среди многомиллионных масс китайского народа.

Список литературы / References

1. XI Jinping. To advance the study of the whole party of historical materialism and the mastery of them, to better understand the regularities and to more actively advance the work in this direction. *People's Daily*. 05.12.2013 (In Chin.)
2. XI Jinping. Speech at a meeting on philosophical and social sciences. Beijing. *Renmin chubanshe*. 2016. P. 10 (In Chin.)
3. XI Jinping. Speech at the solemn meeting dedicated to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx. *People's Daily*. 04.05.2018 (In Chin.)
4. XI Jinping. The study of the foundations of Marxism is a mandatory subject for Communists. *Qiu Shi magazine*. 2019. № 24 (In Chin.)
5. Han Zhen, Zhang Weiwen. The system of Chinese values. Beijing, Ed. Zhongguo shehuikexue chubanshe. 2018 (In Chin.)
6. Буров В.Г. Демократия с китайской спецификой. *Свободная мысль*. 2010. No. 6, с. 159-174. (Burov V.G. 2010. Democracy with Chinese characteristics. *Svobodnaya mysl*. No. 6) (In Russ.)
7. Deng Xiaoping. Elected. proc. Beijing. Vol. 3. *Renmin chubanshe*. 1993, P. 284 (In Chin.)
8. Xi Jinping. Speech at a meeting dedicated to the 40th anniversary of the policy of reform and openness. *Qiu Shi magazine*, 2018, № 24 (In Chin.)
9. Burov V.G. China in the new era and the World (In Chin.). http://www.xinhuanet.com//2019-27/c_1125_047331.htm (accessed 25.06.20)
10. Буров В.Г. Китаизированный марксизм - теоретическая основа деятельности Компартии Китая. *Азия и Африка сегодня*. 2019, № 12. (Burov V.G. 2019. Sinicized Marxism as the theoretical basis for the work of the Chinese Communist Party. *Aziya i Afrika segondya*. № 12) (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750007091-2
11. Бони Л.Д. Ликвидация бедности в Китае. Ч. 1 и 2. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 8, № 9. (Boni L.D. 2020. China: elimination of poverty. *Aziya i Afrika segondya*. №№ 8, 9) (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010444-0; DOI: 10.31857/S032150750010854-1

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

DOI: 10.31857/S032150750011106-8

ПЕРВАЯ ВОЛНА ПАНДЕМИИ COVID-19 В ЯПОНИИ:
СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2020 А. БЕЛОВ, И. ТИХОЦКАЯ

БЕЛОВ Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор Университета префектуры Фукуи, Япония; гл.н.с., Санкт-Петербургский государственный университет (abelov@fpu.ac.jp)

ТИХОЦКАЯ Ирина Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент географического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (iritiro@gmail.com)

Резюме. На основе анализа официальных документов и прессы рассмотрены социальные и экономические аспекты пандемии COVID-19 в Японии, особенности японской стратегии противодействия. Установлено, что в ходе первой волны (февраль-июль 2020 г.) распространения вируса японская модель противостояния оказалась наиболее успешной среди стран G-7. Анализируя последствия пандемии в мире и Японии, авторы заключают, что японский опыт может иметь широкое международное звучание.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, Япония, последствия пандемии, экономическая политика Японии

THE FIRST WAVE OF COVID-19 PANDEMIC IN JAPAN: SOCIAL AND ECONOMIC CONSIDERATIONS

Andrey V. BELOV, Dr.Sc. (Economics), Professor, Fukui Prefectural University, Japan; Chief Research Fellow, Saint-Petersburg State University (abelov@fpu.ac.jp)

Irina S. TIKHOTSKAYA, PhD (Economics), Associate Professor, Moscow State University (iritiro@gmail.com)

Abstract. Based on analysis of the official documents and relevant press reports, the authors consider the social and economic aspects of the COVID-19 pandemic in Japan, and the features of its countermeasures strategy. It was found that during the first wave of the virus spread in February-July 2020, Japan's response model was the most successful among the G-7 several other countries. Analyzing the global impact of the pandemic, and the priorities of the Shinzo Abe government's anti-crisis economic policies the authors conclude that Japanese experience can have a broad international implications.

It is obvious that in the first wave of morbidity Japan has been able to buy time to deploy a health care system, minimize mortality and keep the economic damage within reasonable limits. This revealed important features of the Japanese society, which allowed to limit the spread of infection without the use of destructive state pressure.

The economic consequences of the first phase of the crisis were serious, but in a number of affected industries (car manufacturing, domestic tourism) there were already signs of recovery, the labour market had shown traditional resilience, and rapid measures had helped to maintain calm in the currency and financial markets. Perhaps the main difficulties are yet to come, but by the end of the first half of the year the country's economy had preconditions for a rapid recovery. It seems that over the years Japan has managed to develop a combination of economic policies that not only led the country out of the «lost decades» period of the 20th and 21st centuries, but also proved effective in overcoming new shocks

Keywords: COVID-19 pandemic, the impact of the pandemic on the global economy, Japan, measures to combat COVID-19 in Japan, economic policy of Japan

Пандемия COVID-19 стала главным фактором мирового развития в 2020 г. и затронула большинство стран. Среди государств «Большой семерки» первую ее волну (февраль-июль 2020 г.) Японии удалось преодолеть наиболее успешно. Какие уроки можно извлечь из японского опыта?

СРАВНЕНИЕ СИТУАЦИИ В ЯПОНИИ
С ДРУГИМИ СТРАНАМИ

На конец первой волны пандемии на фоне более 4 млн случаев заболевания в США, около 1,5 млн в Бразилии, 805 тыс. в России, 605 тыс. в Индии, более 300 тыс. в Великобритании и 245 тыс. в Италии (см. табл.). Япония, занимающая 10-е место по населению в мире, по показателям, связанным с коронавирусом в середине мая

(первый пик заболеваемости в стране), находилась на 40-м месте. И число выявленных случаев заражения (18,4 тыс., включая пассажиров и членов экипажа круизных лайнеров, находившихся в Иокогаме и Нагасаки), и число летальных исходов (менее тысячи) в Японии было значительно меньше, чем в указанных и многих других странах. Например, в Швейцарии, в которой проживает менее 9 млн человек, подтвержденных случаев заболевания и смертей больше. А при примерно одинаковом населении Токио и Москвы разница в числе инфицированных (6,2 тыс. и 222 тыс., соответственно) и умерших (325 человек и около 4 тыс.) - колоссальная.

По состоянию на 26 июля 2020 г., в Японии смертность от нового вируса более чем в 13 раз меньше, чем в России, в 46 раз, чем в Великобри-

Таблица

Смертность от COVID-19 в разных странах мира (на 26.07.2020)

Страна	Число подтвержденных случаев заражения	Смертность, человек	Смертность на 100 тыс. чел.
США	4 178 021	146 460	44,77
Великобритания	300 270	45 823	68,92
Италия	245 864	28 432	60,85
Россия	805 332	13 172	9,12
Китай	86 381	4 652	0,33
Швеция	78 997	5 697	55,95
Швейцария	34 302	1 997	23,21
Япония	29 684	996	0,79
Южная Корея	14 150	298	0,58
Норвегия	9 111	255	4,8

Составлено авторами по: [1].

тании и в 147 раз меньше, чем в США. Показатели смертности в расчете на 100 тыс. человек также значительно ниже (см. *табл.*).

В ближайших азиатских странах - соседях Японии ситуация была еще более благополучной: в Республике Корея отмечено в 3 с лишним раза меньше смертей от COVID-19, и показатель на 100 тыс. человек также ниже, чем в Японии (подробнее см.: [22]). То же - в Гонконге, Тайване, Вьетнаме.

Несмотря на менее тревожное положение, по сравнению, например, с Россией, 7 апреля в ряде регионов Японии была введена чрезвычайная ситуация (ЧС), с 16 апреля распространенная на все 47 префектур страны. Это быстро дало необходимый эффект, и 25 мая, когда число новых случаев заболевания и тяжелых пациентов сократилось, объявили о полном снятии этого режима.

ЯПОНСКАЯ СТРАТЕГИЯ: ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ СОЦИУМА

В любой критической ситуации многое значит избранная модель противодействия: чем более четкие и последовательные шаги будут приняты, тем выше шансы на минимальные негативные последствия. Избранная в Японии стратегия отличалась как от мер соседних Китая и Южной Кореи, а также США и большинства стран Европы, так и от оригинальной шведской модели, где основная идея заключалась в том, что для достижения в стране коллективного иммунитета в столице, Стокгольме, должно переболеть 60% населения. Вместе с тем в Японии, как и в Швеции, следование данным правительством рекомендациям было добровольным и не содер-

жало прямых ограничений на передвижение и работу людей.

В спорах по поводу целесообразности тех или иных мер принимали участие ученые разных стран. Выделяется мнение двух калифорнийских реаниматологов, полагающих, что тактика, к которой прибегли многие страны - карантин, самоизоляция - снижает иммунитет людей, поскольку они выбывают из обычного бактериального обмена. По их мнению, для повышения иммунитета здоровым людям нужно общение, а карантин должны соблюдать только больные. Они считают, что карантин является причиной повышения смертности от других причин - таких, как травмы и насилие, увеличивает риск суицида и психических расстройств (что совпадает с мнением психиатров, подчеркивающих, что карантин может привести к нарушениям в человеческой психике даже у вполне нормальных людей). Кроме того, вследствие походов в магазин за покупками всего необходимого, так же, как и доставки товаров курьером, карантин представляется им достаточно условным [2].

Интересно, что сравнение, например, Швеции (со слабым карантином) с соседней Норвегией (с сильным), в мае-июне показывало, что смертность от COVID-19 тут и там была одинакова. Однако, как видно из *табл.*, в июле ситуация существенным образом изменилась в пользу Норвегии, где и процент смертельных исходов от нового вируса оказался гораздо ниже.

В основе японской модели борьбы с новой инфекцией лежали три составляющие: ограниченное тестирование, локализация и нейтрализация кластеров заражения, быстрое обследование и лечение тяжелобольных при одновременном своевременном предоставлении медицинской помощи

всем зараженным и рекомендации всем гражданам избегать тесного взаимодействия и без острой необходимости не выходить из дома. В числе ключевых моментов при осуществлении мер по борьбе с *COVID-19* в «Основных направлениях политики в отношении инфекции нового коронавируса» [3], принятых 27 марта и пересмотренных 25 мая, прежде всего предусмотрено полное информирование общественности об эпидемической ситуации в стране для своевременного изменения поведения людей и предоставление медицинской информации для повышения ответственности всех и каждого.

С этой целью было организовано распространение информации о важности «нового стиля жизни», предполагающего противостояние распространению инфекции (в т.ч. избегания закрытых пространств, скученных мест и среды тесных контактов), и соблюдения основных мер противодействия вирусу (социальная дистанция - 1,5 м), ношение маски и мытье рук (с намыливанием в течение не менее 30 секунд); о необходимости чувствующим недомогание людям не выходить из дома; о правилах посещения медицинских заведений и пр.

В документе подчеркнута необходимость идентификации инфицированных и проведения всех необходимых тестов; скорейшего налаживания системы обмена информацией о пациентах; разработки простых тестов для быстрой диагностики. Во избежание пандемии рекомендовалось воздержание от проведения каких-либо мероприятий и широкая практика дистанционной работы (сокращение служащих, выходящих на работу, на 70%).

Японская модель противостояния пандемии, безусловно, является либеральной: несмотря на то, что сразу были отменены занятия в школах и университетах, а с начала апреля, как было сказано, введен и режим ЧС, все регламентации носили рекомендательный характер (считалось недопустимым ограничение прав человека).

Однако следует понимать специфику японского социума, в котором «просьба» понимается как «требование», и, хотя не существует каких-либо мер наказания в случае неисполнения рекомендаций, ожидается, что это будет воспринято как директива. В противном случае последует общественное порицание, а боязнь «потери лица» в стране имеет огромное значение и в наши дни. Самое главное, что отличает японскую модель от всех остальных, - участие всего населения как следст-

вие доверия властям, связанного с уверенностью в том, что все делается на благо страны.

На дистанционную работу перешли госструктуры и большинство крупных компаний. Характерный случай произошел в Осака: когда несколько игровых салонов не прекратили работать, несмотря на призыв властей, сообщение об этом было обнародовано в местных СМИ, и они сразу закрылись. Если бы такое произошло в России, то это, скорее всего, рассматривалось бы как реклама тогда как в Японии такая публикация в печати грозила потерей репутации. Несмотря на большие финансовые убытки, рестораны стали работать на вынос и по сокращенному графику.

В японском обществе очень развита эмпатия¹. Краудфандинговые² инициативы с «кругом сочувствия» помогают ресторанному и туристическому бизнесу, находящемуся в неблагоприятных условиях. Так, жители некоторых микрорайонов сами финансировали любимые рестораны «на будущее» [4].

При этом людей «не запирали» дома, а советовали непременно ежедневно гулять на свежем воздухе в уединенных местах в течение часа. Вводя ЧС, премьер-министр Синдзо Абэ разъяснял, что это делается для того, чтобы система медицинского обслуживания не потерпела коллапса, и подчеркнул, что это не приведет к такому же локдауну³, как в американских и европейских городах, хотя людям следует избегать контактов между собой для максимально возможного сокращения распространения инфекции. Одновременно было сообщено о выделении государством 6 трлн иен (\$5,3 млрд)⁴ для прямых денежных выплат населению как части пакета экономических мер.

Во многих странах японская модель вызвала удивление: с одной стороны, ЧС, а с другой - отсутствие жестких мер (закрытия городов как в Китае), использования современных систем наблюдения (как в Сингапуре), широкомасштабного тестирования, что помогло Южной Корее изолировать инфицированных, прежде чем они распространят инфекцию дальше.

Еще в самом начале распространения вируса, имея возможность проводить 7500 тестов в день, Япония ограничивалась 1200-1300. Южная Корея с населением вдвое меньше провела в 15 раз больше тестов. Целью было недопущение перегрузки системы здравоохранения менее серьезными случаями, поскольку всех инфицированных в Японии помещали в больницу (либо в переоборудо-

¹ Эмпатия - осознанное сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого человека (*прим. ред.*).

² Краудфандинг (от англ. *crowdfunding*, *crowd* - толпа, *funding* - «финансирование») - коллективное сотрудничество людей (доноров), которые добровольно объединяют свои деньги или другие ресурсы (*прим. ред.*).

³ Локдаун - «строгая изоляция», массовое принудительное закрытие образовательных, государственных и торговых-развлекательных учреждений из-за эпидемии или иного стихийного бедствия (*прим. ред.*).

⁴ На 31.07.2020 \$1 был равен чуть более 105 иен (*прим. ред.*).

ванные для этого отели). В то же время, как отметил лектор Токийского университета Филипп Патрик, вводя чрезвычайную ситуацию (ЧС), премьер-министр С. Абэ озвучил типично японскую особенность «читать по воздуху», т.е. находиться дома или не работать, конечно, важно, но еще важнее «не посещать больницы по тривиальным поводам» [5].

Правительство не вводило ни экономически разрушительных запретов, ни жестких ограничений на передвижение людей, в связи с чем иностранные журналисты охарактеризовали японской ЧС как самую «беззубую» в мире. Однако при оценке действенности японской модели следует исходить из японских реалий.

Японская модель реакции на пандемию исходит из особенностей географического положения, национального характера, менталитета, а также сложившихся правил поведения. Японский «мягкий» локдаун имел реальный эффект, прежде всего, потому, что между властью и людьми существует доверие. Правительство может положиться на соблюдение рекомендаций без введения драконовских мер.

Самым благоприятным фактором, который сам по себе способствует меньшей опасности заражения в Японии, является культурная составляющая.

В Японии не принято при встрече обниматься, целоваться и даже здороваться за руку, социальная дистанцированность - характерная черта японского общества. Даже при простейшей простуде японцы часто носят маски в общественных местах, чтобы не заразить окружающих. Постоянно проводится санитарная обработка общественных мест и общественного транспорта, причем это делается в автоматическом круглосуточном режиме, например, дезинфекция ленты поручня эскалатора.

Перечень особенностей японского социума можно продолжить, но уже сейчас очевидно, что они серьезно повлияли на сдерживание коронавируса. Попытаемся проследить специфику реакции на пандемию экономики Японии, которая также характеризуется рядом специфических черт по сравнению с другими странами мира.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАНДЕМИИ

COVID-19 унес сотни тысяч жизней и вызвал глубокий экономический кризис, который распространился по всему миру. В 2020 г. Всемирный банк прогнозирует отрицательные темпы роста реального ВВП и в мире в целом (-5,2%), и в развитых (-7,0%), и в развивающихся странах (-2,5%) [6]. Близкие оценки дают специалисты МВФ, ООН и других международных организаций.

Сильнее всего кризис ударит по европейским и латиноамериканским государствам, где валовой

выпуск упадет, соответственно, на 9,1 и 7,2%. В США и Японии произойдет сокращение экономической деятельности на 6,1%, в России - на 4,7%. Рост экономики предполагается в Китае (+1%), Бангладеш (+1,6%), Египте (+3%), в Индии и ряде небольших государств.

В итоге, средние годовые темпы будут самыми низкими после 1945 г. (-9,8%) и 1932 г. (-5,3%), и намного перекроют показатель 2009 г. (-1,8%). Рецессия будет разворачиваться одновременно в 170 из 183 анализируемых стран. По широте распространения нынешний спад поставит печальный рекорд за все время статистических наблюдений с 70-х гг. XIX в.

Совокупные потоки прямых инвестиций за время кризиса могут упасть более чем на 40% по сравнению с нынешним объемом [7]. Мировая торговля, с середины прошлого десятилетия отстававшая от роста ВВП, сократится на 13-32% [8]. Очевидно, что мировая экономика окажется в состоянии глубокого и разрушительного кризиса, который главный экономист МВФ Гита Гопинат сравнивает с «Великой депрессией» 1930-х гг. и называет «Великой самоизоляцией» (*The Great Lockdown*) [9].

В 2020 г. в японской экономике прогнозируется спад в пределах 4,7-7,3% (Банк Японии, средняя оценка: -4,7%, МВФ: -5,8%, ВБ: -6,1%, ОЭСР: -7,3%). Квартальная статистика зафиксировала падение ВВП на 6,3% уже в последней четверти 2019 г. Это произошло, в основном, за счет сокращения внутреннего спроса в результате повышения с 1 октября потребительского налога с 8 до 10%. Получается, что спад в Японии начался еще до пандемии. В I квартале 2020 г. правительственные оценки спада составили 2,2% в годовом выражении, а на II квартал независимые эксперты предсказали падение валового выпуска на 23,5% [10].

Разумеется, после такого провала последует восстановительный рост, который уже улавливают тонкие измерители экономической конъюнктуры. В мае 2020 г. повысились показатели потребительской уверенности, числа рабочих вакансий, стоимости акций, денежной базы, товарных цен и производственных запасов [11]. Резко повысились объемы передачи данных, продажи компьютеров и программного обеспечения, «замещающий спрос» наблюдался в онлайн-торговле и супермаркетах, грузоперевозки и строительство почти не пострадали.

А вот в большинстве других видов деятельности наблюдалось сокращение экономической активности. Ожидания малого и среднего бизнеса, а также отраслей сферы услуг продолжали ухудшаться, но темпы падения замедлялись, т.е. приближался момент перелома. На этой основе 15 июля 2020 г. Банк Японии заявил о возможности роста ВВП с темпом 3,3% и 1,5% на протяже-

нии двух последующих лет [12]. Это говорит о том, что уровень экономической активности будет ниже 2019 г. на протяжении 2-3 лет. Темпы роста потребительских цен предполагаются отрицательными (-0,5%) в текущем году и невысокими (+0,3% и +0,7%) в ближайшем будущем.

В число наиболее пострадавших отраслей экономики попали автомобилестроение, туризм и общественное питание, а среди сфер экономической деятельности наибольшее внимание регуляторов привлек рынок труда. Отметим, что каждый из этих секторов в последние годы находился на переломном этапе развития. Рассмотрим положение в них более подробно.

Японское автомобилестроение занимает важное место и в экономике мира (около 10% глобального производства и 16% экспорта автомобилей), и внутри страны. Доля отрасли в отгрузках промышленности - 19%, в экспорте страны - 20,5% [13]. Из 9,7 млн произведенных в 2018 г. автомобилей 4,9 млн были реализованы в Японии, а 4,8 млн направлены на экспорт. К этому следует добавить производство и транснациональную продажу 19,9 млн автомобилей, а также большого числа комплектующих на 185 зарубежных площадках японских компаний.

На первом этапе пандемия привела к краткосрочному нарушению цепей поставок и провалу сбыта, а впоследствии стала причиной долгосрочного падения спроса. Всего в мире в 2020 г. продажи автомобилей сократятся на 17%, в т.ч. в США на 30%, в Западной Европе на 31%, в Японии на 8%, ожидается падение в Китае и Индии.

По сравнению с мировым финансовым кризисом 2008-2009 гг. ситуация должна выправиться быстрее, поскольку в большинстве стран приняты меры поддержки спроса, действует кредитование сбыта. По оптимистическим оценкам, в 2021 и 2022 гг. ожидается мировой рост продаж на 12,5% и 5%, что позволит японским компаниям восстановить свои позиции [14].

В результате пандемии серьезно пострадала туристическая отрасль, которая в последние годы считается важным драйвером развития японской экономики. Общие расходы на туризм в 2019 г. достигли 31,6 трлн иен (5,7% ВВП). По вкладу в экономику страны туризм соперничает с электронной и автомобильной промышленностью. В структуре продаж туристической отрасли в 2019 г. 11,5% приходилось на зарубежные поездки японцев и 88,5% - на внутренние расходы, которые осуществляли жители Японии (73,3%) и приезжие иностранцы (15,2%) [15].

В связи с распространением инфекции и введенными ограничениями в апреле-мае 2020 г. отрасль, по сути, «застыла», а въездной туризм полностью прекратился. Это заставило правительство выделить бюджет в 1,7 трлн иен (около 7% соответствующих продаж) и с 22 июля 2020 г. запу-

стить программу стимулирования внутреннего туризма с возмещением путешественникам половины расходов. Результаты должны появиться через несколько месяцев. Однако даже при полной реализации этих мер падение продаж по итогам года может достичь 30-40% [16].

В период кризиса в большинстве государств ухудшается ситуация с занятостью и доходами населения. В этом смысле Япония не исключение, хотя уровень безработицы здесь существенно ниже, чем в большинстве развитых стран (2,4% против 5,4%, в среднем, по группе стран-членов ОЭСР в 2019 г.). Большинство японских компаний в период высокой конъюнктуры сдерживают зарплаты и накапливают наличные резервы на своих балансах, а с наступлением кризисов оберегают ядро постоянных работников и не рассматривают возможности массовых увольнений.

Опросы показывают, что эта стратегия применяется и в ходе нынешнего кризиса. В частности, в июле 2020 г. 75% опрошенных компаний (66% в автомобилестроении) отмечали стабильность общего числа занятых по сравнению с прошлым годом. В 14% фирм (44% в автомобилестроении) до половины их работников находились в вынужденных отпусках, получая 60% от обычной заработной платы [17]. Это позволяет обоснованно предположить, что общий уровень безработицы в стране в 2020-2021 гг. хотя и повысится, но сохранится на достаточно скромном уровне в 3,4-4% (против 9,9-10% в странах ОЭСР).

Результаты текущих обследований рынка труда в мае 2020 г. зафиксировали повышение безработицы до 2,9% и сокращение численности работников на 0,76 млн человек по сравнению с предыдущим годом, причем 0,61 млн составили временные занятые в гостиничном бизнесе, общественном питании и других отраслях сферы услуг [18]. Кроме того, понизились количество вакансий (причем падение было самым резким со времен нефтяного кризиса 1974 г.), отработанного рабочего времени и уровень номинальной оплаты труда. Очевидно, что после длительного повышения спроса на рабочие руки и улучшения условий занятости динамика японского трудового рынка развернулась в противоположном направлении.

ПРИОРИТЕТЫ АНТИКРИЗИСНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В приоритетах антикризисной политики можно выделить денежные, бюджетные и структурные меры. Отметим, что именно из этих элементов состоит программа премьер-министра С.Абэ («Абэномика»), которая позволила Японии выйти из длительного периода «потерянных десятилетий» 1992-2012 гг.

Денежный блок антикризисной политики состоит в наращивании Банком Японии предложения ликвидности в обмен на государственные и корпоративные ценные бумаги («количественное смягчение», КС). В широких масштабах КС начали применять в США и Европе для борьбы с всемирным кризисом 2008-2009 гг. В Японии элементы КС использовались еще в конце 1990-х, но крупное расширение денежного предложения запоздало и началось только в 2013 г.

Нынешний кризис изменил характер КС: реакция властей последовала незамедлительно, а денежные меры расширились сразу на 30% по сравнению с предыдущим годом. В марте-июне Банк Японии объявил о снятии в 2020 г. ограничений на покупку гособлигаций, об увеличении лимита на балансовые объемы обязательств крупных компаний, о разрешении финансовым организациям выдавать беспроцентные и беззалоговые займы малым и средним предприятиям (МСП) и частным лицам, а также о поддержке банковской системы. Долгосрочные последствия КС пока не вполне ясны, однако в краткосрочном плане стабильность курса иены и фондового рынка говорит об эффективности сделанных шагов.

Финансовая часть политики представляет собой набор бюджетных программ, направленных на борьбу с пандемией, поддержку населения, предприятий и секторов экономики, а также осуществление стимулирующих мер. Четыре антикризисных пакета были приняты в феврале-мае и включены в основной и два дополнительных бюджета на 2020 г. Общая сумма запланированных «обычных» расходов составляет 61,6 трлн иен (11,1% ВВП 2019 г.), из которых около 1% ВВП направляется на медицинские и эпидемиологические меры, 2,7% - на содействие населению, 2,8% - на формирование резервного фонда, 4,6% - на поддержку предприятий и прочие цели.

В частности, приняты решения о выделении временной помощи в 100 тыс. иен каждому жителю Японии (большинство из них эти деньги уже получили и потратили), о помощи семьям с детьми до 300 тыс. иен, о субсидировании аренды малыми и средними предприятиями (МСП) до 1 млн иен, о помощи МСП до 2 млн иен и многие другие меры. Кроме «обычных» расходов, в состав антикризисных мер включаются «специальные» займы и инвестиции через финансовые организации, а это доводит размеры пакета до 233,9 трлн иен (42,3% ВВП). Огромные расходы приведут к расширению бюджетного дефицита до 17,2% ВВП. Эта цифра не имеет прецедентов в современной экономической истории Японии, поскольку даже в период крупных потрясений 1998 и 2009 гг. показатель дефицита не превышал 10-

11%. Остается только надеяться, что восстановление экономики позволит увеличить доходы и компенсировать неизбежный прирост государственного долга.

И, наконец, последняя составляющая антикризисных мероприятий содержит среднесрочные меры по стимулированию пострадавших секторов после начала подъема и долгосрочные шаги, направленные на повышение устойчивости экономической структуры. Отметим лишь один элемент из широкого комплекса планируемых действий.

Правительство Японии считает международное сотрудничество незаменимым орудием в борьбе с пандемией и указывает на важность «апгрейда»⁵ глобализации путем сдерживания разрушительных и поддержки созидательных сил. В качестве общей стратегии преодоления кризисов, вызванных пандемией, природными катастрофами или экологическими изменениями, предлагается ориентация всех стейкхолдеров⁶ на показатели устойчивого развития (Япония пока заметно отстает от стран «семерки» по инвестициям на эти цели). Более конкретный план действий направлен на реорганизацию цепей поставок для поиска нового баланса эффективности и риска.

Важность диверсификации поставщиков хорошо известна японским производителям, периодически страдающим от всплесков антияпонских настроений в Китае, наводнений в Таиланде или землетрясений у себя дома. Меры противодействия (контроль запасов, распределение производства, цифровизация технологий и т.д.) также разработаны и апробированы на множестве примеров. Новым элементом в реакции на нынешний вызов является, пожалуй, выделение в бюджете специальной статьи в 235 млрд иен (\$21 млн) на перенос производственной базы из зарубежных стран в Японию.

Беспрецедентные масштабы, быстрота внедрения и сбалансированный характер антикризисных мер говорят о том, что они должны стать важным фактором преодоления рецессии и выхода экономики Японии на траекторию устойчивого роста.

ДРУГИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ В МИРЕ И ЯПОНИИ

Нельзя обойти вниманием психологические проблемы, возникающие во время пандемии, которые грозят не только переболевшим. В Японии появилось выражение «*корона рикон*» - развод в результате пандемии. Вследствие постоянного совместного времяпрепровождения некоторые пары вынуждены решать в своих отношениях долго игнорировавшиеся проблемы. Япония не

⁵ «Апгрейд» (англ. *upgrade*) - улучшать, модернизировать (прим. ред.).

⁶ Стейкхолдер (англ. *stakeholder*) - заинтересованная сторона, причастная сторона, участник работ (прим. ред.).

была бы Японией, если бы тут же не были предложены услуги, направленные на спасение браков. Токийская компания «Касоку», специализирующаяся на предоставлении услуг краткосрочного найма, выступила с инициативой предоставления помещений для проживания и дистанционной работы людям, почувствовавшим необходимость в отдыхе друг от друга [19].

В семьях с детьми возникает еще больше проблем. Возросло число случаев жестокого обращения с детьми: в январе - марте 2020 г. на 10-20% по сравнению с соответствующим месяцем предыдущего года. При этом в январе и феврале было отмечено 15 тыс. таких случаев, а в марте (многие школы в Японии были закрыты с 2 марта) - 22,5 тыс.). А в консультационный центр по проблемам детей в Саппоро из полиции и от живущих по соседству семей в марте поступило 146 сообщений о злоупотреблениях в отношении детей, что в 1,5 раза превосходит число подобных обращений в марте 2019 г. Большое число проблем носит психологический характер, когда дети были травмированы, видя, как родители ссорятся. В центр обращались и родители, вынужденные целый день проводить время с детьми и испытывавшие от этого стресс. Одним из факторов, который может привести к жестокому обращению с детьми, могут быть финансовые трудности [20].

Влияние пандемии не сводится лишь к негативным последствиям. Многие эксперты сходятся в том, что в результате еще более ускорится научно-технический прогресс. Мы живем в эпоху цифровой революции, которая привела к беспрецедентным темпам технологического прогресса. Ее называют и четвертой промышленной революцией, а с учетом увеличения скоростей иногда и пятым технологическим сдвигом. То, что поначалу представляется невозможным, оказывается реализованным сравнительно быстро. Как следствие пандемии очевидно последуют инновации в таких сферах, как биотехнологии, телемедицина, онлайн-обучение и т.д.

Нельзя не обратить внимания и на такую грядущую перемену, как постепенный переход на дистанционную работу все большего числа людей. Пандемия показала, что рабочее место человека благодаря развитию онлайн-технологий может находиться в любом месте. И если профессия позволяет, то, очевидно, что люди будут использовать все больше возможностей для удаленной работы, а, следовательно, подходящий для них рынок труда значительно расширится.

Сопредседатель Совета по технологиям и инновациям Нью-Йоркского института городских земель Дрор Полег называет это заменой «местной экономики дефицита» «экономикой избытка», предоставляющей широкий выбор и занятия, и разнообразных услуг, и культурных мероприятий, и со-

циальной активности [21]. Получая возможность работать, находясь где угодно, человек оказывается подключенным к глобальному рынку труда. В этой связи правомерно поставить вопрос и об изменении самой сущности безработицы: потеряв работу в одном месте, можно найти ее в другом с несравнимо большей вероятностью, чем прежде.

Однако, как подчеркивает Д.Полег, у подобной теоретической свободы есть и темная сторона - вследствие новых возможностей возникнут проблемы другого свойства: распределение населения и экономической деятельности приобретет сегрегационный характер, «цифровой разрыв» углубится; появятся и другие проблемы. Практика локдауна показывает, что формат занятости изменится в заметных масштабах: новая модель, по сути, протестирована, продемонстрировав большие возможности, и многие люди продолжают работать в дистанционном режиме.

В Японии такой переход представляется все более реальным. В новом «Основном экологическом плане страны», опубликованном в 2018 г., была поставлена цель реформировать стиль работы путем организации дистанционной работы, что, по замыслу разработчиков плана, будет способствовать совершенствованию баланса времени между работой и домом (позволит ухаживать за детьми и престарелыми, да и просто больше времени уделять детям и своим хобби и пр.), а также и повышению производительности труда. Эта цель ставится в русле продвижения к устойчивому обществу - сокращение использования личного и общественного транспорта даст заметный экологический эффект. И пандемия это наглядно показала.

* * *

Борьба с пандемией продолжается, и любая информация об эпидемиологической обстановке устаревает мгновенно. Однако, очевидно, что в первую волну заболеваемости Японии удалось выиграть время для развертывания системы здравоохранения, минимизировать смертность населения и удержать в разумных пределах экономический ущерб. В этом проявились важные особенности японского социума, которые позволили ограничить распространение инфекции без применения разрушительного государственного давления.

Экономические последствия первого этапа кризиса оказались серьезными, но в ряде затронутых отраслей (автомобилестроение, внутренний туризм) уже появились признаки восстановления, рынок труда продемонстрировал традиционную устойчивость, а оперативные меры помогли сохранить спокойствие на валютном и финансовом рынках. Возможно, главные трудности еще впереди, но к концу первого полугодия в экономике страны появились предпосылки для быстрого восстановления.

По-видимому, за прошедшие годы в Японии удалось выработать комбинацию мер экономической политики, которые не только вывели страну из периода «потерянных десятилетий» рубежа XX-XXI вв., но и оказались эффективны для преодоления новых шоков.

Перечисленные элементы японского опыта, с нашей точки зрения, могут иметь широкое меж-

дународное звучание. Тем более что один из ведущих в мире экспертов по эпидемии коронавируса Габриэль Лан в середине июля в интервью *NBC news* сказал, что людям нужно привыкнуть к новой «нормальности». По его мнению, повторяющиеся циклы пандемии будут частью нашей жизни на протяжении большего времени в предстоящие 12 месяцев.

Список литературы / References

1. Johns Hopkins University. Coronavirus resource center. <https://coronavirus.jhu.edu/data/mortality> (accessed 26.07.2020)
2. Stephen Jones, Tyler Moyer. Bakersfield doctors dispute need for stay-at-home order. 22.04.2020. <https://bakersfieldnow.com/news/local/accelerated-urgent-care-provides-statistical-update-on-covid-19> (accessed 23.06.2020)
3. Key policy guidelines for novel coronavirus infection (In Jap.). <https://www.mhlw.go.jp/content/10900000/000599698.pdf> (accessed 26.07.2020)
4. Crowdfunding projects help virus-hit businesses in Japan. *The Japan Times*. 25.05.2020.
5. Philipp Patrick. Coronavirus is revealing uncomfortable truths about Japan. *The Spectator*. 3.05.2020. <https://www.spectator.co.uk/article/why-japan-is-particularly-vulnerable-to-the-corona-divorce> (accessed 16.07.2020)
6. The World Bank (2020) Global Economic Prospects. June 2020. <https://www.worldbank.org/ja/publication/global-economic-prospects> (accessed 27.07.2020)
7. UNCTAD (2020) World Investment Report 2020. https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf (accessed 27.07.2020)
8. WTO (2020) Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy. https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm (accessed 27.07.2020)
9. Гопинат Г. Великая самоизоляция: самый глубокий экономический спад со времен Великой депрессии. Блог МВФ. 15.04.2020. (Gopinat G. Great self-isolation: the deepest economic downturn since the Great Depression. IMF blog. 15.04.2020) (In Russ.). <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/04/14/blog-weo-the-great-lockdown-worst-economic-downturn-since-the-great-depression> (accessed 27.07.2020)
10. Japan Center for Economic Research, JCER (2020) ESP Expert forecasts as of July, 2020 (In Jap.). <https://www.jcer.or.jp/esp-forecast-top> (accessed 27.07.2020)
11. Cabinet Office (2020) Index of Business Conditions. May 2020. <https://www.esri.cao.go.jp/jp/stat/di/di.html> (accessed 27.07.2020)
12. Bank of Japan (2020) Review of Economic Conditions and Price Levels, July 2020 (In Jap.). <https://www.boj.or.jp/mopo/outlook/gor2007a.pdf> (accessed 27.07.2020)
13. Japan Automobile Manufacturing Association. <http://www.jama.or.jp/industry/industry/index.html> (accessed 27.07.2020)
14. Goldman Sachs (2020) Automotive Industry Outlook (In Jap.). <https://www.goldmansachs.com/japan/insights/pages/japan-auto.html> (accessed 27.07.2020)
15. Japan Association of Travel Agents (2020) Tourism 2020 in numbers (In Jap.). https://www.jata-net.or.jp/membership/purchase/200629_sjhninfo.html (accessed 27.07.2020)
16. What's happening now in the tourism industry. 10.06.2020 (In Jap.). <https://www.travelvoice.jp/20200610-146276> (accessed 27.07.2020)
17. Reuters (2020) Japan firms see no immediate fix for virus pain. July 16, 2020. <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-japan-companies-po/japan-firms-see-no-immediate-fix-for-virus-pain-some-eye-better-productivity-reuters-poll-idUSKCN24G395> (accessed 27.07.2020)
18. Statistics Bureau of Japan (2020) Labour force survey. May 2020 (In Jap.). <https://www.stat.go.jp/data/roudou/sokuhou/tsuki/pdf/gaiyou.pdf> (accessed 27.07.2020)
19. May Maganskay. «Corona divorce»: Tokyo firm offers rooms to give people a break from their spouses. *The Japan Times*. 26.04.2020.
20. Toko Tanaka, Atsuko Hatayama. Child abuse cases climb 10-20% in Japan as families stay home more. *The Asahi Shimbun*. 12.05.2020.
21. Dror Poleg. Cities in the age of abundance. Living on the Tail. 10.07.2020. https://rethinking.re/blog/living-on-the-tail/?fbclid=IwAR1uvbOHwyrAUfzhTYqgB7Whfv4Rgjo_hWAc-IU-DHILT55eGYBIvPx21Y (accessed 19.07.2020)
22. Воронцов А.В. Борьба с коронавирусом на Корейском полуострове. *Азия и Африка сегодня*. 2020, № 9. (Vorontsov A.V. 2020. The Korean peninsula fight against coronavirus. *Aziya i Afrika segodnya*. № 9) (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750010857-4

ИРАК СЕГОДНЯ: НА ПУТИ К СТАБИЛЬНОСТИ ИЛИ НОВЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ КРИЗИСАМ?

© 2020 С. АЛЕКСАНДРОВ, Е. САВИЧЕВА

АЛЕКСАНДРОВ Сергей Александрович, кандидат исторических наук, востоковед, эксперт (si0506_53@mail.ru)
САВИЧЕВА Елена Михайловна, кандидат исторических наук, доцент Российского университета дружбы народов (savicheva@mail.ru)

Резюме. Рассматривается социально-экономическая и политическая ситуация в Ираке в последние годы, анализируются детерминирующие ее внутренние и внешние факторы, в числе которых смены руководства, массовые протесты, этноконфессиональные конфликты, террористическая угроза, внешние воздействия. Особое внимание уделяется деятельности иракской политической элиты, от которой зависит судьба страны - достижение национального согласия и стабильности, либо политический хаос и угроза развала страны. Оценивается стартовый этап деятельности вновь избранного иракского премьера М.аль-Каземи.

Ключевые слова: Ирак, социально-экономическая ситуация, нефть, кризис, конфликты, массовые протесты, стабильность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039 «Модели сотрудничества на Ближнем и Среднем Востоке в контексте конфликтного потенциала региона в первой четверти XXI века».

IRAQ TODAY: ON THE WAY TO STABILITY OR NEW POLITICAL CRISES?

Sergey A. ALEKSANDROV, PhD (History), Orientalist, expert (si0506_53@mail.ru)
Elena M. SAVICHEVA, PhD (History), Associated Professor, Peoples' Friendship University of Russia (savicheva@mail.ru)

Abstract. The article focuses on socio-economic and political situation in Iraq in recent years. The authors consider the internal and external factors determining the political and socio-economic situation in the country, including the change of leadership, mass protests, high unemployment, especially among the young people, ethno-confessional conflicts, the terrorist threat, external influences.

The situation in the country was significantly aggravated by the collapse of world energy prices. The authors note a number of serious problems and difficulties that the Iraqi society have faced recently - distancing of the Iraqi Sunnis from the authorities, the destructive acts of the «Islamic State» (ISIS) on a part of the national territory, difficulties in the relationship between the central authorities and the Kurdish autonomy.

The prospects for relations between Baghdad and the United States and Iran are considered in separate contexts, but in a coherent logical relationship. Particular attention is paid to the activities of the Iraqi political elite which determine the fate of the country - either achieving national harmony and stability, or political chaos and the threat of collapse of the state. The starting stage of the activities of the newly elected Iraqi Prime Minister M. al-Kazemi is assessed. On the whole experts positively assess his activities, but they never tire of warning - his cabinet will have to deal with so many diverse and powerful challenges, including those that little depend on Iraq itself.

Keywords: Iraq, socio-economic situation, oil, crisis, conflicts, mass protests, stability

Современная история государства Ирак демонстрирует столько парадоксов, что это можно считать чрезмерным даже для Ближнего Востока с его обилием противоречий и контрастов.

ПАРАДОКСЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ СУДЬБЫ

Эта арабская страна со стремительно растущим населением (на настоящее время - 43 млн человек) занимает 5-е в мире и второе среди членов ОПЕК место по добыче нефти, непрерывно наращивая соответствующие показатели (предостаточно здесь и газа, но до него пока, как говорится, «руки не дошли»). При этом большинство жителей лишено доступа к общепринятым социальным благам и страдает от неудовлетворительных условий жизни. За последние десятилетия Ирак не раз переживал разрушительные события - на-

силственную смену режима, масштабные боевые действия, этноконфессиональные конфликты, действия боевиков «Исламского государства» (ИГИЛ) и другие террористические угрозы, внешние санкции, массовые протесты.

Однако перечисленные катаклизмы практически не коснулись динамично развивающейся нефтяной сферы. Налицо разительный контраст, когда на протяжении десятилетий сочетается низкий уровень жизни большинства граждан и устойчивый прогресс в области нефтедобычи (вопреки неоднократным ограничениям по линии ОПЕК и затем ОПЕК+). Иракцы винят в таком положении власти - и не просто очередное правительство, а национальную элиту в целом, погрязшую в бесконечных расприх и чудовищной коррупции.

Другой характерный штрих: иракский рынок труда ежегодно пополняется на 800 тыс. молодых

людей, подавляющее большинство которых присоединяется к миллионам соотечественников, не находящих применения у себя на родине. Безработица на конец 2019 г. составляла 20%, а среди молодежи - 25%. По расчетам Всемирного банка, только восстановление 7 иракских провинций, затронутых недавней войной с ИГИЛ, потребует \$90 млрд и не менее 5 лет интенсивной работы, при том что в стране не восстановлено многое из разрушенного еще во времена американского вторжения (с 2003 г.). Составленный *Transparency International*, «международный индекс восприятия коррупции» (версия 2018 г.) поставил эту страну на 168-е место из 180, фигурирующих в рейтинге [1].

Что касается отсутствия положительной социально-экономической динамики, то багдадское руководство привычно оправдывает это тем ущербом, который в свое время был нанесен «Исламским государством», а также необходимостью следовать жестким рекомендациям МВФ (секвестр для работников по госнаймам в части зарплат и их численности, ужесточение налогообложения и т.д.).

Неблагополучное состояние социально-экономической сферы страны объясняют также падением в середине десятилетия мировых цен на энергоносители. Впрочем, и в прежний, более благоприятный для Ирака, период бюджетные поступления расходовались на иные цели - такие, как содержание неимоверно раздутого административного аппарата, а также курдской автономии, но более всего - «на оборону и безопасность», тогда как на самом деле финансы расхищались дорвавшимися до «хлебных» должностей кланами, уходили на содержание иррегулярных «гвардий» и иные далекие от общественных нужд цели [2; 3].

Последствия от вторжения в Ирак в 2003 г. американской армии не ограничились свержением режима Саддама Хусейна и демонтажом подчиненной ему военно-государственной машины. Оставшись без вождя-диктатора, более трети века правившего здесь железной рукой, страна погрузилась в пучину внутренних конфликтов. Вашингтон между тем занялся насаждением на багдадской почве «системы представительной демократии», считая в дальнейшем свою политическую миссию выполненной. Но затем что-то пошло не так: вывод основного американского контингента в 2011 г. не стимулировал иракское государство к обновлению и развитию, зато еще шире отворил «ящик Пандоры», переполненный острыми проблемами - экономическими и социальными, политическими и этноконфессиональными...

Структура государственной власти в Багдаде функционировала в условиях перманентной «пожарной» обстановки - ситуация, более чем удобная для влиятельных кланов и прочих коррупционеров, засевших во властных органах начиная

с парламента, но не пригодная ни для чего конструктивного. Дистанцирование иракских суннитов от власти, разрушительные деяния ИГИЛ на части национальной территории, сложности во взаимоотношениях между центральными властями и курдской автономией. Это и многие другие негативы становились уделом очередного правительства и переходили как бы по наследству к следующему, причем без видимых перемен к лучшему [4].

ОТ МАССОВЫХ ПРОТЕСТОВ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ КРИЗИСУ

В октябре 2018 г. (после 5-месячного периода «безвременья», когда президентское кресло в иракской столице пустовало) избранный посредством парламентской процедуры на высший государственный пост курдский деятель Бурхан Салих назначил руководить кабинетом опытного политика и экономиста, а также экс-вице-президента страны Аделя Абдель Махди. Такое назначение состоялось, во многом, благодаря договоренности двух крупнейших парламентских фракций - подчиняющегося харизматичному шиитскому проповеднику-популисту Муртаде Садру альянса «Ас-Саирун» и блока «Фатх» под руководством Хади аль-Амери, который представляет интересы «зонтичного» объединения проиранских ополчений «Аль-Хашд аш-Шаабий». Впрочем, весьма внушительная политическая поддержка не помогла А.А.Махди преуспеть на своем посту. Кроме дежурно-бесплодных заявлений должностных лиц, этот период запомнился разве что экзотическим скандалом вокруг иракского министра обороны Н.аш-Шамари: случайно обнаружилось, что он сочетает высокую национальную должность со статусом беженца в Швеции, куда ежегодно ездит с семьей за полагающимся пособием по безработице.

Минул год, и негодование иракского населения из-за тяжкого экономического положения и разгула коррупции вылилось в ожесточенные массовые протесты. С начала октября 2019 г. события приняли характер стихии, в которой главной движущей силой выступала безработная молодежь, называющая себя «поколением без будущего». Поначалу требования митингующих касались удовлетворения элементарных потребностей населения в электро- и водоснабжении, медобслуживании и проч., восстановлении разрушенной инфраструктуры, воссоздании рынка труда и т.д. Притом требования носили не локальный, а общенациональный характер, что трактовалось некоторыми наблюдателями как своеобразное проявление местного патриотизма (в том понимании, что Ирак еще не так давно был региональной державой и имел достижения, преданные нынешними правителями).

С другой стороны, массовость и эмоциональность народных выступлений «обнулялась» отсутствием как координации действий, так и «руководящей и направляющей силы». После того, как силовики (сначала официалы, а потом раз за разом «неопознанные вооруженные лица») стали применять к митингующим жесткие и нередко летальные средства подавления, выступления только усилились, а требования «улицы» приобрели политический характер. Прозвучали призывы к пересмотру конституции и закона о выборах, роспуску недееспособного парламента, обузданию полуразбойничьих милиций, недопущению в политику клерикалов, наказанию казнокрадов и т.д.

Вдобавок заметно усилились антииранские настроения: митингующие обвинили «власти предержащие» в том, что ими манипулирует Тегеран - и для таких заявлений находились обоснования. Например, в один голос говорилось о причастности к нападениям на демонстрантов в Багдаде и других местах здешних проиранских «прокси» - отрядов, которые особо опекаются из Тегерана. Эти вооруженные формирования насчитывают порядка 250 тыс. чел. (под «зонтичной» эгидой ополчения «Аль-Хашд аш-Шаабий») и располагают более внушительным потенциалом по сравнению с «силовым сообществом» от государства.

Параллельно с силовыми формированиями оформился лагерь проиранских сторонников и на политическом поле, который стал доминировать в местной властной оргструктуре, скроенной по американским лекалам. Эксперты на Западе усматривают в поведении Ирана сугубый практицизм: дескать, он числит основными своими противниками США, Израиль и Саудовскую Аравию и оттого имеет большие виды на Ирак как важнейшее из звеньев создаваемого им «шиитского пояса». Так или иначе, но описываемые события показали, что перспектива превращения Ирака в иранского сателлита воспринимается жителями неоднозначно, а многими и враждебно. Хотя большинство из них (56%) - арабы, принадлежащие к общей с иранцами шиитской ветви ислама, но именно в этой численно преобладающей среде наблюдатели усматривают популярность идей иракского патриотизма и распространение протестных настроений.

Вместе с тем, значительные сегменты иракского социума остались за рамками протестного движения, хотя к беспроблемным их вряд ли можно причислить. Например, не засветились в этих событиях здешние курды (как в рамках национальной автономии, так и за ее пределами - а в целом это примерно 20% населения страны). То же можно сказать и об арабах-суннитах (последних порядка 15% - в точной статистике власти определенно не заинтересованы). Будучи когда-то главной опорой режима С.Хусейна, эти люди после

его свержения оказались ущемлены в правах и получают помощь от центрального правительства по остаточному принципу. Вдобавок те из них, кто проживает на западе и северо-западе страны, зачислены властями в «игиловских пособников» и влачат бесправное существование в качестве заключенных и перемещенных лиц. В этой связи некоторые эксперты предупреждают, что тем самым багдадские власти своими руками создают базу для дальнейших проявлений терроризма.

ОТСТАВКА ЗА ОТСТАВКОЙ

6 октября 2019 г. спикер иракского парламента Мухаммед Халбуси назвал уличные требования «услышанными». Что касается премьера А.А.Махди, который до того вяло реагировал на события и уверял явившуюся к нему депутацию от митингующих, что «чудес не бывает», то он тут же представил внушительную с виду «программу развития» из 17 пунктов. Но поскольку по части исполнения там не уточнялось ничего, «улица» восприняла документ как очередное упражнение в пустословии. Стихийные протесты, между тем, продолжились - только за первые 5 месяцев беспорядков погибло 700 человек и пострадало более 20 тысяч.

29 октября 2019 г. А.А.Махди подал в отставку; месяцем позже парламент назначил его же и.о. «технического премьера» (в каковой роли ему пришлось оставаться еще около полугода). На фоне этого, а также одновременно обострившейся на иракской почве конфронтации Ирана и США, перспектива решения проблем населения отдалась на неопределенную перспективу. Тем временем в политических кругах Багдада продолжали бушевать немалые страсти на почве сталкивающихся групповых интересов, что не позволяло определиться ни с новыми министерскими кандидатурами, ни тем более с обещанным реформированием политической системы. Вместе с тем, 24 декабря парламент после долгих проволочек принял новый закон о выборах, что являлось одним из главных требований иракской «улицы».

В первые месяцы 2020 г. протесты продолжились (особенно в Багдаде), а США и Иран после убийства американцами в багдадском аэропорту 3 января с.г. ключевого иранского военно-политического куратора Касема Сулеймани интенсифицировали взаимный обмен ракетными ударами на иракской территории. На этом фоне, после четырех месяцев бурных парламентских дебатов и закулисных интриг, президент Бурхан Салех практически «продавил» кандидатуру бывшего министра коммуникаций Мухаммеда Тауфика Алауи, утвердив его главой временного кабинета министров 2 февраля 2020 г. Сделано это было, как говорят шахматисты, «на флажке»: еще немного проволочек - и по закону парламент подлежал роспу-

ску, что не отвечало интересам «прозаседавшей» правящей прослойки. Новоназначенный руководитель декларировал многообещающие приоритеты деятельности будущего кабинета (в целом повторяя предшественника).

Однако по истечении положенного месячного срока он не смог согласовать его состав (хотя несколько раз пытался провести министерский список через парламентское «сито») и сдал полномочия, а кризис государственной власти в Ираке продолжился. Уставший от бессменной вахты «технический премьер» А.А.Махди тогда же предостерег от «конституционного и административного вакуума», в котором оказывается государство ввиду неспособности организовать досрочные парламентские выборы.

17 марта с.г., снова в обстановке цейтнота, президент назначил на премьерский пост Аднана Зарфи (бывшего губернатора и депутата, обладателя гражданства США). Но 9 апреля и он взял самоотвод, по его заявлению - «с учетом внутренних и внешних обстоятельств», а по версии комментаторов - приняв к сведению недоброжелательный настрой со стороны Тегерана и его местных «прокси». Всё происходило на фоне беспрестанных междоусобиц между соперничающими силами в парламенте - теми же альянсами «Сайрун» и «Фатх», а также «Наср» и прочих. Получалось, что «система представительной демократии» вновь завела местный феодально-клановый «политический класс» в тупик.

Наряду с этим, Ирак оставался отягощен другими острыми проблемами. После убийства ключевого иранского куратора генерала Касема Сулеймани власти в Багдаде заявили о свертывании сотрудничества с «антитеррористической коалицией» США (хотя позднее его возобновили, пусть и в ограниченных масштабах). США, со своей стороны, по-прежнему стремятся к многоцелевому использованию иракской территории (в первую очередь, применительно к главным американским оппонентам - Ирану и Сирии). В марте силы США и их противники - проиранские формирования продолжали обмен ударами с воздуха по базам и местам дислокации (только за указанный месяц было трижды обстреляно американское посольство в Багдаде, а в начале апреля впервые - объекты американской нефтяной компании на юге страны). Вашингтон адресовал претензии на этот счет багдадским властям, хотя у тех не было рычагов воздействия на ситуацию. Симптоматично, что практически все союзники США по коалиции заявили тогда же, в марте, о выводе своих контингентов [5].

Но иранцы не собирались уступать иракский плацдарм. Внимание экспертов привлёк негласный визит в Багдад 31 марта заместившего покойного Сулеймани нового командующего силами «Кудс» Корпуса стражей Исламской революции

(КСИР) И.Каани, который обсудил с иракским руководством, помимо прочего, вопросы формирования нового правительства в Багдаде и сообщил позицию Тегерана в этой связи. Из этого следует, что фактор иранского влияния применительно к политическим процессам в Багдаде по-прежнему остается определяющим.

Между тем, в ряде иракских провинций (особенно в труднодоступных пустынных и горных зонах) по-прежнему фиксировалась деятельность боевиков ИГИЛ. Власти рапортовали о спецоперациях, на которые игольцы отвечали своими акциями, в т.ч. в столичном районе. Оставались и сложности во взаимоотношениях центрального правительства с руководством Курдской автономии.

Проблема *COVID-19* применительно к Ираку следует рассматривать с учетом как соседства с Ираном, считавшимся совсем недавно «эпицентром заразы» в регионе, так и неготовности системы национального здравоохранения к отражению пандемической угрозы. Первый случай заражения в стране был выявлен 24 февраля. С марта власти постепенно вводили чрезвычайные меры, включая комендантский час. Но это совпало с очередными шиитскими мероприятиями, когда толпы верующих вопреки предостережениям духовных авторитетов двинулись к местам поклонения в Кербеле и Неджефе, игнорируя кордоны силовиков. Позднее из неподтвержденных источников поступила информация о крайне тревожной статистике, будто бы утаиваемой властями.

По данным ВОЗ, в Ираке на каждые 10 тыс. чел. приходится всего 8 медработников, а вся сфера здравоохранения пребывает в удручающем состоянии (это наглядно показал инцидент с массовым отравлением некачественной водой в Басре осенью 2018 г.) [6]. Отмечены и общественные волнения из-за того, что властями не принято должных мер по закрытию КПП на границе с Ираном (их более 20), тогда как первая волна заражений фиксировалась именно по въехавшим оттуда [7]. Только в начале апреля, уже в условиях начавшейся эпидемии, руководители протестного движения приняли решение о приостановке массовых акций. Что касается реакции официальных инстанций, то объяснить низкие весенние показатели заболеваемости для Ирака (как и для соседней Сирии) затруднялись даже специалисты, а тема пандемии обсуждалась скорее под углом ее влияния на экономику.

Наряду с этим, ситуацию в стране заметно ухудшило обрушение мировых цен на энергоносители. По данным Министерства нефти Ирака, уровень доходов от ее продажи только за март 2020 г. упал вдвое (иракское «черное золото» в тот момент котиrowалось на международном рынке на уровне около \$20 за баррель против \$61 еще в конце января) [8]. Но и в таких условиях в Баг-

даже не видели иного выхода, кроме как наращивать добычу (в основном усилиями иностранных компаний) и сохранять обширную географию поставок. Эксперты, между тем, предупреждали о грозящих населению катастрофических трудностях, ведь нефтеторговля до сих пор обеспечивала 90% экспортных поступлений и 66% доходной части бюджета.

Финансовая «подушка безопасности» так и не была создана, громадные деньги оказались съедены вездесущей коррупцией, а шансов сыграть «в свою игру» на мировом энергетическом рынке у Ирака нет. Создалось впечатление, что правящая элита не способна противопоставить нарастанию хаоса в Ираке практически ничего, кроме сокрытия истинного масштаба бедствий. При этом некоторые регионы (в частности, с суннитским населением) фактически давно оставлены властями на произвол судьбы. Исходя из этого, нарастали опасения, что в недалеком будущем страну могут ожидать большие потрясения с труднопредсказуемыми последствиями, зависящими, в большой степени, от поведения внешних игроков.

КАБМИН СФОРМИРОВАЛИ С ТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ. КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ?

9 апреля (в третий раз за два с половиной месяца) последовало президентское назначение очередного премьера: на сей раз им стал руководитель иракской разведывательной службы 53-летний Мустафа аль-Каземи. О его шансах на успех наблюдатели высказывались осторожно. И неудивительно: по ходу кризиса рассматривался ряд кандидатур, и аль-Каземи однажды уже фигурировал среди отвергнутых. Что касается иракской «улицы», то газета «Аль-Араби аль-Джаид» транслировала скептический настрой: дескать, этот и другие выдвигавшиеся деятели, будь то проамериканской ориентации или проиранской - все на одно лицо, а обещания их мало чего стоят. Народ желает правительство, приверженное национальным интересам [5].

По-настоящему «прорывное» событие случилось месяц спустя, 7 мая: новоиспеченному премьеру удалось-таки, в отличие от предшественников, заручиться в парламенте вотумом доверия по составу кабинета министров (5 из 22 министерских вакансий были заполнены месяц спустя - 6 июня). Притом соперничающие депутаты (особенно проиранские) всё так же нагнетали страсти и разжигали дискуссии, на ходу меняли позицию и т.п. Считается, что решающим фактором, предопределившим успех М.аль-Каземи, будто бы явилось согласие Ирана, который тем самым дистанцировался от неконструктивного поведения своих же сателлитов, претендующих на гегемонию в политической элите Ирака. Кроме того, аль-Каземи заручился поддержкой суннитских и курдс-

ких депутатов, связывающих с ним надежды на поддержание межконфессионального баланса во власти.

Этот момент совпал с заметным снижением градуса конфронтации на иракской почве между Вашингтоном и Тегераном, из чего некоторые аналитики сделали вывод о компромиссе соперничающих держав в пользу аль-Каземи как обоюдно приемлемого кандидата. Другие авторы расценили факт обретения Ираком правительства как «сугубо национальное решение», а некоторые поспешили преподнести как «свидетельство гибкости демократической системы», до этого не приносившей стране пользы [9; 10].

Характеризуя личность нового премьера, отметим его особые качества, каковыми не обладали предшественники. Так, считается, что он, выходец из достаточно скромной столичной шиитской семьи, не связан с политическими блоками и религиозно-клановыми элитами, которые вызывают у иракской «улицы» устойчивую антипатию. Не замечен в причастности к сомнительным политическим играм и коррупционным схемам. 4 года назад был привлечен президентом Б.Салехом (как говорят, будто бы с одобрения авторитетного куратора - покойного К.Сулеймани) к руководству Национальной разведывательной службой (*INIS*). Потом оставался в тени, но продемонстрировал умение находить решения в нелегких ситуациях - в частности, координировать усилия в сфере контртеррора с такими, казалось бы, несовместимыми партнерами, как спецслужбы Ирана, США и КСА. М.аль-Каземи отметился высказываниями о том, что Ирак не должен превращаться в «задворки для Ирана», становиться местом сведения счетов ради чужих интересов, а также критиковал ущемление в правах местных суннитов под предлогом «дебаасизации» [11].

Хотя местные критики не преминули уличить этого бывшего политэмигранта, журналиста и политолога в прозападной ориентации, но другие сразу отдали должное его прагматизму, умению договариваться и соблюсти равноудаленность от конкурирующих сил. В итоге, образование правительства во главе с аль-Каземи было воспринято большей частью местного политического спектра и внешними акторами с заметным облегчением и надеждами на мирное подведение Ирака к парламентским выборам [9]. Однако же это никоим образом не отменяет огромного объема трудностей и вызовов, которые предстоит преодолеть иракскому обществу на этом пути.

Представленная М. аль-Каземи программа действий содержит перечень приоритетных обязательств: подготовка к досрочным выборам, борьба с коррупцией как первопричиной народного недовольства, проведение административных реформ, выправление ситуации в экономике и финансах, противодействие угрозам и укрепле-

ние безопасности, приверженность демократическим ценностям и т.д. [12; 13]. Как полагают эксперты, «режим наибольшего благоприятствования» для аль-Каземи если и авансировался, то лишь на самых первых порах. А далее, вероятнее всего, мощное проирано-шиитское лобби во властных структурах (начиная с парламента в его пока прежнем составе) примется навязывать свои условия и установки, что, безусловно, осложнит жизнь новому кабмину [12]. Нельзя исключать, с одной стороны, вынесение вотумов недоверия отдельным министрам или кабинету в целом, с другой - и новых протестных выступлений иракской «улицы».

С самого начала новый руководитель кабинета обозначил необходимость решения такой нелегкой задачи, как поэтапная реорганизация вооруженных милиций (формально числящихся в «Силах народной самообороны», т.е. «Аль-Хашд аш-Шаабий»), имея в виду их постепенный перевод под эгиду общенационального командования и встраивание в общую силовую структуру, переадресование на конкретные задачи, а при необходимости и «принуждение к подчинению» [14]. Не случайно, что одним из первых решений премьера аль-Каземи стали кадровые замены в силовом блоке, включая назначения на ключевые посты генералов с западной выучкой, а также спецмероприятия в целях пресечения противоправной деятельности ополченских командиров [15].

В этом же первостепенном силовом контексте следует упомянуть и о непрекращающихся вылазках игиловцев, что стало убедительным поводом и веским аргументом нового лидера добиваться от иракского «вооруженного сообщества» должного уровня подчинения, дисциплины и координации [16]. В этой же связи обращает на себя внимание обоюдная «демонстрация силы», устроенная 25-26 июня Контртеррористической службой Ирака и «Катаиб Хезболла» (крупнейшее боевое ополчение в рамках «Аль-Хашд аш-Шаабий»): они обменялись в столице силовыми акциями с захватом объектов и пленных. Судя по эмоциональному «разбору полетов», который последовал постфактум (не обошлось без физических угроз в адрес премьера, а его советника по вопросам антитеррора Хишама аль-Хашими 6 июля застрелили у собственного дома), основные события в части «межвойского славивания» здесь еще предстоят.

Мустафе аль-Каземи придется учитывать и требования участников массовых выступлений. СМИ отмечают, что он стал первым из череды багдадских руководителей, кто установил с протестующими регулярный контакт и тем самым добился минимизации массовых выступлений по стране [9]. Но реформы, на которые он сейчас мог бы пойти - не более чем поверхностно-косметические, а об их углублении можно

рассуждать только в крайне неопределенной перспективе (например, относительно пересмотра политической системы и электорального законодательства).

На очереди и ряд других вопросов, не терпящих отлагательств. Например, огромный бюджетный дефицит, одной из главных причин которого - малопродуктивный госсектор с раздутым штатным составом и непомерными зарплатными расходами - острейшая проблема безработицы и прочая «социалка».

Над блоком экономических задач довлеет обвал цен на мировом углеводородном рынке, откуда, как уже отмечалось, Ирак черпает более 90% доходов. Согласно прогнозу МВФ, иракский ВВП в текущем году должен «просесть» на 4,7%, а ВБ опускает аналогичный показатель до уровня 9,7%. По данным лондонского Института региональных и международных исследований (IRIS), иракские нефтяные доходы, достигавшие в 2019 г. отметки в \$90 млрд, в текущем году уменьшатся примерно в половину [8]. При такой резко просевшей конъюнктуре правительству в Багдаде ничего не остается, кроме как пытаться удержать экономику и с нею само государство от сползания в бездну, а социальную среду - от разрушительных потрясений. При этом никак не избежать жестких решений, наподобие урезания зарплат и пособий для бюджетников, а также сокращения их численности. Вариант обращения за международной помощью осложнен тем, что Ирак снискал на этом уровне репутацию необязательного партнера (вследствие игнорирования определенных для него по линии ОПЕК квот нефтедобычи, несоблюдения обещаний провести реформы, на которых настаивает МВФ и т.д.).

Тема разногласий Багдада с администрацией Иракского Курдистана в последние годы обсуждается в контексте спора о распределении доходов от продажи добываемой в регионе нефти. Поддержав М.аль-Каземи в парламенте, курды рассчитывали на его гибкость в сравнении с предшественниками, а также на дружественное посредничество Запада. Ожидания отчасти оправдались: между Багдадом и Эрбилем «в кои-то веки» завязался предметный диалог.

Перспективы взаимоотношений Багдада с США и Ираном рассматриваются экспертами в отдельных контекстах, но в слитной логической взаимосвязи. В частности, упоминается о начавшемся американо-иракском «стратегическом диалоге», подразумевающем вероятность «перезагрузки» двусторонних отношений, начиная с военной области. Вашингтон видит в новом премьерe гораздо более приемлемого собеседника по сравнению со всеми предшественниками и демонстрирует готовность к содействию. Так, согласно оценке профессора Рахмана Джубори из Американского университета в Сулеймании (Иракский

Курдистан), Вашингтон весьма удовлетворен появлением на руководящем посту в Багдаде светского деятеля, дистанцированного от воинствующих клерикалов [9].

Что касается сотрудничества с Тегераном, о потере им бывшего влияния на Багдад говорить, по-видимому, не приходится. Однако имеются факты, свидетельствующие о тенденции нового иракского правительства к самостоятельности. Так, министерские контакты Багдада с Эр-Риядом и Эль-Кувейтом в конце мая с.г. можно расценивать как стремление уменьшить зависимость от Ирана (откуда Ирак пока вынужден импортировать для своих социально-бытовых нужд газ, электричество и даже питьевую воду). Монархии Персидского залива также согласились уступить Ираку долю от своих квот по нефтедобыче, ранее установленных в рамках ОПЕК+ [17].

* * *

Исследователи, в целом, позитивно оценивают стартовый этап деятельности иракского премьера М.аль-Каземи, но не устают предостерегать: его кабинету придется иметь дело с таким количеством разнообразных и мощных вызовов (включая такие, где от самого Ирака мало что зависит), что строить конкретные прогнозы, а министрам выдавать обещания в таких сложных условиях - занятие сомнительное. Ведь в финансово-экономическом плане Ирак сейчас находится в более худшем положении, нежели в первые годы после свержения режима С.Хусейна [3]. Заявивший об этом в конце июня с.г. 73-летний Али Абдель-Амир Алауи был в середине «нулевых» министром финансов Республики Ирак, а теперь назначен на данный пост вновь. Кому же знать, как не ему.

Список литературы / References

1. Caroline Alexander. What to Know About the Massive Protests Riling Iraq. October 9, 2019. <https://www.yahoo.com/news/iraq-break-violence-brief-economy-155859703.html> (accessed 28.06.2020)
2. Ghassan Adnan and Isabel Coles. Protesters Rise Up Over Iraq's Missed Economic Opportunities. *The Wall Street Journal*. 2019. October 6. <https://www.wsj.com/articles/protesters-rise-up-over-iraqs-missed-economic-opportunities-news/Iraq> (accessed 28.06.2020)
3. Without Urgent Reform, Iraq Economy will Face Irreparable Shocks: Finance Minister to AFP. <https://www.yahoo.com/news/iraq-break-violence-brief-economy-155859703.html> (accessed 28.06.2020)
4. Подробнее о правительственной деятельности под руководством выдвиженцев партии «Ад-Дава» Н.аль-Малики (2006-2014 гг.) и Х.аль-Абади (2014-2018 гг.) см.: Мамедов Р. Ирак. Формирование государственных институтов 2005-2018. Долгий путь к национальному согласию. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 11. (Mamedov R. 2018. Iraq. Formation of State Institutions 2005-2018. A Long Way to National Consensus. *Asia and Africa today*. No. 11 (In Russ.))
5. Dialogue between Baghdad and Washington: expected and desired for both sides (In Arab.). <https://www.alaraby.co.uk/politics/2020/4/11/> (accessed 01.06.2020)
6. Alex MacDonald. Coronavirus: Iraqi Doctors Warn of Healthcare Collapse if Cases Continue to Rise. *Middle East Eye*. 2020. 31 March. <https://www.middleeasteye.net/news/coronavirus-iraqi-doctors-warn-healthcare-collapse-if-cases-continue-rise> (accessed 01.06.2020)
7. Hussein Solomon. The Impact of Covid-19 on the Middle East and North Africa. *The Jerusalem Center for Public Affairs*. 2020. April 12. <https://jcpa.org/article/the-impact-of-covid-19-on-the-middle-east-and-north-africa> (accessed 14.06.2020)
8. Mona Alami. Hard Choices for the Iraq's New Government. *Al-Arabiya English*. 2020. 19 May. <https://english.alarabiya.net/en/News/middle-east/2020/05/19/Hard-choices-for-the-new-iraqi-government.html> (accessed 28.06.2020)
9. Alissa J. Rubin. Iraq Chooses New Prime Minister, an Ex-Intelligence Chief Backed by U.S. *New York Times*. 2020. May 6. <https://www.nytimes.com/2020/05/06/world/middleeast/iraq-prime-minister-mustafa-khadimi.html> (accessed 01.06.2020)
10. Katherine Lawlor, Brandon Wallace. Iraq Situation Report: April 29 -May 5, 2020. Institute for the Study of War. 2020. May 8. <http://www.understandingwar.org/backgrounder/iraq-situation-report-april-29-may-5-2020> (accessed 01.06.2020)
11. Namo Abdulla. Iraq's New PM Was Once Critical of Country Seen as 'Iran's Backyard'. *Voice of America - News*. 2020. May 22. <https://www.voanews.com/extremism-watch/iraqs-new-pm-was-once-critical-country-seen-irans-backyard> (accessed 28.06.2020)
12. Farhad Alaaldin. Iraq's New Dawn: A New Government and A New Political Reality. *The Washington Institute - Fikra Forum*. 2020. May 11. <https://www.washingtoninstitute.org/fikraforum/view/Iraq-Kadhimi-government-parliament-prime-minister> (accessed 28.06.2020)
13. Eli Lake. Iran is Losing its Grip in Iraq. *Bloomberg Opinion*. 2020. May 10. <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-05-10/new-iraqi-prime-minister-shows-that-iran-losing-its-grip-in-iraq> (accessed 28.06.2020)
14. Michael Knights, Hamdi Malik, and Aymenn Jawad Al-Tamimi. The Future of Iraq's Popular Mobilization Forces. *The Washington Institute: Policy Analysis*. 2020. May 28. <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/the-future-of-iraqs-popular-mobilization-forces> (accessed 28.06.2020)
15. Katherine Lawlor, Brandon Wallace. Iraq Situation Report: May 6-12, 2020. Institute for the Study of War. 2020. May 15. <http://www.understandingwar.org/backgrounder/iraq-situation-report-may-6-12-2020> (accessed 28.06.2020)
16. Sajad Jiyad. ISIS is Making a Comeback, and Iraq's Government May not be Able to Handle it. *Business Insider, World Politics Review*. 2020. June 7. <https://www.businessinsider.com/iraq-may-not-be-able-to-handle-renewed-isis-attacks-2020-6> (accessed 28.06.2020)
17. Katherine Lawlor, Brandon Wallace. Iraq Situation Report: May 20-26, 2020. Institute for the Study of War. 2020. May 30. <http://www.understandingwar.org/backgrounder/iraq-situation-report-may-20-26> (accessed 28.06.2020)

DOI: 10.31857/S032150750011108-0

СТРАНЫ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО РАЗУМА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

© 2020 К. ПАНЦЕРЕВ

ПАНЦЕРЕВ Константин Арсеньевич, доктор политических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (pantserrev@yandex.ru)

Резюме. В статье предпринят анализ современного состояния уровня развития технологий искусственного интеллекта (ИИ) в странах Африки южнее Сахары. Автор также выделяет наиболее перспективные сферы применения ИИ в Африке и определяет основные проблемы, которые препятствуют быстрому и поступательному развитию прорывных технологий в африканских странах. Автор приходит к выводу, что развитие технологий ИИ в Африке напрямую зависит от разработки национальных стратегий развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, информационные технологии, искусственный интеллект, машинное обучение, технологический суверенитет, информационная безопасность, инновации

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта СПбГУ. Проект № 26520757 «Инновационные методологии обеспечения информационной безопасности Российской Федерации».

STATES OF SUB-SAHARAN AFRICA ON THE WAY TO THE CREATION OF THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE MYTH OR THE REALITY?

Konstantin A. PANTSEREV, Dr.Sc. (Political Science), Professor, Saint-Petersburg State University (pantserrev@yandex.ru)

Abstract. There has been undertaken the analysis of the contemporary level of the development of the artificial intelligence (AI) in the states of Sub-Saharan Africa in the article. Basing on the analyses of the existing initiatives in the field of the development of AI-technologies in African countries the author describes the most perspective areas of the use of AI in Africa: in agriculture, education, health service and the work of different governmental bodies. Then he determines key problems and obstacles which impede the rapid development of advanced technologies.

Among those problems the author highlights the necessity of the increase of basic computer skills of ordinary Africans, the poor development of the ICT infrastructure in Africa with very weak penetration deep into the Continent and the insufficient number of datacenters in the region of Sub-Saharan Africa. Finally the author comes to the conclusion that development of AI-based technologies in African countries strictly depends on the adoption of national AI-strategies by the vast majority of African countries.

Nowadays only Kenya has created a taskforce which mission is to elaborate the appropriate national strategy of the further development of the artificial intelligence in the country. But it seems extremely important for every African country to develop its own roadmap of the implementation of the advanced technologies which would be based on the demands of local citizenry and national priorities. Only in that case it would become possible to create favorable conditions for the progressive development of AI-technologies in sub-Saharan Africa and, ultimately, ensure the creation of a high-tech ecosystem in the region.

Keywords: States of Sub-Saharan Africa, Information Technologies, Artificial Intelligence, Machine Learning, Technological Sovereignty, Information Security, Innovations

На протяжении без малого двух десятков лет страны Африки, расположенные южнее Сахары (АЮС), прилагают значительные усилия, направленные на развитие информационных технологий и экономики, основанной на знании. Первым документом, в котором африканские государства признали то обстоятельство, что информационные технологии являются ключевым фактором, способным обеспечить устойчивый социально-экономический рост, была принятая в 2001 г. Программа Нового партнерства для развития Африки (НЕПАД). Главная цель, которую поставили перед собой африканские страны, заключалась в создании современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, в т.ч. в отдаленной и порой труднодоступной сельской местности, и снижении стоимости телекоммуникационных услуг [1].

В последующие годы многие африканские страны приняли долгосрочные, рассчитанные до

2020-2030 гг., стратегические планы национального развития, в которых особый акцент делался именно на развитии информационных технологий. В частности, в 2003 г. такой документ был принят в Гане [2], в 2007 г. - в Кении [3], а в 2009 г. - в Нигерии [4]. Все эти стратегические планы объединяет одно - представление об информационных технологиях как о ключевом инструменте, способным обеспечить поступательное социально-экономическое развитие африканских стран и решить все без исключения стоящие перед Африкой ключевые вызовы и угрозы.

И надо сказать, что странам Африки удалось добиться впечатляющих успехов. Вдоль как западноафриканского, так и восточноафриканского побережья проложена разветвленная сеть магистральных подводных волоконно-оптических кабельных систем. Данные высокоскоростные линии связи обеспечили подключение Африки к гло-

бальному коммуникационному хребту и привели к существенному снижению стоимости телекоммуникационных услуг для простых африканцев.

Сегодня в целом ряде африканских стран идет строительство крупных инновационных комплексов - технопарков, которые в перспективе должны отвечать за развитие информационно-телекоммуникационной индустрии у себя в стране. Одним из наиболее известных примеров такого технопарка является город Конза, строительство которого идет в саванне примерно в 70 км от Найроби, Кения [5]. Помимо Кении, свои технопарки создают Гана, Руанда, Сенегал, Эфиопия и даже Гамбия.

Однако современный уровень развития информационных технологий ставит перед африканскими странами новые вызовы. Сегодня ведущие мировые державы повышенное внимание уделяют разработкам, направленным на создание искусственного разума - гибридным интеллектуальным системам, способным решать самые сложные задачи, самообучаться и принимать решения без помощи человека.

В настоящее время разработки в сфере искусственного интеллекта (ИИ) активно применяются при проектировании интеллектуальных систем машинного перевода, медицинской диагностики, в электронной торговле, в онлайн-обучении, в создании интеллектуальных транспортных систем и даже при производстве новостей и информации. А ведущие поисковые системы предложили своим пользователям голосовых помощников, которые существенно упростили и убыстрили поиск необходимой информации.

При этом зачастую поддержка отечественных разработчиков технических решений, работающих на основе ИИ, оказывается на государственном уровне. Сегодня свыше 30 стран разработали свои национальные стратегии в сфере ИИ. Среди них: США, Китай, Франция, Япония, ОАЭ, Россия [6].

Согласно статистическим данным за 2019 г., в первую пятерку стран по уровню развития технологий ИИ входят Сингапур, Великобритания, Германия, США, Финляндия. Что касается стран Африки, расположенных южнее Сахары, то лучшие позиции в указанном рейтинге принадлежат Кении (52-е место), Маврикию (60-е), ЮАР (68-е) и Гане (75-е место). Сенегал расположился на 93-м, а Нигерия - на 107-м месте [7].

Тем не менее, несмотря на то, что африканские страны прочно обосновались во второй половине представленного рейтинга, в последнее время многие из них стали уделять повышенное внимание исследованиям, направленным на создание технологий ИИ.

НУЖЕН ЛИ АФРИКЕ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ?

На первый взгляд, может показаться, что перед странами Африки стоит большое количество тра-

диционных для континента проблем, таких как борьба с бедностью, голодом, различными тропическими заболеваниями, в связи с чем необходимость разработок в сфере ИИ неизбежно должна отойти на второй план. Однако это не совсем так. Страны Африки, с одной стороны, рассматривают развитие прорывных технологий в качестве определенной гарантии своего технологического суверенитета, а с другой - они убеждены, что технологии ИИ способны решить, в том числе, и многие традиционные для континента проблемы [8].

Так, в частности, в сельском хозяйстве технологии ИИ могут применяться для улучшения производительности сельскохозяйственной продукции и повышения эффективности сельскохозяйственных работ. Например, в Африке может найти широкое применение использование оснащенных гибридными интеллектуальными системами беспилотных летательных аппаратов. При этом подобные дроны могут использоваться не только для удобрения сельскохозяйственных плантаций. Беспилотники можно будет оснастить точными датчиками, которые помогут вести наблюдение с воздуха и выявлять признаки вредителей и заболеваний культур, а также оценивать степень засушливости почвы и повреждения сорняками. Затем полученные с дронов изображения будут проходить автоматическую проверку и анализироваться вместе с другими имеющимися данными, предоставляя тем самым фермерам ценную информацию о здоровье сельскохозяйственных культур без необходимости проведения дополнительных лабораторных исследований [9].

Технологии ИИ способны также оказать существенную помощь и в модернизации системы здравоохранения африканских стран, сделав ее более технологической и современной. Как известно, одна из основных проблем африканских медицинских учреждений заключается в нехватке квалифицированного медицинского персонала. ИИ способен отчасти решить эту проблему, обеспечив первичную медицинскую диагностику, сбор и обработку данных о пациенте, его истории болезни. Таким образом, врач за одну смену получит возможность принять большее количество пациентов. Также технологии ИИ способны повысить уровень медицинской диагностики и выявлять опасные заболевания на ранней стадии, что повышает шанс на полное выздоровление. Кроме этого, ИИ может решить проблему доступа миллионов африканцев, проживающих в сельской местности, к медицинским услугам, обеспечив удаленную диагностику состояния здоровья пациентов при помощи чат-ботов и компьютерного зрения.

ИИ может также найти широкое применение и в работе правительства, существенно сократив бумажную работу и повысив эффективность государственного сектора и скорость предоставления государственных услуг. Это позволит руководи-

телям государственного сектора решить проблемы с распределением ресурсов, перенаправляя персонал туда, где он может быть наиболее полезным. Особое значение могут иметь прогностические возможности ИИ, что позволит государственным служащим и политикам более оперативно реагировать на потребности общества: от превентивного вмешательства социальных служб для оказания помощи детям и иным социально незащищенным слоям населения, находящимся в трудной жизненной ситуации, до профилактики преступлений и быстрого реагирования на чрезвычайные ситуации. Наконец, работающие на основе ИИ алгоритмы способны предоставить гражданам новые платформы для оценки качества, адекватности и эффективности государственных услуг, что обеспечит более эффективную обратную связь с населением.

В системе образования гибридные интеллектуальные системы могут быть использованы для автоматизации процедуры оценивания знаний учащихся, что позволит учителям высвободить время для решения других важных задач, включая проведение дополнительного консультирования учащихся по изучаемым предметам, подготовку к занятиям или повышение собственной квалификации. Кроме этого, ИИ способен оказать дополнительную поддержку студентам и предложить им помощь автоматизированных репетиторов и кураторов, которые будут создавать индивидуальную траекторию обучения, исходя из способностей каждого конкретного ученика. ИИ также может использоваться для мониторинга успеваемости студентов и оповещения преподавателей об возможных проблемах с успеваемостью, обеспечивая полезную обратную связь об эффективности курсов.

Таким образом, опираясь на вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что ИИ следует рассматривать в качестве инструмента, который способен решить наиболее насущные проблемы континента, обеспечив странам Африки устойчивый социально-экономический рост и переход к инновационной экономике.

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АФРИКЕ

В последние несколько лет в странах Африки, расположенных южнее Сахары, ведутся достаточно активные разработки в сфере искусственного интеллекта. При этом лидирующие позиции в этом вопросе занимает Кения, правительство которой еще в январе 2018 г. создало рабочую группу, в задачу которой входит разработка Национальной стратегии по использованию технологий блокчейна и искусственного интеллекта [10].

Эта рабочая группа состоит из 11 человек под председательством Битанджа Ндемо, который

в период с 2005 по 2013 гг. занимал пост Постоянного секретаря Министерства информации и связи. Все члены рабочей группы являются экспертами в сфере информационных технологий и представляют академическое сообщество, исследовательские институты и бизнес [11]. Пока еще Национальная стратегия по развитию ИИ в Кении не принята, но сам факт того, что в этой африканской стране на правительственном уровне ведется разработка подобного документа, свидетельствует о том значении, которое Кения уделяет развитию новых прорывных технологий.

При этом сегодня в Кении уже реализуются два стартапа, которые используют технические разработки в сфере ИИ. Первый стартап называется «*FarmDrive*». Он представляет собой технологическую платформу, которая, основываясь на большом объеме данных, предоставляет финансовым учреждениям актуальную для сельскохозяйственной отрасли модель, необходимую для оценки риска при выдаче кредита и разработки адресных кредитных продуктов, которые бы отвечали потребностям мелких фермеров [12].

Другой стартап предполагает интеграцию в социальные сети и мессенджеры специализированного чат-бота по имени Софи (*Sophie Bot*). Этот бесплатный чат-бот, оснащенный удобным разговорным интерфейсом, представляет собой платформу, на которой любой пользователь может задать интересующие его вопросы в интимной сфере, в т.ч. и в области репродуктивной медицины, и получить исчерпывающий ответ. Эта услуга доступна в нескольких популярных приложениях для обмена сообщениями, включая *Messenger* и *Twitter* [13].

Помимо Кении, технические разработки в сфере ИИ создаются и начинают постепенно внедряться и в других африканских странах. В Нигерии, в частности, в июне 2018 г. в Центре развития человеческого капитала Университета Лагоса был создан Центр по изучению искусственного интеллекта (*Artificial Intelligence Hub*). Этот исследовательский центр был создан по инициативе Байо Адеканмби, одного из ведущих нигерийских специалистов в области науки о данных. Главная задача Центра - подготовить высококвалифицированных отечественных специалистов в сфере ИИ [14].

Кроме этого, в Нигерии уже происходит активное внедрение технологий ИИ в повседневную жизнь людей. Наиболее удачным примером является запущенная еще в 2017 г. технологическая платформа *Kudi.ai* (*kudi* на языке хауса означает *деньги*), которая представляет собой чат-бот, работающий на основе алгоритмов ИИ. Его основная задача - оказывать помощь в финансовой сфере, в т.ч. переводить деньги и оплачивать счета. Также, как и в случае с *Sophie*, *Kudi* интегрирован в наиболее популярные мессенджеры и социальные сети, в частности, в *Facebook* [15].

Другой чат-бот *Lara*, запущенный 5 марта 2017 г., представляет собой интеллектуальную систему, которая помогает пользователям добраться из одной точки в другую, предоставляя подробные текстовые, пошаговые инструкции и заранее определяя точную стоимость проезда [16].

Основываясь на представленных выше примерах, можно сделать вывод о том, что страны Африки начинают использовать технологии ИИ для создания различных сервисов, которые должны существенно упростить жизнь людей. Однако и так понятно, что для проведения серьезных исследований в сфере ИИ странам Африки необходимы прочные финансовая и технологическая базы, которыми они, по понятным причинам, не обладают. В результате, в основе любых технологических новаций, которыми так гордятся африканские государства, зачастую лежат западные технологии, а крупнейшие мировые IT-компании под предлогом внедрения и локализации своих инновационных технических решений в IT-сектор стран Африки стремятся прочно закрепиться на перспективном африканском рынке. Так, например, американская корпорация *Google* объявила в июне 2018 г. о создании в Гане первого в Африке исследовательского центра, который займется разработками в сфере ИИ [17].

Тем не менее, и сами африканские государства также стремятся проводить собственные научные исследования в области ИИ. О серьезности их намерений свидетельствует хотя бы тот факт, что в Африке регулярно проводятся научные конференции, посвященные передовым технологиям.

Так, начиная с 2015 г., в африканских странах проходит конференция *Data Science Africa*, целью которой является объединение на одной площадке специалистов в области науки о данных из разных стран Африки. В 2015 г. эта конференция проходила в Технологическом университете г. Ниери, Кения, в 2016 г. - в Уганде, а в 2017 г. - в Танзании. В 2018 г. состоялось 2 встречи - одна в Кении (Ниери), а вторая в Нигерии (Абуджа). В 2019 г. также прошло 2 мероприятия - одно в Гане (Аккра), а другое - в Эфиопии (Аддис-Абеба). И даже в 2020 г., несмотря на эпидемию коронавируса, в Кампале, Уганда, прошли летняя школа и научно-исследовательский семинар [18]. Особое внимание следует обратить на расширение количества принимающих стран. По состоянию на 2020 г. это мероприятие приняли у себя 5 стран, что свидетельствует о росте интереса африканских государств к исследованиям в сфере ИИ.

ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АФРИКЕ

На пути поступательного развития технологий ИИ в странах Африки к югу от Сахары стоят немало препятствий. Одной из наиболее насущных

задач для африканских государств является серьезная качественная модернизация системы образования с целью повышения фундаментальной цифровой грамотности. Связано это с тем, что африканским странам необходимо не только начать подготовку высококвалифицированных инженеров, способных создавать новые гибридные интеллектуальные системы, но и простых пользователей/операторов этих технологий. При этом основной акцент должен быть сделан именно на изучении точных наук: математики, инженерии, науки о данных, поскольку только в этом случае у людей появится возможность претендовать на высокотехнологические рабочие места, которые неизбежно появятся в обозримом будущем с развитием ИИ.

Другой проблемой для стран Африки продолжает оставаться проблема развития высокоскоростной широкополосной связи, которая по-прежнему охватывает преимущественно крупные города и промышленные центры, тогда как сельские территории, в большинстве своем, остаются без высокоскоростного доступа к Интернету, что автоматически делает невозможным внедрение технологий ИИ в этих регионах.

Следующей проблемой будет являться ограниченный доступ стран АЮС к широкому набору данных, а работа ИИ, как известно, основана на анализе огромного массива данных: чем больше данных доступно, тем лучшие и более точные результаты сможет дать эта технология. Это значит, что странам Африки необходимо задуматься о создании разветвленной сети датацентров. В настоящее время наиболее крупные центры обработки данных созданы в 7 африканских странах: ЮАР (Йоханнесбург, Кейптаун и Дурбан), Кении (Найроби и Момбаса), Гане (Аккра), Нигерии (Лагос), Джибути, Зимбабве (Хараре) и Руанде (Кигали) [19; 20]. Однако их количество и мощности представляются недостаточными для обслуживания такого большого региона, как Африка к югу от Сахары.

Еще одним немаловажным аспектом проблемы будет являться крайне неудовлетворительное состояние научных исследований в сфере ИИ в африканских странах, которые преимущественно занимаются импортом уже готовых технических решений, нежели производством своих собственных программных продуктов. Данное обстоятельство заставляет некоторых экспертов делать вывод о том, что ИИ как такового в Африке нет, а то, что мы наблюдаем сегодня - это исключительно копирование западных технологий [21]. Связано это с тем, что в странах Африки наблюдается большая нехватка высококвалифицированных инженеров и специалистов в области компьютерных наук, умеющих работать с нейронными сетями.

Наконец, вряд ли следует ожидать в обозримом будущем повсеместное внедрение в промышленность африканских стан технологий ИИ хотя

бы потому, что в Африке продолжает оставаться одна из наиболее низких стоимостей оплаты труда, которая, по разным оценкам, не превышает \$10 [7]. Это значит, что внедрение передовых технологий в такие низкооплачиваемые отрасли экономики может попросту оказаться нерентабельным.

С другой стороны, сами африканцы высказывают не лишнее оснований опасение, что массовая имплементация инновационных технологий на основе ИИ в Африке автоматически означает потерю тысяч рабочих мест. На смену обычным работникам придут машины, а африканцы вынуждены будут проходить профессиональную переподготовку, возможно, даже получать новую профессию и надеяться, что в ближайшие 3-5 лет эта сфера деятельности не будет полностью автоматизирована благодаря «умным» технологиям [22].

Таким образом, массовое внедрение технологических решений на основе ИИ пока не находит

широкой поддержки среди простых африканцев, многие из которых весьма настороженно относятся к новым технологиям. Решить эту проблему возможно посредством организации грамотной профилактической работы с населением, которому необходимо разъяснять преимущества этих технологий.

* * *

Представляется очевидным, что последовательное решение всех приведенных выше проблем упирается в необходимость разработки правительствами стран Африки национальных стратегий в сфере ИИ, которая была бы основана на потребностях местного населения и национальных приоритетах. Только в этом случае станет возможным создать благоприятные условия для поступательного развития технологий искусственного интеллекта в странах Африки к югу от Сахары и, в конечном итоге, обеспечить создание в регионе высокотехнологичной экосистемы.

Список литературы / References

1. The New Partnership For Africa's Development (NEPAD). <http://www.nepad.org> (accessed 27.07.2020)
2. Ghana ICT for Accelerated Development Policy. http://www.nca.org.gh/downloads/Ghana_ICT4AD_Policy.pdf (accessed 27.07.2020)
3. Kenya Vision 2030. Nairobi, January 2007. 20 p. Ministry of State for Planning and National Development and Vision 2030. <http://www.planning.go.ke> (accessed 27.07.2020)
4. Nigeria Vision 20: 2020. https://www.nigerianstat.gov.ng/pdfuploads/Abridged_Version_of_Nigeria%20Vision%202020.pdf (accessed 27.07.2020)
5. Konza Technopolis. <http://www.konzacity.go.ke> (accessed 27.07.2020)
6. Dutton T. An Overview of National AI Strategies. Politics + AI. <https://medium.com/politics-ai/an-overview-of-national-ai-strategies-2a70ec6edfd> (accessed 27.07.2020)
7. Government Artificial Intelligence Readiness Index 2019. <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1SuPCkaQsin1MsUYOn48bSQApfnTjFOVh7-rL94KZWsq/edit#gid=15836467> (accessed 27.07.2020)
8. Artificial Intelligence for Africa: an Opportunity for Growth, Development and Democratization. https://www.up.ac.za/media/shared/7/ZP_Files/ai-for-africa.zp165664.pdf (accessed 28.07.2020)
9. Oduma E. How AI can Transform Kenyan Industries. <https://kenya.ai/how-ai-can-transform-kenyan-industries> (accessed 28.07.2020)
10. Kenya Govt Sets up Blockchain & Artificial Intelligence Taskforce! *Kenyan WallStreet*. June 30, 2020. <https://kenyanwallstreet.com/kenya-govt-sets-blockchain-artificial-intelligence-taskforce> (accessed 29.07.2020)
11. Kenya Govt unveils 11 Member Blockchain & AI Taskforce headed by Bitange Ndemo. *Kenyan WallStreet*. February 28, 2018. <https://kenyanwallstreet.com/kenya-govt-unveils-11-member-blockchain-ai-taskforce-headed-by-bitange-ndemo> (accessed 29.07.2020)
12. FarmDrive. <https://farmdrive.co.ke> (accessed 29.07.2020)
13. Sophie Bot. <https://sophiebot.tk> (accessed 29.07.2020)
14. Ndiomewese I. This is Nigeria's first Artificial Intelligence Hub. June 11, 2018. <https://techpoint.africa/2018/06/11/nigerias-first-ever-artificial-intelligence-hub> (accessed 29.07.2020)
15. Akinwamide N. Kudi AI is putting a human feel to online payments in Nigeria. February 7, 2017. <https://techpoint.africa/2017/02/08/kudi-ai-online-payments-nigeria> (accessed 29.07.2020)
16. Ndiomewese I. Startup Profile: Lara — get step-by-step public transportation directions to any destination. April 17, 2017. <https://techpoint.africa/2017/04/17/lara-profile> (accessed 29.07.2020)
17. Crabtree J. Google's next A.I. research center will be its first on the African continent. June 14, 2018. <https://www.cnn.com/2018/06/14/google-ai-research-center-to-open-in-ghana-africa.html> (accessed 29.07.2020)
18. Data Science Africa. <http://www.datascienceafrica.org> (accessed 29.07.2020)
19. Data Center Map. <https://baxtel.com/map> (accessed 31.07.2020)
20. Africa Data Centers. <https://www.africadacentres.com/about-us> (accessed 31.07.2020)
21. Matuluko M. There is no tech ecosystem in Nigeria - Emeka Okoye, industry veteran. *TechpointAfrica*. March 16, 2017. <https://techpoint.africa/2017/03/16/no-tech-ecosystem-nigeria-emeka-okoye> (accessed 31.07.2020)
22. Ndiomewese I. Experts answer 9 questions on the state of Artificial Intelligence in Africa. *TechpointAfrica*. September 26, 2017. <https://techpoint.africa/2017/09/26/artificial-intelligence-nigeria> (accessed 31.07.2020)

DOI: 10.31857/S032150750011109-1

ВОДНЫЕ, АГРАРНЫЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПАКИСТАНА

© 2020 В. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ Вячеслав Яковлевич, д.и.н., профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня» (enitsky@yandex.ru)

Резюме. В статье используется метод исторической ретроспективы. Автор делает вывод, что, несмотря на существенные успехи в орошении и мелиорации земли, Пакистан сталкивается с тяжелыми проблемами в водно-хозяйственной сфере на фоне стагнации в растениеводстве и ослаблении интеграции между аграрным и промышленным, прежде всего текстильным, секторами. Планы строительства гидроэнергетического комплекса в спорной области Джамму и Кашмир осложняют отношения в треугольнике Пакистан-Индия-Китай.

Ключевые слова: Пакистан, нехватка воды, аграрная сфера, гидроэнергетика, Индия, Китай

WATER, AGRARIAN AND POWER PROBLEMS OF PAKISTAN

Vyacheslav Ya. BELOKRENITSKY, Dr.Sc. (History), Professor; Head, Center for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; member, Editorial Board, "Aziya i Afrika segodnya" journal (enitsky@yandex.ru)

Abstract. Issues are analyzed in the article through the prism of historical retrospective. The author briefly traces the impact of the colonial rule and indicates stages of economic development in Pakistan since independence. He concludes that in spite of formidable results in land irrigation and reclamation the country is confronted with acute and in some respects intractable problems of water usage against the background of stagnation in the growth of agricultural crops and weakening of productive ties between agriculture and manufacturing, especially the latter's textile sector.

At the same time the so-called inner circle of agricultural integration has strengthened. It is constituted by multiple connections between growth of crops and keeping livestock. The proportion of crops in the value added by agriculture in GDP (gross domestic product) has diminished since 1950-60s from more than 60 to less than 40 percent. Husbandry constitutes now the larger part of agriculture while shares of all commodity producing sectors came down to the two fifth of GDP.

The hydrel power played the leading role at the initial stages of electricity production. Its share shrank to 25 percent primarily due to a long pause in the construction of big hydropower stations after the completion of the Tarbela complex in the 1970s. The author underscores that the pause was due to conflicting interests of the major provinces (Punjab, Sind and Khyber-Pakhtunkhwa) and to the international dispute over the former Indian princely state of Jammu and Kashmir. The now ready for implementation project of Diamer-Bhasha hydro-thermal station in the Pakistani part of Jammu and Kashmir exacerbates tensions of Pakistan with India and of India with China who has reportedly agreed to assist in building the dam.

Keywords: Pakistan, water scarcity, agricultural transformation, hydrel power, India, China

Известно выражение, что вода - не условие жизни, а сама жизнь. Оно в высшей степени справедливо, когда речь заходит о большом числе стран с аридным, засушливым климатом. В их числе Пакистан, расположенный, по словам географа В.А.Пуляркина, «на восточном фланге начинающегося близ атлантического побережья Африки великого пояса тропических и субтропических пустынь и полупустынь» [1].

ВОДА - ОТ ИЗБЫТКА К НЕХВАТКЕ

Территорию нынешнего Пакистана формирует бассейн реки Инд с крупными притоками - правобережным Кабулом и левобережными Джеламом, Чинабом, Рави и Сатледжем. Впрочем, от исходного природного пейзажа в сегодняшнем Пакистане сохранилось немного. Неизменными остались главным образом регионы, удаленные от Индской равнины, предгорные и горные районы. Равнинная часть долины вплоть до середины XIX в. представляла собой субтропическую полупустыню с характерными для междуречий невы-

сокой древесной растительностью, которую англичане вслед за местными жителями стали называть джунглями (*jungle*). Впрочем, искусственное орошение полей было известно в этих краях и до прихода колонизаторов, но строившиеся правителями и *джагирдарами* (держателями *джагиров*, крупных участков земли) каналы были, как правило, сезонными, заполнявшимися в паводок, летний сезон дождей.

К моменту завоевания Ост-Индской торговой компанией равнины Инда у колонизаторов уже накопился опыт ирригационного строительства. Английские офицеры-администраторы организовали работы по стабильному орошению полей с помощью защитных валов, страхующих от наводнений, очистке каналов от ила и углубления заброшенных паводковых каналов. С 1880-х гг., спустя четверть века после перехода управления Индией от компании к британской короне, началось масштабное сооружение плотин, оснащенных передовыми для того времени устройствами для задержки воды и направления ее во вновь прорытые каналы постоянного (двухсезонного)

орошения. Редкое население, которым в доколониальную эпоху отличалась западная часть бассейна Инда и пяти ее притоков (общее название для области - Панджаб или Пенджаб, в переводе - Пятиречье), стремительно пополнилось переселенцами из восточной (ныне индийской) части бассейна, и оседавшими на землю полукочевыми племенами белуджей и пуштунов.

Земледелие, возможное благодаря воде, носило экстенсивный, земле- и водосберегающий характер [2]. Колонизаторы были обеспокоены не экономией труда, которого хватало с избытком, а экономией пригодной для обработки орошаемой земли¹. При сооружении систем искусственного орошения английские администраторы и целая школа инженеров и специалистов по водно-хозяйственным проблемам руководствовались одним критерием - обводненной и пригодной для обработки площадью. Им оценивалась мощность плотин и отводных каналов как сезонного, так и постоянного орошения.

При таком подходе англичане могли органично сочетать рационализм агротехнической науки с установками на сохранение традиционных или слегка модифицированных социальных порядков [3]. Утвердившиеся при них гибридные восточно-феодальные институты способствовали росту населения и закреплению социального консерватизма [4].

Положение в деревне после обретения независимости в 1947 г. мало изменилось с этой точки зрения. Национальная власть в Пакистане продолжила работы по орошению и мелиорации, стремясь расширить посевную и уборочную площади. После заключения в 1960 г. договора с Индией о разделе вод Инда были построены две мощные насыпные дамбы - Мангла на р. Джелам и Тарбела на Инде с крупными водохранилищами и турбинными гидроэлектростанциями. После этого искусственно орошаемая площадь и расход воды для полива существенно увеличились, и Пакистан стал обладателем самого крупного ареала искусственного орошения, существующего в мире в бассейне одной реки.

По данным официального экономического обзора, в стране в начале 1980-х гг. орошалось с помощью каналов около 15 млн га. Помимо этого, вода из скважинных (трубчатых) колодцев поступала на площадь примерно 3 млн га. На части поливной площади использовалось комбинированное канальное и колодезное орошение [5]. После ввода в действие двух вышеупомянутых насыпных дамб

с водохранилищами объемом в 6 и 11 млрд куб. м сток вод всего бассейна стал регулироваться, что обеспечило постепенное увеличение площади, засеваемой более одного раза. Между 1974-1975 и 1982-1983 гг. она возросла с 2,6 до 4,4 млн га. В дальнейшем темпы использования одного и того же участка земли под летний и зимний урожаи возрастали. К началу нынешнего века величина таких участков увеличилась до 6,6 млн га, а в конце 2010-х гг. превысила 7,2 млн [6]. Таким образом, за примерно 45 последних лет площадь под снимаемым дважды в год урожаем возросла почти втрое. Обычно эти площади используются под посевы одной культуры в летний сезон, который в Пакистане называют *хариф*, и под другую культуру в зимний сезон - *раби*.

Увеличение объемов воды для полива сказалось и на росте урожайности. В случае с основной продовольственной культурой, пшеницей, она выросла с характерных еще для начала 1960-х гг. 7-8 центнеров с гектара (ц/га) до 15-16, а в начале нынешнего века достигла 20-22, а к концу 2010-х гг. - 28-29 ц/га. [6, pp. 29-30]. Росту урожайности пшеницы, а также риса, второй по значению продовольственной культуры, как и основных технических культур (хлопчатника и сахарного тростника), содействовала т.н. «зеленая революция». Она ознаменовалась начавшимся в 1960-е гг. не только в Пакистане, но и в других странах Южной и Юго-Восточной Азии ростом применения улучшенных сортов семян, минеральных удобрений, пестицидов и гербицидов. К этому надо добавить механизацию, пик которой пришелся на 1970-1980-е гг., но продолжался быстрыми темпами и в последующие десятилетия. Тракторы применялись в основном для вспашки и боронования земли. Механизация редко затрагивала другие виды полевых работ, в частности, посев, прополку и сбор урожая, а потому вытеснение живого труда было небольшим.

Эффект от применения новых элементов производительных сил в огромной степени зависел от наличия воды. Между тем, ресурсы пресной воды в Пакистане быстро истощались. Если в начальный период своего существования страна располагала, по оценкам, 5600 куб. м поверхностной воды на человека, то к началу 2000-х гг. ее запасы упали почти в 5 раз - до 1200 куб. м [7]. Согласно другим данным, в 1951 г. Пакистан имел 5 260 куб. м, а к 2016 г. они приблизились к 1000 куб. м и продолжали сокращаться [9]. Обычно критической для наличия воды счита-

¹ Интересно, что объем воды англичане измеряли в акрофутах, т.е. в количестве воды в кубических футах, которое требуется для покрытия акра (0,4 га) площади на глубину в один фут (примерно треть метра). Эта система измерения до сих пор широко используется в Пакистане, хотя наряду с этим встречаются и оценки в кубометрах (*прим. авт.*).

лась планка в 1000 куб. м, но теперь показатель абсолютной нехватки понижен до 500 куб. м. И при этом в пакистанской печати появляются сообщения, что такого уровня страна достигнет к 2025 г. [9]. Пакистан при этом может сильно пострадать от грядущих перемен в глобальном климате. Международные агентства передвинули его с 7-го места на 5-е по подверженности рискам от климатических изменений.

Нужно иметь в виду, что Пакистан уже не раз за недавнее время попадал в кризисы по природно-климатическим причинам. Он серьезно пострадал от засухи в 2000-2002 гг. и от разрушительных наводнений в 2010 и 2011 гг. Наводнение 2010 г. превратилось в настоящее стихийное бедствие. От него пострадало примерно 20 млн человек, почти 2 тыс. погибли.

ОТ ВНЕШНЕГО КРУГА СЕЛЬХОЗИНТЕГРАЦИИ К ВНУТРЕННЕМУ

Вслед за В.Г.Растянниковым и И.В.Дерюгиной, видными российскими экономистами, под внешним кругом интеграции сельского хозяйства мы имеем в виду его связь с промышленностью, а под внутренним - взаимосвязь земледелия и животноводства. Разведение буйволов и крупного рогатого скота традиционно играло важную роль в аграрной экономике. Буйволы, а также быки и коровы использовались как основная тяговая сила и служили главным источником органических удобрений. Интеграция между скотоводством и земледелием носила, таким образом, характер прямой связи (*forward link*), что было характерным для основных земледельческих районов страны. Разведением мелкого рогатого скота (коз и овец), а также верблюдов и в небольшой степени лошадей занимались в основном в ареале субтропических полупустынь. Скотоводство было отделено от тамошнего земледелия - суходольного и нередко кяризного (*кяризы* - подземные галереи воды).

В 1950-е и 1960-е гг. доля животноводства (скотоводства) в валовом продукте аграрных отраслей составляла 34-37% [10]. К началу 1970-х гг. она опустилась до 27-28%, а в первые годы 1980-х достигла 26%. В середине того же десятилетия и вплоть до его конца она колебалась вокруг значений в 31-34%, а затем неуклонно пошла вверх.

На первом этапе хозяйственного развития Пакистана, который, на наш взгляд, заканчивается на рубеже 1980-1990-х гг., наиболее существенной была связь сельского хозяйства, а точнее, растениеводства, с промышленностью. В первую очередь она осуществлялась за счет выращивания хлопчатника и обеспечения хлопком текстильной промышленности. Урожай хлопка в первые десятиле-

тия заметно возрастали, что служило основой для раздробленной агропромышленной отрасли по очистке и упаковке хлопка, отправки спрессованного в кипы хлопка на экспорт, с одной стороны, и на свои прядильно-ткацкие фабрики, с другой. Фабричное производство текстиля (по большей части, грубых суровых тканей) стало основой пакистанской индустриализации.

Внешний круг интеграции аграрного сектора обеспечивался также выращиванием сахарного тростника. Фабричное производство сахара-рафинада превратилось в другую прибыльную сферу приложения местного капитала. Помимо хлопчатника и тростника, важнейших технических культур, выращивались также масличные (горчица, рапс), которые перерабатывались в растительное масло (*ванаспати гхи*). Собственное производство дополнялось ввозом масла, превосходившего обычно местное по качеству. Для этого периода характерен отмеченный уже быстрый рост производства пшеницы и риса с параллельным увеличением числа мукомолен и рисорушек.

Иная картина наблюдается на втором этапе - с 1990-х гг. и до сегодняшнего момента. Растениеводство в этот период замедляет темпы своего роста, хотя они и остаются в среднем достаточно высокими (примерно 2% в год). Зато животноводство неуклонно увеличивает обороты. К тому же, цена на животноводческую продукцию растет быстрее, что делает более выгодным выращивание крупного рогатого скота на мясо и молоко. Последние 30 лет стали свидетелями опережающегося роста посевов и урожаев кукурузы, идущей главным образом на корм скота, сохранение позиций за кормовыми культурами, в первую очередь *грэмом* (турецким горохом). Помимо крупного рогатого скота, растет поголовье мелкого, особенно коз, и заметно возрастает численность буйволов, поскольку популярным остается среди рядового городского и сельского населения буйволиное молоко.

Доля растениеводства в последние десятилетия сокращается и вследствие развития овощеводства и садоводства. Урожай картофеля за первые 20 лет нынешнего века возросли вдвое, увеличилось выращивание птицы и производство яиц. Все это свидетельствует о положительных сдвигах в ассортименте продовольствия. Удельный вес производства земледельческих культур понизился к началу 2000-х гг. до половины всего аграрного продукта, а, согласно данным за 2018-2019 гг., опустился ниже 40%. Причем в эту рубрику включена еще и добавленная стоимость агропромышленной отрасли по очистке и упаковке хлопка [11].

В результате за годы независимости растениеводство и животноводство как бы поменялись ме-

стами. Если вначале на первое приходилось не менее двух третей, а то и трех четвертей валового аграрного продукта, то ныне на него приходится только около двух пятых. Животноводство вместе с второстепенными отраслями (рыболовством и лесным хозяйством) доминирует в добавленной стоимости аграрного сектора.

Следует в то же время подчеркнуть, что связь между аграрным и индустриальным секторами на втором этапе сохранилась, приобретая во многом иной характер. Если в первые десятилетия эволюции преобладала интеграция по направлению от земледелия к обрабатывающей промышленности - текстильной, сахарной, маслодельной, мукомольной и т.п., то впоследствии заметное развитие получили отрасли, производящие компоненты, необходимые для аграрного производства.

Поначалу основная часть такого рода товаров ввозилась в страну. Первой крупной импортзамещающей отраслью стала химическая, по производству минеральных удобрений, пестицидов и гербицидов, за ней последовала машиностроительная, заводы по сборке, а вскоре и производству тракторов, а также других средств механизации (культиваторов, плугов, трейлеров и т.п.). Причем нужно учитывать масштабы этих отраслей тяжелой промышленности. Одних тракторов за 19 лет (с 2000-2001 по 2018-2019 гг.) было произведено примерно 800 тыс. [12]. Для сравнения - в 2004 г. на полях работало 400 тыс. машин, а в 1975 г. их насчитывалось только 36 тыс. [13]. Популярными среди фермеров Пакистана еще с 1970-х гг. остаются тракторы «Беларусь». Конкуренцию им составляют английские, канадские, итальянские марки. Итак, интеграция аграрного и индустриального производства получила на втором этапе более сбалансированный характер - от первого ко второму ведут не только прямые, но и обратные связи (*backward links*).

Эти тенденции наблюдались на фоне существенного переформатирования всей пакистанской экономики. Первичный сектор, куда, помимо сельского хозяйства, включают, как правило, слабо развитую в Пакистане горнодобывающую промышленность, потерял свои лидирующие позиции, доля вторичного сектора, в основе которого по-прежнему лежит обработка сельхозсырья, пережив подъем, опустилась к 2010-м гг. до 20% ВВП, а доля сферы услуг поднялась с менее 40 до 60%. Таким образом, имела место (используя не вполне благозвучный термин) сервисизация экономики одновременно с ее относительной деагризацией и деиндустриализацией [14].

В то же время в реальности изменения были далеко не столь велики. Сельское хозяйство остается, как и в начальные десятилетия, подлинной

основой экономики. И это совершенно естественно в условиях исключительно высокого по современным стандартам роста населения. Превышая во второй половине XX в. 3%, в среднем, в год, демографический конвейер увеличивал массу народонаселения и в начальные два десятилетия нынешнего столетия. Между переписями 1998 и 2017 гг. прирост составил 2,4%, а в абсолютных цифрах число пакистанцев выросло со 130 до 210 млн человек.

Количественные показатели производства нужно, следовательно, соразмерять с растущим спросом со стороны галолирующего увеличения населения. Любая стагнирующая динамика служит в этих условиях свидетельством кризиса, а ситуацию в главной отрасли характеризуют глубокие искажения и деформации, связанные с социальными и институциональными факторами. Не имея здесь возможности разбираться в исторически сложившемся механизме запутанных связей внутри- и внеаграрной сферы, отметим лишь, что огромную роль в нем играет государство.

Унаследовав от колониального режима функцию верховного собственника на землю, оно в полной мере распоряжается пустошью, необрабатываемыми площадями, не включенными в частные владения. Обводняя землю и вводя ее в хозяйственный оборот, государство, опять же по традиции, в полной мере контролирует процесс наделения земельными участками разной величины (лотами) за заслуги, плату или в кредит, а также их продажу на аукционе. Еще одним срезом государственного контроля является льготное кредитование собственников по программам обеспечения сельских хозяйств финансами для закупки удобрений, средств защиты растений, сортовых семян и т.п.

Значительную роль играет, помимо того, субсидирование аграрного производства путем установления минимальных закупочных цен. Эти цены позволяют обезопасить продавцов от произвола торговцев в период высокого урожая, а также продавать муку, сахар, растительное масло по карточкам в городах, и они же деформируют структуру посевов, заставляя владельцев земли выбирать решения, неоптимальные с точки зрения рынка - института, пусть и не совершенного, но неподкупного. Государственное регулирование нередко наносит ущерб самым бедным и мелким хозяйствам. Но и крупные фермы терпят урон, поскольку оно формируется, как правило, под влиянием многообразных проявлений коррупции.

Утвердившимся в последние десятилетия трендом в сфере производства технических культур надо считать относительное сокращение посе-

вов под хлопчатником и увеличение посевной площади, отводимой сахарному тростнику. Производство рафинада передвинулось в число наиболее прибыльных фабричных отраслей, лидируя среди товаров, вывозимых за рубеж, в частности, в Индию (особенно много до недавнего ухудшения отношений с ней). Тростник, к тому же, оказался более устойчивым к атакам вредителей, по сравнению с хлопчатником, и куда менее трудоемким. Сахарными фабрикантами, между прочим, стали представители семейства Н.Шарифа, три раза занимавшего пост премьер-министра страны, а также другие богатые семьи, воплощающие интеграцию (личную унию) земельных собственников и промышленников.

К ущербу от регулирования надо добавить огромные потери при сборе, хранении и транспортировке урожая. Отходы велики и при забое скота, который пакистанские статистики выделяют в отдельную отрасль промышленности, лишь в два раза в последние годы уступающую по вкладу в ВВП всей мелкой (нефабричной) промышленности. Рост количественных показателей в растениеводстве и животноводстве в сочетании с низким качеством использования полученного продукта и недостатками в распределении средств пропитания между богатыми и бедными слоями общества заставляет ведущие средства массовой информации Пакистана характеризовать положение в отрасли как «сельскохозяйственный бедлам» [15].

Нельзя в то же время не отметить определенные успехи, достигнутые страной в аграрной сфере. Они связаны, в частности, с работами по мелиорации. Еще в 1960-х - 1980-х гг. исключительно остро стояла проблема засоления, заболачивания и солончаковости огромных участков земли в Пенджабе и Синде. Созданная для решения в т.ч. и этой проблемы, государственная полуправительственная организация ВАПДА (Управление по водному и энергетическому развитию) сумела спланировать и осуществить комплекс мер, позволивших уменьшить ее остроту, особенно в Пенджабе. Положение в Синде существенно улучшить не удалось. Из хозяйственного оборота там выпадают большие площади земли, не удается восстановить серьезно нарушенный, вследствие действий человека и природы, экологический баланс на самом юге Индской низменности, в ее дельтовой части.

ОТ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ К ТЕПЛОВОЙ И ОБРАТНО

Производство электроэнергии - один из краеугольных камней современной экономики. В пер-

вые годы суверенного существования в Пакистане имелись только мини-гидростанции на горных реках в полосе пуштунских племен, главным образом в самой северной области Малаканд. В 1960 г. было завершено строительство дамбы Варсак на р. Кабул, с электростанцией мощностью более 200 МВт. И в дальнейшем прогресс в производстве электричества был связан, в основном, с гидроэлектростанциями Мангла и Тарбела первоначальной мощностью в 600 и 1400 МВт. Они функционировали благодаря водохранилищам, образовавшимся, как выше отмечалось, в конце 1960-х и первой половине 1970-х гг. в верховьях рек Джелам и Инд, и к концу столетия при полном вводе турбин в эксплуатацию достигли мощности в 800 и 3500 МВт [16].

Но к тому времени гидроэнергетика потеряла приоритетное значение. В центральных областях страны были сооружены теплоэлектростанции, работающие на продуктах нефтепереработки (мазуте), природном газе и их комбинации. В начале 1950-х гг. в горах Белуджистана, недалеко от его границ с южным Пенджабом и северным Синдом, были открыты достаточно крупные месторождения природного газа. Разработка одного из них в местечке Суи дала газ крупнейшим промышленным и жилым центрам страны, таким как Карачи, Мултан, Лахор и др. Свой газ использовался и на ряде крупнейших ТЭС, таких как Гудду, построенной с советской помощью.

Сырая нефть в основном импортировалась и на первых порах стоила дешево, но с начала 1970-х гг. мировая цена на нее круто пошла вверх. Поиски залежей собственной нефти в предгорных районах и на шельфе Аравийского моря ожиданий не оправдали, хотя открытые нефтяные месторождения позволили загрузить мощности НПЗ в Аттоке на северо-западе страны и построить там достаточно крупную теплоэлектростанцию. Собственная нефть на протяжении многих десятилетий удовлетворяет лишь около четверти нефтяных потребностей страны. Основную часть сырой нефти, которая нужна для производства не только электричества, но и бензина и авиационного топлива, приходится импортировать.

Мало того, эксплуатация месторождения Суи привела к истощению его ресурсов. В XXI в. пришлось все больше ориентироваться на ввоз сжиженного газа, цена которого поднималась вслед за мировой ценой на нефть. Импорт газа, как и ввоз нефти, обходился все дороже, и страна к началу 2010-х гг. погрузилась в пучину энергетического кризиса. В регулярные превратились перебои с подачей электроэнергии в крупных городах и промышленных центрах. От перебоев в электроснабжении страдала как экономика, так

и люди, особенно в самые жаркие месяцы, с мая по август.

Не помогла и получившая определенное развитие атомная энергетика, представленная построенной канадцами небольшой электростанцией близ Карачи и возведенной с помощью КНР АЭС в Чашме на севере Панджаба. Мощность двух первых реакторов китайской станции равнялась 600 МВт.

Между тем, в гидроэнергетическом строительстве после завершения Тарбелы наступила длительная пауза. Основными ее причинами были разногласия по поводу сооружения гидростанции близ города Калабагх, на выходе Инда из теснин Соляного хребта. Защитниками проекта выступали представители Панджаба, надеявшиеся с ее помощью достичь не столько энергетические, сколько ирригационные цели - обводнить пустыню Тхал, расположенную выше по течению между Индом и Джеламом. Противники проекта, представляющие Синд, опасались потерь, которые Калабагх несет провинции, расположенной ниже по течению реки, а также провинции Хайбер-Пахтунхва (до 2010 г. называлась Северо-Западная пограничная). Последней грозило бы повышение уровня воды в р. Кабул, орошающей Пешаварскую долину, главную житницу северо-запада.

Затянувшаяся пауза в гидростроительстве была заполнена тремя путями - реконструкцией плотины Мангла, увеличением мощностей Тарбелы и сооружением мини-электростанций на горных реках. В 2009 г. дамба Мангла, находящаяся на самом юге автономной области Азад Джамму и Кашмир (АДК) на ее границе с Панджабом, была достроена, размеры водохранилища сравнялись с объемом воды в резервуаре Тарбелы, а мощность ГЭС увеличилась до 1150 МВт. Потенциал последней после усовершенствований превысил 5000 МВт [17].

Между 2012 и 2019 гг. совокупные мощности по производству электроэнергии увеличились в Пакистане с 23 до 34 тыс. МВт, почти в полтора раза [18]. Доля гидроэнергетики за этот период возросла, но едва превысила 25%. Основная часть, примерно две трети, приходится на тепловые станции, работающие во все большей степени на привозном природном газе. Более 8% дает атомная энергетика - благодаря введению в строй еще двух реакторов на Чашме ее мощность увеличилась до 1350 МВт. На новые ветровые и солнечные станции выпадает уже 5% общего энергобаланса, но использование экологически чистой возобновляемой энергии не компенсирует рывок, который сделало использование угля в тепловых станциях.

В отличие от природного газа и нефти, запасы угля в Пакистане весьма крупные, но его исполь-

зование повышает концентрацию углекислого газа в атмосфере и самым губительным образом отражается на изменении климата. Парадокс в том, что станции, работающие на угле (лигните), строятся главным образом в Индской низменности, которая в наибольшей степени и пострадает от климатических перемен [19].

Да и в настоящее время, несмотря на впечатляющий рост мощностей, клубок проблем, связанных с энергоснабжением, далеко не распутан. Перебои со снабжением электроэнергией бывают, хотя и случаются реже. Электрификация более 60 тыс. деревень сопровождается бравурными рапортами, но положение на местах меняется медленно, поскольку электричество поступает в недостаточном количестве и с перебоями. Чрезвычайно велики потери при передаче электроэнергии, нарастают хронические сложности с оплатой счетов за пользование электричеством. Государство за последние годы реформировало систему электрораспределения. Но совокупный долг потребителей государству от этого не уменьшился, и оно оказывается должником вырабатывающих и продающих энергию частных компаний. Давно образовавшийся и быстро возрастающий текущий долг тяжелым бременем ложится на бюджет [20]. Вновь, как в случае с аграрными проблемами, дает о себе знать несовершенный механизм разрешения острых ситуаций в условиях господства коррупции, незаинтересованности исполнителей и малой эффективности принимаемых решений.

Учитывая разнообразные внутривнутриполитические интересы, экологические последствия и финансовые соображения, нынешнее правительство Пакистана во главе с премьер-министром И.Ханом приняло решение о сооружении новой гигантской дамбы с водохранилищем в области Гилгит-Балтистант [21]. Подготовка технической документации отняла много лет и выполнялась в основном западными фирмами. Однако строить первую в стране бетонную плотину на Инде согласилась китайская госкомпания «Чайна Пауэр» в рамках широко разрекламированной инвестиционной программы «Китайско-пакистанский экономический коридор». Мощность ГЭС должна составить 4500 МВт. А завершить ее планируется к 2028 г. Поскольку ирригационное ее значение невелико (всего 0,5 млн га), главным является ее роль в энергетике. С той же точки зрения существенно другое достоинство дамбы, которая на 35 лет продлит жизнь (спасая от заиливания) расположенному ниже по течению гидротехническому комплексу Тарбела.

Пикантность ситуации придает то, что Индия выступила с громкими протестами против строи-

тельства дамбы на территории бывшего княжества Джамму и Кашмир. Области Гилгит-Балтистан, как и Азад Джамму и Кашмир, индийцы считают своими, а потому протестуют всякий раз, когда на «их» земле сооружаются чужие гидротехнические объекты. Исключением можно считать сооружение дамбы Мангла, но во время строительства того объекта, находящегося к тому же на границе между АДК и Панджабом, в полной мере действовал Договор о водах Инда, подписанный в 1960 г. премьер-министром Индии Дж.Неру. Иное дело нынешнее время, когда другой сильный индийский лидер, Н.Моди, не исключает, как представляется, возможность «присоединить» к Индии контролируемую Пакистаном на протяжении более 70 лет часть бывшего княжества. Китайская сторона не может не понимать, что ее решение, если только Исламабад специально не поспешил с обнародованием факта согласия Пекина на участие в сооружении Даймер-Бхаша, может осложнить и без того достаточно натянутые отношения с Индией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ водных, аграрных и энергетических проблем Пакистана показывает не только их взаимосвязь, но и огромное, едва ли не решающее значение для сегодняшнего положения и будущего страны. При этом базовым является вопрос о пресной воде, которой может в ближайшем будущем не хватить для нормального функционирования экономики и нужд стремительно растущего населения. Водно-энергетические и сельскохозяйственные вопросы влияют не только на внутренние, но и на внешнеполитические коллизии. Следует подчеркнуть, что экономика в последние десятилетия развивается достаточно динамично, но быстрота изменений характеризует ее не только, условно говоря, со стороны предложения (производства), но и спроса (потребления). И в этой ситуации ключевое значение имеют институты управления и регулирования, система хозяйствования. А они, как видно из приведенных в статье фактов и мнений, к сожалению, далеки от требуемой эффективности.

Список литературы / References

1. О двух технологических способах производства, правда, без специального акцента на воду, см.: Растяйников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М., ИВ РАН, 2017. (Rastayannikov V.G., Deryugina I.V. 2017. Agriculture: East vs West. Two Technological Modes of Production. M.) (In Russ.)
2. See: Gilmartin D. Blood and Water. Indus River Basin in Modern History. Berkeley, 2015.
3. Подробно об этом см.: Белокреницкий В.Я. Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX - 80-е годы XX в. М., Наука, 1988, с. 25-43. (Belokrenitsky V.Ya. 1988. Capitalism in Pakistan. History of Socio-Economic Development (Middle of the 19th-1980s) M.) (In Russ.)
4. Pakistan Economic Survey 1984-85. Islamabad, 1985, pp. 105-107.
5. Pakistan Economic Survey 2018-19. Islamabad 2019. Statistical Appendix. P. 27.
6. Pakistan Economic Survey 2018-19. Islamabad 2019. Statistical Appendix. P. (цит. по: Фридланд В.М. Между Гималаями и Аравийским морем. М., ГРГЛ, 1968, с. 27) (Fridland V.M. 1968. Between the Himalayas and the Arabian Sea. M.) (In Russ.)
7. Waslekar S. Restructuring India-Pakistan Relations. Inside: Fire, Water, Earth. Mumbai, SFG, 2005. P. 55.
8. Sleet P. Water Resources in Pakistan: Scarce, Polluted and Poorly Governed. Independent Strategic Analysis of Australia's Global Interest. Nedlands, 2019, p. 2. futuredirections.org.au (accessed 12.04.2020)
9. Pakistan likely to become water scarce in five years. tribune.com.pk/news/177043/pakistan-likely-to-become-water-scarce... The Express Tribune. 04 Mar.2020 (accessed 04.03.2020)
10. Pakistan Economic Survey 1984-85. Islamabad, 1985. Statistical Appendix. Pp. 12-17.
11. Pakistan Economic Survey 2018-19. Islamabad, 2019. Statistical Appendix. P. 12.
12. Pakistan Economic Survey 2018-19. Islamabad 2019. Statistical Appendix. P. 26.
13. Agricultural Machinery. Agriculture Census Wing. Pakistan Bureau of Statistics. Islamabad, 2011.
14. См. указание на это в: Каменев С.Н. История экономических процессов в Пакистане (XX - начало XXI в.) М., 2019, с. 150. (See on this point in: Kamenev S.N. 2019. History of Economic Processes in Pakistan (20th century - beginning of the 21st) (In Russ.)
15. Editorial. agriculture.mess/dawn.com/news/1560717/agriculture-mess - Dawn, June 02, 2020 (accessed 02.06.2020)
16. Энциклопедия Пакистана. Отв. ред. Ю.В.Ганковский. М., Фундамент пресс, 1998, с. 400, 402. (Encyclopedia of Pakistan. 1998. Ed. Yu.V.Gankovsky. M.) (In Russ.)
17. Mangla Dam; Tarbela Dam. Wikipedia. en.wikipedia (accessed 10.03.2020)
18. Pakistan Economic Survey 2018-19. Islamabad, 2019, p. 235.
19. Bilawal inaugurates 660 MW Thar power project. *The Express Tribune*, April 11, 2019; In Pakistan, coal share in power generation rises to 25%. *The Express Tribune*. December 17, 2019.
20. Pakistan's circular debt rising by Rs 21 b per month: ADB. *The Express Tribune*. December 08.2019.
21. Diamer-Bhasha dam ready for construction, PM Imran told. Dawn, May 11, 2020.

DOI: 10.31857/S032150750011110-3

ВЬЕТНАМ И КИТАЙ: ПРИТЯЖЕНИЯ И ОТТАЛКИВАНИЕ. МОРСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ТОНКИНСКОМ ЗАЛИВЕ. 1991-2019

© 2020 О. НОВАКОВА

НОВАКОВА Оксана Владимировна, к.и.н., доцент кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, ИСАА МГУ им. М.В.Ломоносова (oksana_novakova@mail.ru)

Резюме. В статье предпринята попытка показать на основе переговорного процесса Вьетнама и Китая различные механизмы, применявшиеся двумя сторонами в деле урегулирования разграничения морских территорий между Китаем и Вьетнамом в Тонкинском заливе. Также, на основе этих переговоров, попытаемся дать оценку вьетнамо-китайским отношениям в более широком плане, учитывая специфику исторических национальных традиций двух государств.

Ключевые слова: Китай, Вьетнам, переговоры, китайско-вьетнамские отношения, Тонкинский залив

VIETNAM AND CHINA: ATTRACTION AND REPULSION. MARITIME DIPLOMACY IN THE GULF OF TONKIN. 1991-2019

Oksana V. NOVAKOVA, PhD (History), Associate Professor, Department of History of Far East and South-East Asia, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University (oksana_novakova@mail.ru)

Abstract. The topic is attractive due to the fact that it is not as well developed as the problem of the Paracel Islands and the conflict between China and Vietnam in the South-East Asia. For Beijing the Gulf of Tonkin was of secondary importance until recently, but the new approach of the Chinese diplomacy enabled China to change its maritime policy. China used the negotiations as an opportunity to show to other countries its bona fide regarding the resolution of maritime disputes.

In accordance with "diplomacy of the periphery" China proposed to the Vietnamese government to get back to negotiations on land borders (the agreement was signed in 1999) and then for the first time in history on maritime delimitation in the Gulf of Tonkin in 1992-1993.

As the result the Vietnamese maritime policy had significantly changed due to renovation of the military maritime forces of Vietnam. For China and South-East Asian countries it meant that a new maritime country and a new regional force in the South China Sea had appeared - Vietnam. The situation was new: Chinese "diplomacy of the periphery" and creation of the "maritime" Vietnam.

The problem of land and maritime borders in the north of Vietnam and the Gulf of Tonkin remained unsettled. The author tries to show different tools used by both parties in the negotiations in the case regarding maritime delimitation between China and Vietnam in the gulf of Tonkin. Moreover, based on the negotiations, the author assesses the China - Vietnam relations in the broader sense taking into account characteristic features of national traditions of both states.

Keywords: China, Vietnam, negotiations, China - Vietnam relations, the Gulf of Tonkin

За 30 с лишним лет политики обновления Вьетнам добился больших успехов в различных областях, и в настоящее время это одна из динамично развивающихся стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), активно участвующая в международной политике.

В декабре 1986 г. VI съезд Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) сформулировал принципы внутренней и внешней политики страны. Ханой, в частности, заявил о готовности вести переговоры для решения проблем отношений между Вьетнамом и Китаем, «восстановления дружбы между двумя странами на благо народов двух стран, за мир в Юго-Восточной Азии и в мире» [1, р. 225]. Китайская сторона также выразила желание стабилизировать южную границу и смягчить напряженность между двумя странами¹ [2, с. 6-7].

5 ноября 1991 г. делегация Вьетнама во главе с генеральным секретарем КПВ До Мыоем и председателем Совета министров СРВ Во Ван Киетом посетила КНР с официальным визитом. Это был первый визит делегации Вьетнама такого высокого уровня после более чем 10 лет напряженных китайско-вьетнамских отношений. Обе стороны выступили с совместным заявлением, которое «закрыло прошлое, открыло будущее» для отношений между Вьетнамом и Китаем [3, pp. 1, 3]. В марте 1999 г. лидеры КПВ и КПК на встрече в Пекине приняли т.н. Директиву из 16 золотых иероглифов, в которой обязались строить свои отношения на базе «4-х хороших», а именно: «хорошие соседи, хорошие друзья, хорошие товарищи и хорошие партнеры» [4, с. 49-50].

¹ В 1970-х гг. отношения между Китаем и Вьетнамом начали обостряться. Особенно болезненным вопросом вьетнамо-китайских отношений стала ситуация в Камбодже. Позицию «красных кхмеров» поддерживали в Пекине. Напряженность выросла к концу 1970-х гг., кульминацией которой стала агрессия КНР в северные провинции Вьетнама, когда 17 февраля 1979 г. китайские войска вторглись на территорию СРВ. За девять дней Китай смог лишь немного продвинуться в глубь страны. Хотя Китай вывел свои войска через месяц, стычки между двумя сторонами продолжались до конца 1980-х гг. (прим. авт.).

ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ: ДЕМАРКАЦИЯ ОБЩИХ СУХОПУТНЫХ И МОРСКИХ ГРАНИЦ

После нормализации отношений между двумя странами в 1991 г. Вьетнам и Китай создали систему переговоров и диалога для решения не урегулированных вопросов и установления стратегического доверия. В контексте новой «дипломатии периферии», выработанной китайским руководством в 1990-е гг., Китай через своего премьер-министра Ли Пэна (1987-1998) предложил вьетнамскому руководству активизировать и снова запустить двусторонние переговоры сначала по сухопутным границам, а затем, впервые в истории, по морскому пространству в Тонкинском заливе в 1992-1993 гг.

По итогам визита Ли Пэна в Ханой в конце 1992 г. было принято соглашение об «Основных принципах решения вопросов приграничной территории между Китайской Народной Республикой и Социалистической Республикой Вьетнам», подписанное заместителями министров иностранных дел 19 октября 1993 г. [5]. Оно предусматривало урегулирование имевшихся разногласий относительно демаркации сухопутной границы на севере Вьетнама и Тонкинском залива. Нерешенным вопросом оставался также спор по поводу Парасельских островов и островов Спратли в Южно-Китайском море (ЮКМ). Коммюнике от 10 ноября 1991 г. обязывало обе страны урегулировать пограничные и другие территориальные вопросы мирно, путем переговоров [3, р. 3]. Были сформированы три экспертные группы представителей Вьетнама и Китая. В отношении островов Спратли и Парасельских указывалось, что споры вряд ли будут решены в течение длительного времени [3, р. 3]. Такая постановка вопроса показывает, что обе страны стремились, если можно так выразиться, разграничить их территориальные разногласия.

Министр иностранных дел СРВ Нгуен Зи Нин и его заместитель Ле Конг Фунг в своих статьях изложили официальные позиции Вьетнама по вопросу Тонкинском залива. Оба автора, будучи участниками переговоров по данному вопросу, считали, что достигнутые соглашения между двумя сторонами являются непосредственным результатом провозглашенной вьетнамской стратегии «стабильность во имя развития» [6].

ДЕМАРКАЦИЯ СУХОПУТНОЙ ГРАНИЦЫ ВЬЕТНАМА И КИТАЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ В ТОНКИНСКОМ ЗАЛИВЕ

В результате визита в декабре 2000 г. в Китай президента СРВ Чан Дык Лыонга была подписана Совместная декларация о всестороннем сотрудничестве между двумя странами в Новом веке [2, с. 16].

Для Пекина до недавнего времени Тонкинский залив был зоной второстепенных интересов,

но этот новый акцент китайской дипломатии позволял Китаю совершить перебалансировку его морской политики в зоне менее конфликтной, чем та, что расположена в самом центре Южно-Китайского моря. Тем более что Пекин и Ханой не имели спорных вопросов в зоне Тонкинском залива. Этим маневром Китай искал возможность показать, без риска для своего имиджа, другим странам, расположенным на берегах ЮКМ, свою добрую волю в области разрешения морских конфликтов. Так, в течение 1990-х гг. китайские власти не упустили возможность придать большую цену переговорам с Ханоем по Тонкинскому заливу, одновременно не упуская своего главенства над переговорным процессом.

Для вьетнамской стороны возобновление переговоров с Китаем совпало с выработкой новой морской стратегии. В мае 1995 г. До Мьюй, генеральный секретарь КПВ (1991-1997 гг.), в своей речи в морском колледже в Хайфоне произнес следующую установочную фразу: «Морские вьетнамские силы должны быть модернизированы и укреплены, чтобы иметь возможность сыграть ключевую роль в морских битвах», а также чтобы защитить суверенитет, национальные интересы и природные морские ресурсы, одновременно создавая морскую экономику [7].

Одновременно в Ханое должны были прислушиваться и учитывать возросшие амбиции Китая в формате его новой дипломатии, получившей название «периферийной», с целью перестроить соседские отношения между двумя странами.

МОРЕ КАК НОВОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ВЬЕТНАМА

В реальности, намерения разработки морских ресурсов Тонкинском залива, до настоящего времени долго остававшиеся областью вне сферы политических и военных интересов Вьетнама, были обусловлены в наступившем XXI в. новой морской дипломатией Китая, имеющей тенденцию к расширению. Новые амбиции морской политики Китая вынуждали вьетнамское руководство пересмотреть и оборонную политику СРВ.

На протяжении веков Вьетнам был известен, прежде всего, как континентальное государство, рассматривающее проблемы, связанные с морем как второстепенные. В течение всей своей длительной истории Вьетнам никогда в реальности не утверждал себя в качестве крупной морской державы. Народ этой страны более известен как выращивающий рис на своих равнинах, старавшийся избегать горных зон и морского побережья, которое можно определить как морской фасад страны (протяженность морской линии побережья более 1000 км). После окончания войны сопротивления в 1954 г. приоритет отдавался наземным военным силам. Военно-морские и Военно-

воздушные силы Вьетнама находились как бы на периферии военной стратегии ДРВ/СРВ.

После провозглашения политики обновления в 1986 г. и открытия экономики морская политика Вьетнама заметно меняется и постепенно занимает другую позицию: 4/5 объема внешней торговли отныне происходит через использование морских перевозок [8, р. 34]. Эта новая ситуация заметно сказалась на оборонной политике и на стратегии безопасности Вьетнама, также претерпевших глубокие изменения.

Вступление Вьетнама в АСЕАН в 1995 г. означало его возвращение в регион ЮВА, и уже в эти годы была запущена программа обновления военно-морских сил Вьетнама, одновременно с возрождением компаний по производству нефти на его берегах. Для Китая и ЮВА это означало, что в регионе появилась новая морская страна и новая региональная сила в ЮКМ - Вьетнам. В результате этих изменений сложилась некая новая конкретная ситуация: китайская «дипломатия периферии» и создание «морского» Вьетнама.

ТОНКИНСКИЙ ЗАЛИВ И ЕГО ОСТРОВА

Тонкинский залив занимает территорию в 126 250 кв. км и граничит на севере и на востоке с Китаем (автономный район Гуанси, провинция Гуандун) и островом Хайнань. Средняя глубина небольшая - менее 60 м, максимальная ширина - 238 км, и 191 км - между островом Хайнань и вьетнамским островом Конко (*Con Co*) [9].

Главной проблемой для Вьетнама было включить в переговорный процесс вопрос о принадлежности двух наиболее крупных островов в заливе: Конко на Юге, но особенно Батьлонгви (*Bach Long Vi*) - самого большого острова залива, расположенного в 110 км от вьетнамской зоны и в 130 км от китайского о. Хайнань.

Остров Батьлонгви входил в состав Французского Индокитая в результате подписания франко-китайской Конвенции 1887 г. В 1957 г. Китай подтвердил эту позицию, и Ханой в тот же день - 16 января - опубликовал декрет 49/*Ttg* о том, что Батьлонгви имеет статус общины, отныне административно подчиняется порту Хайфон, образует с/х рыбный кооператив с 93 общинниками, 22 га земли и 13 кораблями (данные на то время) [10].

В ходе дальнейших переговоров в 1990-х гг., длившиеся 5 лет, принимая во внимание позицию Ханоя по вопросу островов и разграничения вод залива по его середине, Китай согласился с этим предложением Ханоя. И тогда острова Батьлонгви, Конко и др. были зафиксированы как принадлежащие Вьетнаму, а Байсуян (*Bai Su Yan*) - Китаю [7, р. 37].

Соглашения по Тонкинскому заливу, подписанные в Ханое в декабре 2000 г.², впервые обо-

значили морскую границу между двумя странами в водах залива. По этому документу 53,23% территории залива отходили к СРВ и 46,77% - Китаю, что было расценено в Ханое как большая политическая победа Вьетнама [2, с. 15].

Достигнутые соглашения создали благоприятные условия для расширения сотрудничества и усиления связей между китайскими и вьетнамскими провинциями, прилегающими к Тонкинскому заливу. В июле 2006 г. власти автономного района Гуанси организовали в Наньнине первый форум по экономическому сотрудничеству Большого Тонкина. На следующий год, по предложению Вьетнама, план по экономическому сотрудничеству был включен в план развития «двух коридоров и расширенного экономического круга залива Тонкина» [11, pp. 67-78]. Иначе говоря, соглашения по сухопутным и морским границам между Вьетнамом и Китаем обозначили в начале нового тысячелетия новую зону сотрудничества и экономического развития вокруг Тонкинского залива.

Соглашение по разграничению морской границы было дублировано соглашением о рыболовстве [2, с. 15]. Можно сказать, что оно заложило основы по созданию нового неформального центра научного обмена между учеными Китая и Вьетнама по вопросам исследования проблем моря и океанографии. В этом приняли участие научные институты Китая (на о-ве Хайнань) и Вьетнама (в Хайфоне), что положило начало т.н. «академической дипломатии».

В 2004 г. Китай и Вьетнам создали зону совместной эксплуатации залежей нефти в центре залива Тонкина на площади в 1 541 кв. км. В июне 2013 г. компании «Пьетровьетнам» в результате переговоров с китайской компанией *CNOOC* удалось увеличить общую площадь зоны эксплуатации в заливе до 4076 кв. км [12, pp. 71-87].

Существует еще один аспект китайско-вьетнамских отношений, но малоизвестный. Он касается области обороны и безопасности в общих водах, борьбы с морским пиратством, спасения потерпевших и защиты нефтяной зоны. В 2006-2015 гг. были организованы 19 патрулей китайской и вьетнамской морской полиции ради одного и единственного годового обходного рейса [13, pp. 3-16]. Совместные китайско-вьетнамские действия в этой сфере пока остаются достаточно скромными, но они стали возможными благодаря Соглашению по Тонкинскому заливу 2000 г.

Китайско-вьетнамские соглашения по Тонкинскому заливу получили большой резонанс в регионе ЮВА, и Китай, пользуясь этим, предложил Вьетнаму открыть новый фронт пограничных переговоров по «устью Тонкинского залива», суть которых заключалась в том, что зона «устья» расположена в пограничной зоне с Парасельскими островами. Тем самым, Китаем была обозначена

² Китайско-вьетнамский договор о делимитации границ от 30.12.2000 г. (прим. авт.).

на и новая терминология, касавшаяся Тонкинско-го залива. Открывая этот новый тур переговоров, Китай, по мнению некоторых зарубежных экспертов, стремился, в том числе, отдалить Ханой от слишком сильного сближения с Филиппинами³, а также убедить АСЕАН в его (Пекине) доброй воле по решению морских вопросов [8, р. 41].

В Пекине хотели показать, что этим переговорам по Тонкинскому заливу придают большое значение. В 2015 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что будущее вьетнамо-китайских отношений, и в какой-то мере мира в ЮКМ, зависит от продолжения переговоров двух стран по «устью Тонкина» [14]. Китайские дипломаты не устают повторять, что Соглашение по Тонкинскому заливу есть проявление доброй воли Китая по решению морских проблем. Более того, руководство Китая уже выдвигает формат проекта «Шелковый путь». Поэтому в Ханое уже опасаются, что все эти многочисленные соглашения с Китаем, все более широко интегрирующие Вьетнам в региональные отношения, могут нанести ущерб дипломатическим интересам Вьетнама [8, р. 41].

В формате новой китайской «соседской» дипломатии и, несмотря на новые напряженности вокруг Парасельских островов, Соглашение по Тонкинскому заливу дает возможность Пекину использовать этот механизм для продолжения диалога по проблемам морской безопасности и, что особенно важно, инициировать новые двусторонние диалоги с государством, пограничным «с его» (Китая) ЮКМ. Но Вьетнам всегда настороженно относится ко всем инициативам Китая. В настоящий момент Пекин видит в Тонкинском заливе, и особенно в его «устье», экспериментальную зону для своей «морской дипломатии» в ЮВА.

В Ханое же поддерживают состояние неопределенности в переговорах с Пекином. С этой точки зрения стратегия «всех азимутов», примененная Пекином в Тонкинском заливе без привлечения союза с третьей страной, представляет собой один из видов морской политики, которая беспокоит Вьетнам. В реальности, дипломатическая активность, развернутая Китаем в Тонкинском заливе, направлена не только на Вьетнам, но и на все страны АСЕАН, ибо таким способом Китай стремится удержать этих партнеров в орбите своего влияния при одновременном усилении в одностороннем порядке своих позиций в ЮКМ.

Вьетнам и Китай все чаще конкурируют за влияние в континентальной части Юго-Восточной Азии, где ранее большую роль играл Вьетнам.

Присутствие Китая демонстрируется по двум каналам: экономическим отношениям и культур-

ным связям. Китай стал крупнейшим донором и инвестором по оказанию помощи многим странам этого региона, а также важным военным партнером Мьянмы, Камбоджи, Таиланда и Лаоса. Таким образом, применение «мягкой силы» Китаем, с точки зрения развития экономических и культурных отношений в Юго-Восточной Азии, безусловно, открывает определенные возможности и для Вьетнама, одновременно создавая новые проблемы с точки зрения безопасности, политики и дипломатии. Чтобы уравновесить растущее давление со стороны Китая, Вьетнам одновременно инициировал челночную дипломатию и содействовал ее развитию на трех разных уровнях: дипломатия по отношению к Китаю как к «большому соседу», «соседская» дипломатия с Лаосом и Камбоджей [15] и дипломатия с крупными державами, такими, как США и Россия.

За последние пять лет Китай, с его новой дипломатией соседства, стремился к увеличению своего влияния в Юго-Восточной Азии, рассматривая этот регион как один из приоритетных своей внешней политики.

Необходимо отметить значимость вьетнамо-американских отношений, активно развивающихся с 1995 г. Кроме торговых соглашений, существенным стало участие Вьетнама в Транстихоокеанском партнерстве⁴, некогда возглавляемом США, и налаженный диалог по безопасности. Кроме того, бывшие противники наладили военное сотрудничество через визиты офицеров, совместные учения и т.п. Вьетнам рассматривает связи с Соединенными Штатами как возможное средство уменьшения китайского влияния в АТР. «Будущее процветание Вьетнама зависит от стабильной и мирной морской среды. Соединенные Штаты и остальная часть международного сообщества также пользуются региональной стабильностью», - сказал посол США во Вьетнаме Тед Осиус [16].

По мнению вьетнамского специалиста До Минь Као из Австралии, отношения между Вьетнамом и США в эпоху «трампазма» вступают в новую фазу, т.к. воспоминания о войне сменяются стратегическими и экономическими интересами в целом [17, с. 102].

Фактор Китая во вьетнамско-американских отношениях играет существенную роль. Многие эксперты и само общественное мнение Китая признают, что жесткая политика Китая в Восточном море в последние годы является основным фактором, подталкивающим Вьетнам к дальнейшему сближению с Америкой. Вьетнам и США смягчили серьезные разногласия идеологическо-

³ Филиппины - страна, известная как союзник США вне НАТО. США поддерживают Филиппины в их попытках разрешить конфликт по вопросам в ЮКМ через Гаагский арбитражный суд, что крайне нежелательно для Китая (подробнее см.: Панарина Д.С. Политика США на Филиппинах на современном этапе: за и против. *ЮВА: актуальные проблемы развития*. Выпуск XX, № 29. М., ИВ РАН, 2015).

⁴ Подробнее см.: Мазырин В.М. Вьетнам в Транстихоокеанском партнерстве: выгоды и угрозы. *Актуальные проблемы вьетнамоведения*. М., РАН, 2018, с. 144-164.

го плана и сосредоточились на преимуществах общей стратегии: Вьетнам прилагает усилия для защиты своего суверенитета над островами в ЮКМ, тогда как Соединенные Штаты обеспечивают свободу судоходства и в перспективе рассматривают Вьетнам в качестве «оплота против экспансии Китая в Восточном море»⁵, Юго-Восточной Азии и на юге Азиатско-Тихоокеанского региона», угрожающей стратегическим интересам США в этом регионе [17, с. 117].

Современные же вьетнамо-китайские отношения, как и многие другие геополитические отношения, имеют две стороны: форму и сущность, не всегда совпадающие. Конфликт в Южно-Китайском море, начавшийся в 2011 г., можно сказать, только частично повлиял на отношения Китая и Вьетнама. В преддверии XII съезде КПВ (январь 2016 г.) председатель КНР Си Цзиньпин дал ясно понять значимость общих интересов для двух сторон, в то время как разногласия вокруг островов Спратли и Парасельских в ЮКМ отнюдь не исчерпывали содержание двусторонних отношений и не сводятся к ним. Он также отметил, что китайские власти предпочитают поста-

вить на первый план китайско-вьетнамские соглашения по Тонкинскому заливу от 25 декабря 2000 г., т.к., по их мнению, эти соглашения дают очень хороший пример конструктивного динамизма отношений Китая и Вьетнама [8, р. 33].

* * *

С формальной точки зрения, отношения между СРВ и КНР содержатся в мировой схеме взаимоотношений, регулируются общими правилами международного права, что признают власти обоих государств. Однако на самом деле эти отношения отражают столкновение интересов, скрытые договоренности, взаимодействие с представителями ведущих сил на мировой арене. Рост напряженности в связи с территориальным конфликтом происходит на фоне продолжающегося с 1990-х гг. политического сближения двух стран, что для многих может показаться «парадоксом», однако на практике остается естественным процессом в рамках сложившейся за тысячелетия модели двусторонних отношений, уходящей корнями в древнюю конфуцианскую идеологию.

⁵ Так во Вьетнаме называют Южно-Китайское море (прим. авт.).

Список литературы/ References

1. Documents of VI congress of the CPV. Hanoi, 1987. (In Viet.).
2. Цветов П.Ю. История Вьетнама эпохи обновления. *Труды Института практического востоковедения*. 2005, № 1. 18 с. (Tsvetov P.Y. 2005. History of of the renovation era of Viet Nam. *Proceedings of the Institute of Practical Oriental Studies*. № 1. Moscow) (In Russ.)
3. Ang Cheng Guan. Vietnam-China Relations since the End of the Cold War. Institute of Defence and Strategic Studies. Singapore. November, 1998, 24 p.
4. Локшин Г.М. Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл. *Вьетнамские исследования. Выпуск 4. Вьетнам сегодня и вчера*. М., ИДВ РАН, 2014. С. 50-72. (Lokshin G. 2014. Vietnam-China relations: the tyranny of geography and common sense. *Vietnamese researches. Issue 4. Vietnam today and yesterday*. Moscow) (In Russ.)
5. Xinhua News Agency, 28 August 1993.
6. Nguyen Dy Nien. The division of the gulf of Tonkin with the aim at realisation of the long term strategy of «stability for the state development». *Communism*. 2004, № 17. (In Viet.)
7. Vu Duong Huan. External policy and external contacts. Hanoi, 2015. (In Viet.)
8. Tréglodé de Benoît. 2016. Délimitation maritime et coopération sino-vietnamienne. *Perspectives chinoises*, № 6, pp. 33-41.
9. Tran Duc Thanh, Le Duc An. General issues of natural conditions, natural resources and environment of the Gulf of Tonkin. Conference Paper, November 2012. (In Viet.). https://www.researchgate.net/profile/Tran_Thanh9/publications/4 (accessed 18.05.2020)
10. Tran Duc Thanh et al. (éds.). Nature and environment on the island Bach Long Vi. HN, 2013 (In Viet.)
11. Daisuke Hosokawa. 2009. Pan-Beibu Gulf Economic Cooperation: China's New Initiative in Cooperation with ASEAN. *Osaka Keidai Ronshu*. Vol. 60, July, № 2.
12. Nathalie Fau. Les zones communes de développement: une solution au conflit en mer de Chine méridionale? *L'Asie du Sud-Est*. 2016, Bangkok; Les Indes savants. Paris, IRASEC. 2016, pp. 71-87.
13. Lida Masafumi. 2008. New Developments in China's Policy in South China Sea. *NIDS Security Studies*. December, № 9, pp. 3-16; Tomotaka Shoji. 2006. Demarcation and Territorial Problems between Vietnam and China. *NIDS Security Studies*. March, № 3, pp. 53-67.
14. Xing Zhigang and Chen Mengwei. 2016. China, Vietnam Agree on Joint Inspections. *China Daily*, 07.11.2015.
15. Pham Sy Thanh. Vietnam's active diplomacy to engage with China's increasing regional presence. *Changing World Politics*. <https://www.twai.it/magazines/vietnams-active-diplomacy-to-engage-with-chinas-increasing-regional-presence/> (accessed 25.05.2020)
16. U.S. Relations with China, 1949-2018. https://www.cfr.org/backgrounder/evolution-us-vietnam-ties_ (accessed 20.05.2020)
17. До Минь Као (Австралия). Отношения Вьетнама и США в эпоху «трампизма». *Актуальные проблемы вьетнамоведения*. М., РАН, 2018, с. 105-124. (Do Minh Cao. 2018. Relationship between Vietnam and the USA in the era of «trampism». *Current Problems of the Vietnamese Studies*. Moscow) (In Russ.)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ КАНВОНДО

© 2020 М. КУКЛА, Л. КОЗЛОВ

КУКЛА Марина Петровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры корееведения, Дальневосточный федеральный университет (kukla.mp@dvfu.ru)

КОЗЛОВ Леонид Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, Дальневосточный федеральный университет (kozlov.le@dvfu.ru)

Резюме. В Республике Корея равномерное территориальное развитие считается одной из главных государственных задач. Традиционным объектом региональной политики Сеула является Канвондо, типичный депрессивный регион, в период индустриального роста РК специализировавшийся на добыче угля и радикально перестроивший за последние 30 лет свою экономическую структуру. В статье анализируются ключевые проблемы социально-экономического развития провинции, пути и методы их решения, которые привели к тому, что отставание Канвондо от среднего уровня южнокорейских регионов было преодолено.

Ключевые слова: региональная политика, территориальное развитие, Республика Корея, Канвондо

THE GANGWON-DO CASE AS AN EXAMPLE OF THE REGIONAL POLICY OF THE REPUBLIC OF KOREA

Marina P. KUKLA, PhD (Economics), Associated Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (kukla.mp@dvfu.ru)

Leonid E. KOZLOV, PhD (Political Science), Associated Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (kozlov.le@dvfu.ru)

Abstract. In the Republic of Korea, equal spatial development is considered as one of the state priorities. The traditional object of Seoul's regional policy is Gangwon Province, a typical depressed region that specialized in coal mining during the rapid industrial growth of the RoK and suffered from changes in the energy balance and macroeconomic conditions at the turn of the 80s and 90s. In this article, we analyze the key problems of the socio-economic development of the province, the approaches and instruments for resolving these problems and their effectiveness. The recovery policy for Gangwon-do has been implemented over the past two decades. The central, regional and municipal authorities, as well as the local community, putting forward a variety of initiatives and demands, are engaged in an intensive dialogue on the development of Gangwon-do. At first sight, a radical improvement did not happen. However, the decline in population has been stopped and even a slight growth began. Structural reorganization of the regional economy was implemented, and in preparation for the 2018 Olympic Games, most transport problems were solved, the infrastructure of sports and outdoor activities reached a high level, and real estate prices rose significantly. Gangwon-do's lagging behind the average level of the South Korean regions has ceased, which is a decent result of the regional policy, taking into account the existing geographical and macroeconomic restrictions. However, we assume that the COVID-19 epidemic will cause severe damage to the service sector of the provincial economy, so in the future the authorities will pay more attention to the development of industry and agriculture.

Keywords: regional policy, territorial development, Republic of Korea, Gangwon-do

В России с ее огромными пространствами и региональными диспаритетами существует большой интерес к изучению зарубежного опыта территориального развития. Однако Республика Корея (РК) обычно остается за бортом сравнительных исследований, вероятно, представляясь столь малой страной, что региональных проблем, достойных центрального регулирования, там не может быть в принципе. И вне Кореи этот сюжет не пользуется популярностью, но в самой РК территориальное развитие считается одной из главных государственных проблем, ей посвящается множество научных исследований, государственных планов и нормативных актов.

Традиционным объектом региональной политики РК является провинция Канвондо, схожая

своими условиями и проблемами с дальневосточными регионами России и поддерживающая с ними тесные связи. В данной статье мы анализируем ключевые проблемы социально-экономического развития Канвондо, пути, методы и эффективность их решения центральными и региональными органами власти РК¹.

ОБЩИЙ ПОДХОД РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ К ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

Региональные диспаритеты в Южной Корее, несмотря на небольшую территорию страны (100210 км²), весьма существенные. В своем нынешнем виде они сформировались в 1980-е гг., когда индустриализация в стране была практически

¹ Исследование базируется на следующих источниках: Korean Statistical Information Service, Gangwon Statistical Information, Korea's Comprehensive National Territorial Plan (CNTP), Gangwon Vision 2040. Использованы беседы с жителями провинции и наблюдения авторов.

завершена. Обязательным элементом государственной стратегии РК является «Комплексный национальный территориальный план» (*CNTP*).

Первый *CNTP* (1972-1981) был нацелен на форсированную индустриализацию и экономический рост страны. Этот рост привел к радикальному перераспределению населения из сельских районов в города, крупнейшие из которых были расположены в промышленных районах, так что столичный регион с центром в г. Сеул и юго-восточный с центром в г. Пусан стали явно преобладать над отстающими северо-востоком (Канвондо) и юго-западом (Южная и Северная Чолла).

Второй *CNTP* (1982-1991) предусматривал более сбалансированное развитие территории РК, однако меры по ограничению роста Сеула и Пусана и поддержке полюсов роста в других регионах не произвели ожидаемого эффекта. В ходе индустриализации и урбанизации в отсталых регионах падали численность населения, объемы производства, вымирали малые города и рабочие поселки, в целом ухудшалось качество жизни в глубинке. Усугубляло положение отсталых регионов общее старение населения в РК.

В третьем *CNTP* (1992-1999) акцент был сделан на децентрализации властных полномочий и дерегулировании экономики. Особое внимание уделялось укреплению экономической базы регионов. Политика децентрализации, расширения региональной автономии и инициативы нашла поддержку далеко не у всех чиновников центральных государственных органов, консервативные элементы по мере сил ее саботировали [1, р. 24].

Четвертый *CNTP* (2000-2020), увеличив горизонт планирования с 10 до 20 лет, стал обязательной основой планирования на местах. «Комплексный план развития Канвондо» был создан в соответствии с 4-м *CNTP* в 2000 г. и потом неоднократно пересматривался.

Администрация президента РК Но Мухёна (2003-2008) в рамках 4-го *CNTP* ставила главной задачей преодоление разрыва между столицей и регионами. Для её решения предполагалось создать равномерно по всем провинциям 17 новых городов [2, р. 3]. Как позднее выяснилось, этот подход, скорее, повысил конкуренцию между регионами, чем способствовал развитию межрегиональных связей. На сегодня введен в эксплуатацию лишь город Сечжон, взявший на себя часть административных функций Сеула.

Администрация президента Ли Мёнбака (2008-2013) сменила императив региональной политики на «создание конкурентоспособных регионов с рабочими местами и высоким качеством жизни», при этом линия на децентрализацию управления сохранилась. Территория страны была разделена по историческим, культурным и географическим критериям на 5 основных экономических районов и 2 особых района: Чеджудо

и Канвондо (т.н. политика «5+2»). Поощрялась специализация регионов в соответствии с их геоэкономическими характеристиками и межрегиональная кооперация, нацеленная на их соразвитие [3, pp. 581-582].

Региональная политика при Ли Мёнбаке стала тесно увязываться с экологической политикой «зеленого роста». В 2010 г. был принят закон «О повышении качества жизни и содействии развитию в сельскохозяйственных и рыболовецких районах», нацеленный на сокращение разрыва в уровне жизни между городом и селом.

Администрация президента Пак Кынхе (2013-2017) в региональной политике сосредоточилась на повышении качества жизни вместо стимулирования рождаемости, которое в условиях сокращения населения детородного возраста не имело заметного эффекта. Система управления регионами стала переходить от управления «сверху вниз» к управлению «снизу вверх», при котором программы территориального развития опирались на местную инициативу [2, р. 4].

Сегодня администрация президента РК Мун Джэина ставит во главу угла развитие социальной сферы РК и продолжает устранение территориальных диспропорций. Бюджет мероприятий по региональному развитию до 2022 г. превышает 175 трлн вон, что на 10 трлн вон больше, чем план 2014-2018 гг. (на июль 2020 г. \$1 был равен 1195,70 кор. вон). Из них 113 трлн выделяется центром и 42 трлн - регионами.

Приоритетами политики Мун Джэина являются стимулирование занятости и развитие человеческого капитала, инновационное производство, укрепление образовательной, культурной и медицинской инфраструктуры в регионах, которые испытывают отток населения [4].

СИТУАЦИЯ В КАНВОНДО В НАЧАЛЕ XXI в.

Провинция Канвондо расположена в северо-восточной части Республики Корея, на побережье Японского моря, занимает 17% территории страны, но производит лишь около 3% совокупного валового регионального продукта (ВРП) и населена лишь 3% жителей РК.

Существенное отставание провинции по большинству социально-экономических показателей началось в 1980-е гг., когда из-за изменения конъюнктуры энергетического рынка и снижения рентабельности стали закрываться угольные шахты, составлявшие основу ее экономики. Горнорудная отрасль давала более 12% ВРП Канвондо в 1985 г., но к 2006 г. её доля сократилась до 1,4%. Вслед за этим доля обрабатывающей промышленности в ВРП упала с 16% в 1999 г. до 8,6% в 2006 г. [5, р. 7]. Как следствие усилился отток населения в столичный регион, где были более привлекательные рабочие места.

В «Концепции развития провинции до 2040 г.» (*Gangwon Vision 2040*), разработанной Канвонским исследовательским институтом в 2017 г., отмечены следующие трудности: 1) слабая промышленная база, большая доля рыбного и сельского хозяйства и сферы услуг, малая доля производства с высокой добавленной стоимостью; 2) медленный экономический рост, низкая урбанизация, постоянно падающая доля региона в национальной экономике; 3) сокращение численности экономически активного населения и старение населения [7, р. 38].

Дополнительные проблемы приведены в работе канвонского экономиста Ким Чжонхо. В частности, он сообщает о том, что в Канвондо долгое время недофинансировалась и медленно строилась инфраструктура: автомобильные и железные дороги, воздушные и морские порты. Гористая местность обусловила высокую стоимость создания инфраструктуры, например, автодороги в Канвондо обходились вдвое дороже, чем в среднем по стране. Регион был слабо связан с системой портов РК, пять местных портов составляли всего 8,1% общей перевалочной мощности портов Южной Кореи. При этом 82% территории провинции покрыто лесами, и государство из природоохранных соображений препятствует ее введению в оборот [5, pp. 5-10].

Определенные проблемы развитию создает усиленный контроль государства над всеми видами деятельности в приграничных с КНДР уездах. Значительная территория прилегает к Демилитаризованной зоне и зарезервирована для нужд военных. С другой стороны, соседство с КНДР повышает интерес туристов к Канвондо [8, pp. 332-333]. Некоторая поддержка приграничных уездов оказывается в виде субсидий и налоговых льгот на основе закона «О поддержке приграничных территорий» (2007).

Производственный сектор развит слабо ввиду затрудненного доступа местных предприятий к национальному рынку, дефицита инвестиций, неразвитой инфраструктуры. Три четверти местных фирм насчитывают менее 5 человек. Такой микробизнес не может создать значительного числа рабочих мест [5, р. 13], что обостряет проблему занятости, особенно среди молодежи. Социально-экономические параметры Канвондо на душу населения обычно остаются средними для южнокорейских регионов, но вот их абсолютные значения всегда малы, учитывая площадь провинции [9, pp. 14, 15, 39].

В середине 2000-х гг. было решено ускорить решение проблем Канвондо. Оживить экономику и остановить отток населения, в основном, предполагалось через развитие внутреннего и международного туризма, особенно медицинского,

с учетом благоприятной местной экологии. *CNTP* на 2009-2013 гг. также предусматривал строительство в провинции современных железных и автомобильных дорог [10, р. 77].

К более активной заботе о регионе центр во многом побудило общественное движение в Канвондо. Еще в начале 1990-х гг. на фоне закрытия угольных шахт местные жители начали дискутировать о том, где им найти новые источники дохода. Выдвигались различные экзотические идеи вроде размещения мусорных полигонов, захоронения в шахтах ядерных отходов, перевода в Канвондо южнокорейских тюрем, в общем, всего того, что не нравится другим регионам. От этих проектов, впрочем, пришлось отказаться из-за технических сложностей и противоречий с природоохранными законами.

В регионе создавались общественные организации, собирались митинги, принимались петиции к центральному правительству. Местные жители основывали компании для развития новых отраслей, прежде всего, туризма. Проводились разнообразные, порой агрессивные акции за сохранение угольных шахт и теплоэлектростанций, в т.ч. в столице страны.

Одним из результатов переговоров правительства РК с местными активистами стал «Специальный закон о содействии развитию районов заброшенных шахт» (1995). *MOLIT* в 1997 г. разработало 85 проектов в рамках возрождения Канвондо, включая туристические и рекреационные, а правительство РК утвердило план расширения региональной инфраструктуры на 322,2 млрд вон [11, pp. 57-91]. Местное сообщество было главным инициатором проведения Зимних Олимпийских игр в Пхёнчхане и настойчиво продвигало эту заявку, несмотря на первые неудачи.

Регионы РК традиционно оказывают большое воздействие на принятие государственных решений в сфере территориального развития. Как и в России, в РК центр забирает около 80% налогов, но распределяет их, опираясь, прежде всего, на инициативные предложения провинций, и гораздо быстрее, чем в России.

Высшие органы власти провинций формируются в реальной политической конкуренции, поэтому они тесно связаны с местным сообществом. Более того, в южнокорейском обществе остро реагируют на любые проблемы, связанные с кумовством и коррупцией, так что, попав во власть, региональные лидеры стараются работать изо всех сил, и успех их проектов - это, своего рода, дело чести².

Канвондо не особо может рассчитывать на своих лоббистов в столице: всего 5-6% выходцев из провинции работают в центральных министерствах [12]. Канвондо не имеет определенной поли-

² Из интервью с Ли Шин У, официальным представителем Канвондо во Владивостоке, 20.02.2020.

тической окраски и не участвует в конкуренции регионов РК за выдвижение национальных лидеров.

Главными целями концепции «*Gangwon Vision 2040*» называются достижение высокого уровня жизни, рост ВРП более 3%. Основными факторами развития провинции считаются её природный потенциал, приграничное положение, избыток свободной территории для нового бизнеса. Провозглашается необходимость развития инфраструктуры, медицины, культуры и образования, улучшения инвестиционного климата, создания новых отраслей, привлечения крупных фирм с их головными офисами. Соседство с КНДР видится, скорее, шансом на развитие, чем угрозой: в стратегии содержится призыв к более активной позиции региона по объединению и межкорейскому сотрудничеству. Удачные для Канвондо возможности разработчики стратегии видят в инициативах КНР «Пояс и Путь» и «Новая Северная политика» РК. Провинция рассматривает стать важным транспортным узлом, соединяющим Корею и Северный морской путь [7].

МЕРЫ ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ РАЗВИТИЯ КАНВОНДО

Среди инфраструктурных мер особенно полезным для провинции было строительство к Зимней Олимпиаде 2018 г. скоростной железной дороги (*Korea Train eXpress / KTX*) и модернизация двух региональных аэропортов до уровня международных. *KTX* решила проблему транспортной связи Канвондо со столичным регионом. К Олимпиаде также были построены горнолыжные курорты, ледовые дворцы, гостиницы и другие объекты за счет средств госбюджета и спонсоров.

Одним из положительных изменений, которые произошли в регионе при подготовке к Олимпиаде, может служить провинциальный город Каннин: облагораживалась территория, строились новые здания, росла занятость. Новая железнодорожная связь *KTX* между Сеулом и регионом - это самый памятный результат Олимпиады: время поездки из Каннина в Сеул сократилось до 1,5 часов, поэтому Каннин смог реализовать свой потенциал в сфере внутреннего туризма.

Олимпийская инфраструктура используется как аргумент, чтобы сделать Пхёнчхан площадкой для международных политических переговоров, в оптимальном варианте - переговоров об объединении Севера и Юга Кореи [13].

Новый крупный объект образовательной инфраструктуры, один из трех кампусов Канвонского национального университета, был построен в городке Тогэ, который сильно пострадал от сокращения угледобычи. В 2009 г. открылись 9 учебных корпусов и 4 жилых здания. Кампус То-

гэ пропагандировался как альтернатива угледобыче и основа регионального экономического возрождения, обеспечивающая непрерывное образование местных жителей, приток внешних студентов и новых отраслей, которые должна привлечь инфраструктура НИОКР [11, pp. 123-124].

Вончжу, второй по величине город провинции, включен в госпрограмму семи инновационных кластеров, специализируясь на производстве медицинских инструментов. Южнокорейский рынок медоборудования достаточно ограничен, поэтому большинство таких компаний в Канвондо делают акцент на экспорте. Не все в этом деле идет гладко, например, есть трудности с набором высококвалифицированных сотрудников, которые мечтают о карьере в столичных или транснациональных компаниях [14, pp. 23-24].

Система стимулирования экономики РК исторически нацелена на поиск отраслей, обладающих большим потенциалом на внутреннем или зарубежном рынке, в привязке к географическим локациям. Сочетание административных, экономических и институциональных инструментов дает возможность не только создавать эффективную рыночную среду, но и помогать организационно малому и среднему бизнесу. В случае Канвондо такими драйверами считаются туризм и экспортное производство.

Политика стимулирования туризма включает в себя открытие в 2006 г. единственного в стране казино, куда разрешен доступ граждан РК (всего в РК работает 17 казино), поддержку событийного туризма (порядка 200 мероприятий в год), привлечение в региональные вузы, не имеющие высоких рейтингов, иностранных студентов из Китая, России, Юго-Восточной Азии и др. Введена система упрощенного лицензирования строительства и организации гостиниц и другого съемного жилья (отелей, гостиниц при больницах, хостелов), созданы условия для развития т.н. «дешевого туризма» (система возврата налогов, система различных уровней гостиниц, кемпингов и т.п.).

Казино «*Gangwon Land*», при всей своей важности для регенерации шахтерских уездов, имеет сложную судьбу. Во-первых, этот проект в отсталом регионе не вызывал большого интереса частных инвесторов, так что потребовалось составить акционерное общество с капиталом 100 млрд вон, где 51% инвестиций обеспечивали правительство РК, провинция и муниципалитеты, а 49% - местные частные инвесторы. Во-вторых, казино в Корее пользуются дурной славой: считается, что они провоцируют пристрастие к азартным играм, алкоголизм, проституцию, политическую коррупцию. Поэтому власти расширили этот проект с казино до рекреационного кластера и пропагандировали его позитивные аспекты. Наконец, проекту угрожала конкуренция других корейских участников рынка азартных игр, добивавшихся раз-

решения на допуск в свои казино граждан РК [15].

Над развитием регионального экспорта работает Агентство по поддержке бизнеса Канвондо, организованное в 1998 г. в помощь малым и средним компаниям. В его структуре находятся отдел маркетинга, комитет по развитию человеческого капитала, центр интеллектуальной собственности, центр поддержки традиционного рынка, центр поддержки уникальных региональных производств в сельском хозяйстве, зарубежные представительства в Китае, Японии, Вьетнаме и России. С 2011 г. такое представительство работает во Владивостоке. Сфера его ответственности - это распространение информации о возможностях сотрудничества с Канвондо и маркетинг местных товаров [16]. Компании Канвондо участвуют в многочисленных отраслевых выставках товаров и услуг, проходящих во Владивостоке. Кроме того, поддержку экспортерам Канвондо оказывает региональная штаб-квартира Ассоциации внешней торговли РК. Она продвигает продукты провинции на международных выставках, предоставляет местным фирмам информацию о зарубежных рынках, проводит образовательные семинары, поддерживает маркетинговую онлайн-платформу корейских фирм на английском языке [17].

Основными экспортными товарами провинции являются медицинское оборудование, ферросплавы, автозапчасти, цемент, алкогольные напитки, лекарства, овощи, продукты питания, косметика. Экспорт в США и Японию, в прошлом важные рынки сбыта, сейчас неуклонно сокращается, а экспорт в Китай, напротив, увеличивается. Международная узнаваемость Канвондо после Олимпиады в Пхёнчхане заметно повысилась, и корейские эксперты призывают местных бизнесменов «не упустить это золотое время для рывка в глобальную экономику» [18].

Важным аспектом региональной политики в Канвондо является стимулирование рождаемости и внутренней иммиграции. В 2016 г. провинция завоевала первое место в конкурсе региональных проектов демографической политики и получила целевую государственную субсидию в 300 млн вон. Общий лозунг политики провинции в сфере демографии - «Создадим регион, где хочется остаться, работать и жить».

В 2017 г. администрация Канвондо утвердила «Общие меры по созданию благоприятной среды для повышения браков, рождаемости и воспитания детей». Реализуется программа по субсидированию коммунальных расходов молодых семей. В зависимости от доходов семьи разделены на 4 группы. Субсидии 3 основных групп составляют от 50 тыс. до 120 тыс. вон в месяц. В 4-ю группу выделяют семьи, где жена переехала за мужем в Канвондо, такие получают дополнительно 20 тыс. вон при соблюдении определенных усло-

вий. В провинции выплачивают материальную помощь на послеродовое восстановление: от 150 тыс. после рождения первого ребенка до 300 тыс. вон после рождения третьего [19].

В начале 2020 г. «Канвон Ньюс» опубликовала результаты опроса 118 экспертов в сфере экономики и бизнеса об их прогнозах относительно развития экономики Южной Кореи и Канвондо (еще до вспышки *COVID-19*). В целом, эксперты оценили ситуацию сдержанно. Восстановление благоприятной конъюнктуры экономики РК более половины респондентов ожидали не ранее 2022 г., перспективы экономического роста они оценили на уровне 1,5-2,0%. 77% респондентов заявили, что на уровне страны необходимы меры по активизации инвестиций посредством системных реформ и улучшения деловой среды. Важными условиями развития они назвали расширение внутреннего спроса, преодоление демографических проблем, усиление внешнеторговой политики.

Что касается экономических мер регионального уровня, то здесь 81% считали важным привлечение в регион головных офисов национальных компаний и повышение конкурентоспособности местного бизнеса. Была отмечена необходимость укрепления сервисной инфраструктуры (розничной торговли и медицины), изменения правил поселения (создание благоприятных условий для переезда, чтобы приезжающие извне работники не создавали маятниковую миграцию), выпуск купонов, стимулирующих продажи местных товаров.

Основное резюме этого опроса: для возрождения провинции требуется создать условия не только для комфортной жизни, но и для деловой активности [20].

* * *

Политика по развитию Канвондо, на первый взгляд, не привела к радикальному улучшению ситуации, однако надо понимать, что регион - это чрезвычайно инерционный объект, и ни одна страна не может похвастаться в этом деле быстрыми результатами. В Канвондо приостановилось снижение численности населения и был зафиксирован небольшой рост. В 2001-2005 гг. фиксировался чистый отток населения, т.е. отъезд в другие регионы страны на постоянное место жительства. С 2008 г. наблюдается небольшой, хотя и нестабильный приток населения в регион (1300 чел. в 2008 г., 555 - в 2010 г., 4653 - в 2011 г.). Рождаемость в Канвондо ниже среднего показателя по провинциям (1,36), однако чуть выше, чем средняя по крупным городам (1,24). Динамика числа новорожденных коррелирует со средней по стране и постепенно снижается (2007 г. - 13617, 2010 г. - 12477, 2014 г. - 10662, 2016 г. - 10058, 2017 г. - 8958) [21]. Напрашивается вывод, что эту общенациональную проблему на уровне провин-

ции не решить. Тем не менее, благодаря региональным программам регион имеет имидж «удобного для рождения детей».

Олимпиада в Пхёнчхане вывела на новый уровень инфраструктуру спорта и активного отдыха и решила большинство транспортных проблем провинции. Правда, содержание спортивных объектов обходится дорого, поэтому центр и провинция делят эти расходы поровну и прилагают все силы, чтобы загрузить их соревнованиями. За счет туризма постепенно растет валовой региональный продукт.

Вероятно, эпидемия *COVID-19* нанесет этой отрасли сильный ущерб, с другой стороны, она открывает дополнительные возможности для медицинского кластера Вончжу. События 2019-2020 гг. показывают, что сектор услуг, особенно, туризм, не может быть надежной основой регио-

нальной экономики в долгосрочной перспективе. Формирование же конкурентоспособного производственного сектора требует титанических усилий по улучшению инвестиционного климата, к тому же иногда физико-географические ограничения региона просто невозможно преодолеть. Тем не менее, экспорт Канвондо с 2017 г. идет в рост и уже превышает \$2 млрд, что свидетельствует о силе экспортеров и конкурентоспособности продукции провинции.

Опыт Канвондо показывает, что при активной позиции общества, должном финансировании, поддержке инициативы на местах и опоре на научные рекомендации центр вполне может затормозить отставание депрессивного региона от среднего по стране уровня, однако его опережающее развитие - это, очевидно, недостижимый идеал даже для высокоразвитого государства.

Список литературы / References

1. Lee Yong-Sook. 2009. Balanced development in globalizing regional development? Unpacking the new regional policy of South Korea. *Regional Studies*. Vol. 43, Issue 3, pp. 353-367.
2. Kim Taeyung, Lim Junghwan. Regional policy in the Republic of Korea: principles and experiences. *Rimisp Working Paper Series*. No. 189. Santiago de Chile, 2016.
3. Jang Jae-Hong. 2009. Regional development policy in Korea - past, present, and future. *Journal of the Economic Geographical Society of Korea*. Vol. 12, № 4, pp. 576-596.
4. Kim Joonho. What is the «4th National balanced development five-year plan»? *Jeonbuk Ilbo*. 11.02.2019 (In Kor.). <http://www.jjan.kr/news/articleView.html?idxno=2032743> (accessed 20.04.2020)
5. Kim Jeong Ho. 2010. Spatial planning and economic development in border region: The experiences of Gangwon Province, Korea. *Ordnungspolitische Diskurse*. № 5.
6. Gangwon-do. Namuwiki [online encyclopedia] (In Kor.). <https://namu.wiki/w/%EA%B0%95%EC%9B%90%EB%8F%84> (accessed 20.04.2020)
7. Gangwon Vision 2040. Gangwon Research Institute. Chuncheon, 2017 (In Kor.)
8. Gelézeau Valérie. The Inter-Korean border region - "meta-border" of the Cold War and metamorphic frontier of the peninsula. The Ashgate research companion to border studies. Ashgate, 2011, pp. 325-348.
9. Kim Yong Woong. Spatial changes and regional development policy in Korea. Chungnam Development Institute, 2009.
10. Moon Jeong Ho, Jang Eun Gyo, Park Jung Ho, Kang Min Jung. National territorial and regional development policy: focusing on Comprehensive national territorial plan. Korean research institute for human settlements. Sejong, 2013.
11. Bae Jaegy. A study on the regional development of abandoned mine area: focusing on Southern Yeongdong of Gangwon province [master thesis]. Gangwon National University, 2009 (In Kor.)
12. Ahn Hongwook. There are 32% of Yongnam... The share of Seoul and the metropolitan area expanded to 25%, Honam's position weakened. *Kyunghyang Shinmun*. 03.06.2013 (In Kor.). http://news.khan.co.kr/kh_news/khan_art_view.html?art_id=201306032224275 (accessed 20.04.2020)
13. Han Wanggi. One year after the Winter Olympics, Pyeongchang is on the rise again. *Gangwon News*. 21.01.2019 (In Kor.). <http://www.kwnews.co.kr/nview.asp?s=ca68&aid=219012000060> (accessed 20.04.2020)
14. Kim Yong-Ju, Kim Min-Ho. 2016. The international competitiveness analysis of the Korea medical device industries through the generalized double diamond model: focusing on the medical device industries of Gangwon-do. *Gangwon Nonchong*. № 1, pp. 1-25 (In Kor.)
15. Kim Susung. An analysis on structural relationship of attitudes of residents toward the development of Casino Resort Complex: focusing on the development of Gangwon Land Casino Resort Complex [doctoral dissertation]. Kyung Hee University, 2008 (In Kor.)
16. Park Jieun. Promotion in Primorye and a review of the tasks of the Russian branch. *Gangwondomin Ilbo*. 02.11.2018 (In Kor.). <http://www.kado.net/?mod=news&act=articleView&idxno=937389> (accessed 20.04.2020)
17. Hong Sagyo. Gangwon economy looking for export routes. *Gangwon News*. 11.02.2019 (In Kor.). <http://www.kwnews.co.kr/nview.asp?s=ca68&aid=219021000069> (accessed 20.04.2020)
18. Hong Sagyo. Provincial export marketing after the Olympics. *Gangwon News*. 13.03.2018 (In Kor.). <http://www.kwnews.co.kr/nview.asp?s=ca68&aid=218031200028> (accessed 20.04.2020)
19. Kim Youngtak. Gangwon-do promotes the «Happiness bonus» policy to overcome low fertility. *Jeongumaeil Shinmun*. 04.03.2018 (In Kor.). <http://jeonmae.co.kr/news/view.html?section=133&no=209272> (accessed 20.04.2020)
20. Shin Harim. Gangwon's 4 new growth industries. Survey of 118 economic experts. *Gangwon News*. 01.01.2020 (In Kor.). <http://kwnews.co.kr/nview.asp?s=401&aid=219123100110> (accessed 20.04.2020)
21. Birth number. *Korean Statistical Information Service*. 24.08.2018 (In Kor.). http://kosis.kr/statHtml/statHtml.do?orgId=101&tblId=DT_1YL20681 (accessed 20.04.2020)

DOI: 10.31857/S032150750011117-0

АФРИКА ЮЖНЕЕ САХАРЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

© 2020 Г. СУГАКОВ

СУГАКОВ Глеб Константинович, м.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН (g.sugakov@inafr.ru)

Резюме. В статье впервые анализируется место Африки южнее Сахары в глобальной системе социального инвестирования. Рассматриваются мировые практики учета ответственных инвестиций, устойчивых инвестиций и импакт-инвестиций, а также их теоретическая составляющая. Сделан вывод о том, что вышеуказанные концепты социальных инвестиций используются как новый инструмент экономической экспансии западных стран в Африку южнее Сахары и в некоторые другие регионы мира, хотя, по сути, они не представляют собой ничего нового, т.к. те же принципы лежали в основе экономического сотрудничества СССР со странами Африки.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, социальное инвестирование, ответственные инвестиции, устойчивые инвестиции, импакт-инвестирование, российско-африканские отношения

SUB-SAHARAN AFRICA IN THE GLOBAL SYSTEM OF SOCIAL INVESTMENT

Gleb K. SUGAKOV, Junior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (g.sugakov@inafr.ru)

Abstract. This article provides an overview of Sub-Saharan Africa's place in the global system of social investing. This region is interested in attracting social investments that focus not only on profit, but also on social and environmental benefits. The author considers such types of social investing as responsible investing, sustainable investing and impact investing. The article analyzes the world practices of their accounting, as well as the theoretical component of these concepts.

The theoretical content of these terms is given by leading international organizations in this field, which are supported by the UN. These organizations also keep records of the geographical distribution of such investments in the world. It is revealed that the vast majority of companies that are members of these organizations represent the United States, Canada and Western Europe. Thus, their concepts are not truly global. This contributes to the illusion that only countries of the Western world are engaged in social investing.

From a theoretical point of view modern principles of social investment were successfully applied by the Soviet Union and formed the basis of its economic cooperation with African countries. Among developing countries, Sub-Saharan Africa, along with Latin America and the Caribbean, is the main recipient of social investment, which is a new tool for the economic expansion of Western companies. The justification for this expansion is concern for the social and environmental effects of investment, as well as the achievement of sustainable development goals. This problem can be considered as a terminological component of the global information war.

Thus, it is necessary to popularize the social activities of Russian companies in Sub-Saharan Africa.

Keywords: Sub-Saharan Africa, social investment, responsible investing, sustainable investing, impact investing, Russian-African relations

В последние 15 лет в зарубежной экономической литературе появился ряд терминов, обозначающих различные формы социального инвестирования. В отличие от традиционных инвестиций, единственной целью которых является извлечение денежной прибыли, к социальным, по словам российского исследователя Н.В.Ивановой, «относятся такие инвестиционные практики, которые ставят в центр внимания экологические, социальные факторы, а также качество корпоративного управления, так называемые ESG-факторы (*environmental, social, governance factors*)» [1, с. 33].

В рамках концепта социальных инвестиций существует ряд близких по смыслу терминов, которые целесообразно рассматривать по отдельности. Африка южнее Сахары (АЮС) является регионом, для которого такого рода инвестиции можно считать чрезвычайно актуальными. Тем не менее, вопрос о месте АЮС в глобальной системе

социального инвестирования остается не до конца ясным.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Одним из видов социальных инвестиций являются «ответственные инвестиции» (*responsible investment*). Термин возник в 2005 г., когда Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан пригласил ряд крупнейших мировых институциональных инвесторов (20 человек из 12 стран) для разработки Принципов ответственного инвестирования (*Principles for Responsible Investment; PRI*). В разработке также приняла участие группа из 70 экспертов, в которую вошли инвесторы, представители межправительственных и общественных организаций. *PRI* были представлены в апреле 2006 г. на Нью-Йоркской фондовой бирже [2].

Партнерами проекта со стороны ООН являются Финансовая Инициатива Программы ООН по

Таблица 1

Местонахождение штаб-квартир участников PRI

Страна / регион *	Компании-подписанты	Страна / регион *	Компании-подписанты
США	464	Африка	81
Великобритания и Ирландия	394	Остальная Азия **	76
Северная Европа	204	Япония	72
Франция	203	Бразилия	50
Германия, Австрия и Швейцария	188	Китай	22
Бенилюкс	170	Латинская Америка (без Бразилии)	20
Австралия и Новая Зеландия	169	Центрально-Восточная Европа и СНГ	14
Канада	125	Ближний Восток	6
Южная Европа	112	Всего	2370

* Согласно их группировке в: [4, p. 70].

** Азия без Японии, Китая и стран Ближнего Востока.

Составлено автором по: [4, p. 70].

окружающей среде (*UNEP FI*) и Глобальный договор ООН (*UN Global Compact*), но финансирование осуществляется, главным образом, за счет взносов компаний-участников. Результаты деятельности в рамках *PRI* представляются в ежегодном отчете [2].

«Ответственные инвестиции» с позиций *PRI* определяются как стратегия и практика включения экологических, социальных и управленческих (*ESG*) факторов в инвестиционные решения и в управление активами [3].

Число компаний-участников, подписавших Принципы ответственного инвестирования, выросло со 100 в 2006 г. до 2370 в настоящее время. Стоимость активов под их управлением в 2019 г. составляла \$86,3 трлн (!) [2].

Анализ распределения компаний-участников по странам и регионам мира (см. табл. 1) позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, подавляющая часть компаний (89%) представляет «глобальный Север» (соответственно на «глобальный Юг» приходится лишь 11%). Во-вторых, непропорционально малое (несоразмерное доле в мировой экономике) количество компаний охватывает Китай, Ближний Восток, Центрально-Восточную Европу и СНГ (в т.ч. Россию). Таким образом, несмотря на то, что сама инициатива формирования этих принципов принадлежала ООН, и именно через программы ООН осуществляется их поддержка, на данный момент нельзя говорить, что данный концепт («ответственных инвестиций») является по-настоящему глобальным, - скорее, это концепт Западного мира, разделяемый лишь малой частью незападных компаний.

УСТОЙЧИВЫЕ ИНВЕСТИЦИИ

Еще один распространенный термин - «устойчивые инвестиции» (*sustainable investing*). Их общепризнанное определение было дано в Глобальном обзоре устойчивых инвестиций 2012 (*Global Sustainable Investment Review*) [5, p. 4], подготовленном Глобальным альянсом устойчивых инвестиций (*Global Sustainable Investment Alliance; GSIA*). Согласно докладу, под «устойчивыми инвестициями» понимается подход к инвестициям, принимающий во внимание экологические, социальные и управленческие факторы (*Environmental, Social and Governance; ESG*) в выборе направления инвестиций и в управлении ими. Таким образом, можно сделать вывод, что данное определение почти полностью идентично определению ответственных инвестиций, представленному выше. Это подчеркивают и сами авторы доклада, которые [5, p. 4] не проводят грань между такими родственными терминами, как «устойчивые инвестиции», «ответственные инвестиции» и «социально ответственные инвестиции» (*socially responsible investing; SRI*).

Глобальный обзор устойчивых инвестиций выходит один раз в 2 года, и, согласно последнему из них (2018) [6, p. 3], объем накопленных устойчивых инвестиций в мире на начало 2018 г. составлял \$30,7 трлн. Данная величина получена методом опроса инвесторов, который осуществлялся региональными подразделениями Глобального альянса устойчивых инвестиций. Такими подразделениями являются: *Eurosif* (Европа), *Japan Sustainable Investment Forum (JSIF)* (Япония), *Responsible Investment Association Australasia*

Таблица 2

Инвестиции с учетом ESG в Африке южнее Сахары

Субрегион	Исследованные страны	Объем накопленных инвестиций, \$ млрд
Восточная Африка	Кения, Руанда, Танзания, Уганда	18,24
Западная Африка	Гана, Нигерия	10,6
Южная Африка	Ботсвана, Замбия, Зимбабве, Маврикий, Намибия, Эсватини, ЮАР	399,45
Всего		428,29

Составлено автором по: [9].

(RIAA) (Австралия и Новая Зеландия), *RIA Canada* (Канада) и *US SIF* (США) [7]. Кроме того, в докладе отдельно приводятся данные по Латинской Америке и Африке.

В первом Глобальном обзоре устойчивых инвестиций в 2012 г. данные по устойчивым инвестициям в Африку были собраны отдельным африканским подразделением альянса - *Africa SIF*, которое прекратило свою деятельность уже в 2013 г. [8]. В последнем обзоре данные по Африке взяты из доклада «Африканский барометр импакт-инвестирования»¹ (*African Investing for Impact Barometer*) за 2017 г., подготовленного *Bertha Centre* - Высшей школой бизнеса Кейптаунского университета. В период с 2013 по 2017 гг. Центр ежегодно выпускал соответствующий доклад, однако в последние годы выпуск прекратился.

По состоянию на 2017 г. как минимум \$428,29 млрд накопленных инвестиций в АЮС были направлены или управляются с тем или иным учетом экологических, социальных и управленческих факторов, причем авторами рассматривались 5 возможных стратегий их учета: от простого исключения сфер, негативно влияющих на один из факторов (например, вредные для окружающей среды производства; производство алкоголя, табака и пр.), до постановки цели достижения положительного влияния инвестиций на окружающую среду и социум наравне с получением прибыли и отслеживанием результатов [9].

Географическое распределение таких инвестиций по субрегионам АЮС представлено в табл. 2.

Несмотря на то, что данный обзор не охватывал Центральную Африку, он позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, значительная часть активов приходится на ЮАР: 57 из 69 рас-

смотренных инвестиционных фондов в южноафриканском субрегионе (с большим отрывом лидирующим по объему инвестиций, учитывающих ESG-факторы) расположены именно в этой стране [9, p. 7]. Во-вторых, сравнивая объем накопленных инвестиций, направленных или управляемых с учетом ESG-факторов, в 13 странах Африки южнее Сахары² (см. табл. 2) с аналогичным объемом в 13 ведущих экономиках Европы [6, pp. 8, 21], можно определить, что на африканские страны приходится лишь 3% от европейского показателя.

ИМПАКТ-ИНВЕСТИРОВАНИЕ

Третьим термином, который подлежит рассмотрению, является «импакт-инвестирование» (*impact investing*). Ведущей мировой организацией в этой сфере является Глобальная сеть импакт-инвестирования (*Global Impact Investing Network; GIIN*), на определение импакт-инвестиций которой ссылается в т.ч. ООН [10, p. 1]. Основными спонсорами организации, согласно ее официальному сайту, являются Агентство США по международному развитию (*US AID*), Агентство Великобритании по международному развитию (*UK AID*), Правительство Австралии, Фонд Рокфеллера, Фонд Форда, американская страховая и инвестиционная компания *Prudential*, американский инвестиционный фонд *Omidyar Network* [11].

GIIN определяет [12] импакт-инвестиции как инвестиции, сделанные с целью оказания положительного измеряемого социального и экологического влияния наряду с получением финансовой выгоды. Таким образом, отличие импакт-инвестирования от рассмотренных выше ответственных и устойчивых инвестиций заключается

¹ В данном случае используется еще один смежный термин - «импакт-инвестирование», который будет рассмотрен далее. Тем не менее, сам факт ссылки на него в Глобальном обзоре устойчивых инвестиций говорит о взаимосвязанности данных терминов (*прим. авт.*).

² Выбор именно этих стран авторами доклада обусловлен либо их ведущей ролью в своих субрегионах (Восточная и Западная Африка), либо доступностью данных для южноафриканских исследователей или их субъективным предпочтением (напр., Эсватини, Маврикий) (*прим. авт.*).

Таблица 3

География импакт-инвестирования в мире

Регион*	Кол-во организаций (штаб-квартир)		Наличие филиалов в регионе у организаций	Распределение инвестиций	
США и Канада	120	47%	44%	\$36 млрд	28%
Западная и Северная Европа	71	28%	22%	\$13 млрд	10%
Африка южнее Сахары	19	7%	41%	\$18 млрд	14%
Восточная Азия	11	4%	18%	\$7 млрд	5%
Юго-Восточная Азия	10	4%	29%	\$8 млрд	6%
Латинская Америка и Карибский бассейн	8	3%	27%	\$18 млрд	14%
Океания	6	2%	15%	\$5 млрд	4%
Южная Азия	6	2%	27%	\$7 млрд	5%
Восточная Европа и Центральная Азия	4	2%	15%	\$8 млрд	6%
Ближний Восток и Северная Африка	2	1%	14%	\$3 млрд	2%
Другие**	-	-	-	\$8 млрд	6%
Всего	257	100%	-	\$131 млрд	100%

* Согласно их группировке в: [14, pp. 2, 3, 16].

** Импакт-инвестиции без географической привязки.

Составлено автором по: [14, pp. 2, 3, 16].

в том, что в данном случае перед инвестором заведомо стоит цель достижения положительных социальных и/или экологических преобразований, тогда как в других концепциях эти факторы (наряду с управленческим) просто учитываются вместе с другими (финансовыми). Еще одна важная особенность импакт-инвестирования состоит в том, что этот положительный эффект измеряем и инвестор о нем отчитывается.

В ежегодном докладе *GIIN* представлена информация о географических особенностях импакт-инвестирования (см. табл. 3). Всего в мире насчитывается 257 организаций, осуществляющих такие инвестиции. Штаб-квартиры 47% из них находятся в США и Канаде, за ними следуют Западная и Северная Европа (28%), на третьем месте (с большим отставанием) располагается Африка южнее Сахары (19 организаций - 7% от их общего количества в мире), причем у 41% компаний есть филиал в этом регионе (больше - у 44% компаний - только в США и Канаде). АЮС является вторым по популярности направлением импакт-инвестиций, разделяя это место с Латинской Америкой и Карибским бассейном (по \$18 млрд в каждом из двух регионов - по 14% от общемирового значения), также уступая лишь США и Канаде, в которых накоплено \$36 млрд импакт-инвестиций (28% мирового объема).

Таким образом, страны Африки южнее Сахары находятся среди основных реципиентов импакт-инвестиций в мире, направляемых, главным образом, из стран Запада (на США и Канаду, Западную и Северную Европу приходится 75% всех импакт-инвесторов в мире).

Одним из важных акторов импакт-инвестирования является Международная финансовая корпорация (МФК) в составе группы Всемирного банка. Согласно годовому отчету за 2019 ф.г., объем осуществленных МФК инвестиций в развивающиеся страны составил \$19,1 млрд (в т.ч. \$10,2 млрд, привлеченные от других инвесторов), из которых на АЮС пришлось \$4 млрд (21%). Больше было направлено только в страны Латинской Америки и Карибского бассейна - \$6,2 млрд (32%) [13, pp. 24-25]. Инвестиции МФК в страны Африки южнее Сахары способствовали тому, что «7,4 млн пациентов получили медицинское обслуживание, 47 млн человек улучшили условия жизни благодаря услугам производства и распределения электроэнергии» [13, p. 25].

Как показал опрос импакт-инвесторов, основным фактором, мотивирующим их к импакт-инвестированию, являются их обязательства в качестве подписантов Принципов ответственного инвестирования (этот фактор назвали очень важным

85% респондентов, 12% - в какой-то степени важным, 3% не считают его важным) [14, р. 4].

Таким образом, обнаруживается одно из проявлений взаимосвязи между ответственными инвестициями и импакт-инвестициями. С теоретической точки зрения, можно сказать, что все импакт-инвестиции являются ответственными, но не все ответственные инвестиции являются импактными. Это подтверждается и на практике: подавляющая часть из 257 импакт-инвесторов мира относится к ответственным инвесторам, но среди 2370 компаний, подписавших Принципы ответственного инвестирования (см. табл. 1), не более 11% являются импакт-инвесторами.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ В АФРИКЕ

В 2019 г. состоялся первый Саммит и Экономический форум «Россия-Африка», который, как предполагается, заложил фундамент для дальнейшего наращивания российско-африканского торгово-экономического сотрудничества. Одним из важных инструментов этого взаимодействия являются прямые инвестиции. Как было показано выше, западные компании сегодня осуществляют свою экономическую экспансию в Африке во многом под маркой ответственных, устойчивых или импакт-инвестиций, которые, кроме всего прочего, способствуют достижению Целей устойчивого развития ООН до 2030 г. [6, р. 20; 14, р. 4; 15].

Как видно из табл. 1 и 3, российские компании фактически не используют данную терминологию, инвестируя как в страны Африки южнее Сахары, так и в другие регионы мира. Однако в связи с заявленной глобальностью данных процессов, происходящих, в том числе, при поддержке ООН, Россия не может полностью их игнорировать. Об этом свидетельствует, например, включение в программу Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ)-2019 сессии - «ESG-гонка. Кто получит 30 трлн долларов инвестиций?» [16]. По словам одного из спикеров, генерального директора АО «Северсталь Менеджмент» Александра Шевелева, «ESG-фактор у российских компаний сегодня выходит на первое место». Другой спикер, председатель правления ПАО «СИБУР Холдинг» Дмитрий Конов, отметил, что через 10 лет «ESG будет гигиеническим требованием ко всем компаниям».

Повестка сессии, в частности, гласила: «Не слишком ли поздно Россия вступает в ESG-гонку?». На этот вопрос можно однозначно ответить «да», однако следует отметить, что сама гонка, инициированная и спонсируемая странами Запа-

да в интересах стран Запада, не подразумевает равноправного участия в ней ни стран Африки, ни России, ни многих других. Компании, которые не примут новые «правила игры», будут просто вытеснены с рынка, как было отмечено на ПМЭФ.

При этом сами концепты ответственных, устойчивых и импакт-инвестиций (весьма близкие между собой), в сущности, не представляют собой ничего нового.

Отсутствие ориентированности только на получение прибыли в краткосрочной перспективе и стремление оказать положительное воздействие на общество было характерно для сотрудничества СССР со странами Африки в 1957-1989 гг. Советский государственный деятель и дипломат Д.Д. Дегтярь отмечал, что «основное значение экономического и технического сотрудничества Советского Союза для африканских <...> стран заключается в том, что это сотрудничество содействует <...> созданию и развитию независимой национальной экономики. <...> Советский Союз не стремится иметь производственные предприятия на территории стран Африки и извлекать из них прибыли. Все объекты, строящиеся при содействии СССР, являются полной собственностью стран Африки» [17, с. 18-19]. К 1989 г. СССР завершил в Африке 348 проектов [18, с. 43], причем важное место в экономическом содействии СССР странам Африки занимала подготовка национальных кадров. Широко применялся «метод массового обучения местных кадров в ходе создания и эксплуатации объектов сотрудничества <...>. За годы сотрудничества <...> подготовлено около 500 тыс. специалистов и квалифицированных рабочих, в т.ч. более 170 тыс. - в ходе строительства и эксплуатации объектов. Более 40 тыс. человек прошли обучение и 27 тыс. человек сейчас учатся (в 1989 г. - прим. авт.) в высших и средних специальных учебных заведениях Советского Союза» [18, с. 43].

Отметим, что советский подход в Африке нельзя назвать благотворительностью: преобладающей формой возмещения являлась оплата в счет долгосрочных кредитов, на долю которых приходилось около 90% общей суммы обязательств. В счет их погашения СССР давал согласие получать товары традиционного экспорта или являвшиеся продукцией национального производства, включая продукцию предприятий, построенных при содействии СССР [17, с. 20-21].

По словам отечественных экономистов И.О.Абрамовой и Л.Л.Фитуни, сегодня «Россия, которая до сих пор ассоциируется у большинства африканских стран с СССР, не обладает ни его экономической мощью, ни его финансовыми воз-

возможностями. Но большой политический авторитет, который она накопила за последние годы в вопросах отстаивания национального суверенитета, весьма привлекателен для большинства африканских лидеров» [19, с. 97]. Учитывая широкий набор компетенций России для Африки, у нас есть потенциал для наращивания взаимовыгодного сотрудничества. Однако крайне важное значение имеет борьба за умы африканцев: «... такая борьба при сравнительно небольших затратах может оказаться куда эффективнее, чем многомиллиардные финансовые вливания» [19, с. 98].

Таким образом, информационное сопровождение российских проектов в Африке так же важно, как и сама их реализация. В условиях информационной войны «красивая обертка» в виде ответственных, устойчивых или импакт-инвестиций работает на благо западных стран, создавая иллюзию незначительности действий других акторов. Важным представляется не только популяризация текущей деятельности России, но и недопущение забвения громадных успехов СССР в этом регионе.

Одним из ярких примеров корпоративной социальной ответственности российских организаций в Африке южнее Сахары является построенный и оснащенный компанией ОК РУСАЛ «Центр микробиологических исследований и лечения эпидемиологических заболеваний», на базе которого в 2017 г. открыт Российско-Гвинейский научно-исследовательский центр эпидемиологии и профилактики инфекционных болезней [20]. Информацию о подобной деятельности России должно знать максимально возможное число африканцев.

* * *

Таким образом, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, Африка южнее Сахары (наряду с Латинской Америкой и Карибским бассейном) является основным реципиентом импакт-инвес-

тиций среди развивающихся стран. Донором таких инвестиций в подавляющем числе случаев являются страны Запада. Различные виды социального инвестирования становятся новым инструментом экономической экспансии Запада, «заботящегося» о положительных социальных и экологических эффектах своих инвестиций и достижениях Целей устойчивого развития.

Во-вторых, можно говорить о *терминологической* составляющей глобальной информационной войны. Вход в число ответственных, устойчивых или импакт-инвесторов для неанглоязычных стран затрудняется самим языком: достаточно оценить неуклюжесть перевода на русский язык терминов *responsible investing*, *sustainable investing*, *impact investing*. Отсутствие единого мнения по поводу соотношения этих и других близких к ним терминов в самих странах Запада [21] усугубляется путаницей при их переводе на русский язык. Так, наиболее «проблемным» в этом смысле является термин *impact investing*, который может переводиться как «импакт-инвестиции» [22; 23] (самый употребляемый вариант, являющийся, по сути, не переводом, а транслитерацией), «инвестиции воздействия» [22, с. 395], «инвестиции влияния» [23, с. 2207], «преобразующие инвестиции» [24], «социально-преобразующие инвестиции» [25] и даже «плодотворные инвестиции» [13, р. 1].

В таких условиях вряд ли можно ожидать массовое включение российских компаний в списки социальных инвесторов, для учета в качестве которых требуется, во-первых, подписать одно из существующих по этому поводу соглашений, во-вторых, *заявлять* об осуществлении именно ответственных, устойчивых или импакт-инвестиций, а не каких-либо еще (разумеется, подкрепляя это соответствующей отчетностью). Все это может создавать иллюзию того, что социальным инвестированием в страны Африки южнее Сахары занимался и занимается только Запад.

Список литературы / References

1. Иванова Н.В. Социальное инвестирование: обзор зарубежных практик. *Гражданское общество в России и за рубежом*. 2013, № 3, С. 31-36. (Ivanova N.V. 2013. Social Investment: Overview of International Social Investment Practices. *Civil Society in Russia and Abroad*. № 3) (In Russ.)
2. About the PRI. United Nations - Principles for Responsible Investment. <https://www.unpri.org/pri/about-the-pri> (accessed 31.03.2020)
3. An introduction to responsible investment. *United Nations - Principles for Responsible Investment*. <https://www.unpri.org/pri/an-introduction-to-responsible-investment> (accessed 31.03.2020)
4. PRI Annual Report 2019. United Nations - Principles for Responsible Investment. https://d8g8t13e9vf2o.cloudfront.net/Uploads/t/j/z/priannualreport2019_901594.pdf (accessed 02.04.2020)
5. Global Sustainable Investment Review 2012. *Global Sustainable Investment Alliance*. <http://gsiareview2012.gsi-alliance.org/pubData/source/Global%20Sustainable%20Investment%20Alliance.pdf> (accessed 05.04.2020)
6. Global Sustainable Investment Review 2018. http://www.gsi-alliance.org/wp-content/uploads/2019/06/GSIR_Review2018F.pdf (accessed 05.04.2020)

7. Alliance Members. *Global Sustainable Investment Alliance*. <http://www.gsi-alliance.org/> (accessed 04.04.2020)
8. Africa Sustainable Investment Forum. <http://www.africasif.org/> (accessed 01.04.2020)
9. The African Investing for Impact Barometer 2017 / 5th edition. *Bertha Centre*. <http://www.gsb.uct.ac.za/files/ImpactBarometer5.pdf> (accessed 03.04.2020)
10. Impact Investment in Africa: Trends, Constraints and Opportunities. *United Nations Development Programme*. https://www.undp.org/content/dam/undp/library/corporate/Partnerships/Private%20Sector/Impact%20Investment%20in%20Africa/Impact%20Investment%20in%20Africa_Trends,%20Constraints%20and%20Opportunities.pdf (accessed 22.03.2020)
11. Lead Supporters. *Global Impact Investing Network*. <https://thegiin.org/giin/supporters> (accessed 04.04.2020)
12. The Core Characteristics of Impact Investing. *Global Impact Investing Network*. https://thegiin.org/assets/Core%20Characteristics_webfile.pdf (accessed 15.03.2020)
13. International Finance Corporation (IFC Annual Report 2019). <https://www.ifc.org/wps/wcm/connect/78c93edc-0871-4fa5-91d2-bbb9bf670cda/IFC-AR19-Full-Report-Russian.pdf?MOD=AJPERES&CVID=m-GBCA> (accessed 07.04.2020)
14. Annual Impact Investment Survey 2019. *Global Impact Investing Network*. https://thegiin.org/assets/GIIN_2019%20Annual%20Impact%20Investor%20Survey_webfile.pdf (accessed 27.03.2020)
15. Sustainable Development Goals. United Nations - Principles for Responsible Investment. <https://www.unpri.org/sdgs> (accessed 05.04.2020)
16. ESG-гонка. Кто получит 30 трлн долларов инвестиций? *Петербургский международный экономический форум*. (The ESG Race for USD 30 Trillion of Investment is on. *St.Petersburg International Economic Forum*) (In Russ.). <https://forumspb.com/archive/2019/programme/68890/> (accessed 11.04.2020)
17. Дегтярь Д.Д. Экономическое и техническое содействие Советского Союза развитию экономики африканских государств. *Экономическое сотрудничество СССР со странами Африки* (отв. ред. В.С. Баскин). М., «Наука», 1968, С. 7-31. (Degtyar D.D. 1968. Economic and technical assistance of the Soviet Union to the development of the African economy. *Economic cooperation of the USSR with African countries*. Moscow) (In Russ.)
18. Четвертаков Н.А. Экономическое сотрудничество СССР со странами Африки на современном этапе. *Советско-африканские отношения в условиях перестройки* (отв. ред. Смирнов Г.В.). Материалы выездной сессии Научного совета по проблемам экономического, социально-политического и культурного развития стран Африки, состоявшейся в Киеве 24-27 мая 1989 г.). М., 1990, С. 42-49. (Chetvertakov N.A. 1990. Economic cooperation of the USSR with African countries at the present stage. *Soviet-African relations in the context of perestroika*. Moscow) (In Russ.)
19. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Новая стратегия России на африканском направлении. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019, №. 12. С. 90-100. (Abramova I.O., Fituni L.L. 2019. Russia's New Strategy in the African Direction. *World Economy and International Relations*. № 12) (In Russ.)
20. Роль России в решении проблем Африки к югу от Сахары. МИД РФ. (Russia's role in solving the problems of Sub-Saharan Africa. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation) (In Russ.). <https://www.mid.ru/ru/rol-rossii-v-resenii-problem-afriki-k-ugu-ot-sahary-> (accessed 11.04.2020)
21. Höchstädter A.K., Scheck B. What's in a name: An analysis of impact investing understandings by academics and practitioners. *Journal of Business Ethics*. 2015, №. 2. Pp. 449-475.
22. Симхович В.А. Импакт-инвестинг: новое прочтение социальных инвестиций? *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. Минск, 2019. С. 391-397. (Simkhovich V.A. 2019. Impact Investing: New Interpretation of Social Investments? *Scientific works of the Belarusian State University of Economics*. Minsk) (In Russ.)
23. Саврасова Д.В. «Импакт-инвестирование» как новое направление финансирования. *Финансы и кредит*. 2019. Т. 25, №. 10. С. 2207-2216. (Savrasova D.V. 2019. Impact Investing as a New Direction of Financing. *Finance and Credit*. № 10) (In Russ.)
24. Денисов С.А., Джазовская И.Н. Развитие преобразующих инвестиций в России. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки*. 2017, № 2(6). С. 53-61. (Denisov S.A., Dzhazovskaya I.N. 2017. Development of Impact Investments in Russia. *News of higher educational institutions. Volga region. Economics*. № 2) (In Russ.)
25. Багг-Левин Э., Эмерсон Дж. Социально-преобразующие инвестиции. Как мы меняем мир и зарабатываем деньги. М., Политическая энциклопедия, 2017, 271 с. (Bugg-Levine A., Emerson J. 2017. Impact Investing: Transforming How We Make Money While Making a Difference. Moscow) (In Russ.)

DOI: 10.31857/S032150750011112-5

КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКСПОРТЕРОВ НА РЫНКЕ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ЮЖНО-АФРИКАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© 2020 А. БАРИНОВ

БАРИНОВ Андрей Константинович, м.н.с. Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН (a.barinov@inafr.ru)

Резюме. В статье проводится анализ статистических данных Центра международной торговли, которые демонстрируют объем импорта продукции транспортного машиностроения в Южно-Африканскую Республику за период 2014-2018 гг. Особое внимание уделяется проблемам конкуренции ведущих игроков на рынке транспортных средств ЮАР; сформирован перечень ключевых международных экспортеров по отдельным категориям транспортных средств. Представлен прогноз развития импорта продукции транспортного машиностроения в ЮАР.

Ключевые слова: импорт Южно-Африканской Республики, африканский рынок транспортных средств, международная торговля, Африка, транспорт

COMPETITION OF WORLD EXPORTERS ON SOUTH AFRICAN TRANSPORT MARKET

Andrey K. BARINOV, Junior Research Fellow, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (a.barinov@inafr.ru)

Abstract. African transport market has been actively developing in recent decades. The most active import growth of different means of transportation was marked in South Africa. This article presents the analysis of the collected set of quantitative and systematized indicators, which reflect dynamics of South African import of transport engineering products for the period from 2014 to 2018. The aggregated statistical database of the International Trade Centre (ITC) was selected as the main source of information.

According to the data collected, the detailed list of key exporters of automobile and railway vehicles, aircraft, vessels and associated transport equipment for the Republic of South Africa has been compiled. The article describes the competition of leading players in the South African transport market. Moreover, it reflects reasons, driving forces and motives which have led that actors to their top position. The paper also presents the scenario of South African imports of transport engineering products development and the prospects of old and new international suppliers on RSA market.

It was concluded that the main RSA import of automobile vehicles came from the European Union members. Products of Chinese, North and South American railway industry dominate on the South African market. Asia, Europe and North America were the main partners of RSA in terms of procurement of maritime transport. Companies from the United States was the main supplier of aviation industry products for the Republic of South Africa.

Keywords: South African imports, African transport market, international trade, Africa, transport

Научным, исследовательским и экспертным сообществом систематически выдвигается идея о том, что роль Африки в мировой экономике ежегодно повышается, и в XXI в. континент станет самым быстрорастущим регионом мира как в экономическом, так и в демографическом отношениях [1]. Крупнейшие мировые державы увеличивают свое экономическое влияние на регион с целью использования природных и человеческих ресурсов континента в своих геостратегических интересах [2].

В свою очередь, страны Африки стремятся занять свою нишу в системе мирового глобального рынка; поступательно растет роль транспорта, развитие которого обеспечивает конкурентоспособность африканских товаров на мировой арене [3, с. 27]. Для реализации программы и проектов развития транспортной инфраструктуры в Африке выделяются существенные экономические и политические ресурсы на национальном, региональном и континентальном уровнях.

Устойчивыми темпами развивается континентальный рынок продукции транспортного машиностроения. По данным Центра международной

торговли (International Trade Centre - ITC), в 2018 г. африканские страны импортировали средства наземного и железнодорожного транспорта, летательные аппараты, плавучие средства и относящиеся к транспорту устройства и оборудование на сумму около \$60 млрд [4]. Африка становится крупным импортером транспортных средств, и на рынках континента могут найти свою нишу российские предприятия транспортного машиностроения.

Интересно проанализировать конкуренцию мировых держав на рынках транспортных средств наиболее экономически развитых стран Африки, прежде всего ЮАР. Большинство экспертов сходятся во мнении, что Южно-Африканская Республика является экономическим и политическим лидером региона. По данным организации ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) за 2018 г., население ЮАР составляет 57,8 млн человек; ВВП страны достиг отметки в \$368 млрд с приростом на 0,8%, а ВВП на душу населения составил \$6,4 тыс. [5].

ЮАР по праву считается морскими воротами для юга континента и обладает достаточно раз-

Таблица 1

Поставки различных видов транспортных средств в ЮАР (\$ млн)

Товарная номенклатура	Объем импорта за 2014-2018 гг.	Сумма импорта в 2018 г.
ТН ВЭД 86 - Железнодорожные локомотивы или моторные вагоны трамвая, подвижной состав, путевое оборудование и устройства для железных дорог или трамвайных путей	1829,9	165,6
ТН ВЭД 87 - Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава	35205	7082,7
ТН ВЭД 88 - Летательные аппараты, космические аппараты	4650,9	737
ТН ВЭД 89 - Суда, лодки и плавучие конструкции	620	253,4
Сумма ТН ВЭД 86-89	42305,8	8238,7

Составлено автором по: [4].

витой транспортной инфраструктурой по сравнению с другими странами Африки. В этой связи ведущие мировые державы активно соперничают на крупном рынке транспортных средств ЮАР.

В данном исследовании представлены ключевые страны-поставщики транспортных средств (различных видов) на рынок ЮАР. В работе использован информационный ресурс *Trade Map* [4], разработанный Центром международной торговли (*International Trade Center*) [6], который содержит данные о внешнеторговой деятельности разных стран с указанием объема импорта и экспорта товаров, а позиции структурированы по международной *товарной номенклатуре кодов внешнеэкономической деятельности* (ТН ВЭД).

Импортная статистика ЮАР приведена по 4 товарным позициям ВЭД (86, 87, 88 и 89) за 2014-2018 гг. с разделением по странам-экспортерам (см. табл. 1).

ПОСТАВКИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В ЮАР

В 2018 г. ЮАР завезла на свою территорию продукции транспортного машиностроения (ТН ВЭД 86-89) на \$8,2 млрд, а объем импорта товаров по этим позициям за 2014-2018 гг. находился на уровне \$42,3 млрд, что составило примерно 14% от общеафриканского показателя, и страна стала крупным континентальным покупателем подобной продукции.

Более 85% ввоза всех видов транспортных средств приходится на средства наземного транспорта (ТН ВЭД 87). Основу этой категории составляют наземные моторные транспортные средства, автомобильный транспорт, их составляющие и запчасти.

ПОСТАВКИ СРЕДСТВ НАЗЕМНОГО ТРАНСПОРТА

В большинстве стран Африки автодорожный транспорт обеспечивает около 80% грузовых и более 90% пассажирских перевозок [7, р. 50]. ЮАР обладает самой протяженной автодорожной системой в Африке, а длина сетей достигает примерно 750 тыс. км [8]. В этой связи поставки автомобильных средств имеют особое значение для развития экономики ЮАР.

Объем импорта наземных транспортных средств позиции ТН ВЭД 87 в ЮАР в 2014-2018 гг. составил \$35,2 млрд (см. табл. 2). На рынке активно конкурируют практически все мировые лидеры автомобильной промышленности: Германия, Япония, Южная Корея, США и Великобритания. При этом следует отметить, что ЮАР располагает крупнейшей на Африканском континенте автомобильной промышленностью. В стране, помимо местных производителей, действуют *BMW, Daiman Chrysler, General Motors, Fiat, Ford, Nissan, Toyota* и *Volkswagen*.

В структуре импорта Южно-Африканской Республики в 2014-2018 гг. с сильным отрывом лидируют поставки «средств наземного транспорта» из Германии, которые в сумме за 5 лет составили \$8,6 млрд. Объем ввоза немецкой продукции в 2018 г. был на уровне \$1,5 млрд, что составило более 20% суммарного импорта подобных товаров за год.

Важными партнерами в поставках продукции ТН ВЭД 87 в ЮАР также являлись Индия и Япония, которые за 5 лет ввезли продукции на \$3,9 и \$3,7 млрд, соответственно.

США, Великобритания и Южная Корея в 2018 г. сохранили сильные позиции на рынке «наземных транспортных средств» ЮАР, но сократили экспорт своей продукции по сравнению с 2014 г. В противовес этому свое присутствие на-

Таблица 2

**Импорт «средств наземного транспорта и составляющих» (ТН ВЭД 87) в ЮАР
(по некоторым странам-экспортерам) (\$ млн)**

Страны- экспортеры	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Объем импорта за 5 лет	% от импорта в 2018 г.
Весь мир	8184,8	7184,0	5775,8	6977,4	7082,7	35204,7	100
Германия	2087,7	1858,5	1532,1	1734,1	1471,0	8683,5	20,8
Индия	875,7	775,8	589,7	837,8	807,8	3886,7	11,4
Япония	836,0	724,8	655,5	760,6	693,9	3670,8	9,8
США	922,7	683,5	473,8	502,4	436,6	3019,0	6,2
Великобритания	451,7	448,0	292,8	403,0	406,8	2002,3	5,7
Южная Корея	557,5	453,2	315,6	292,5	319,9	1938,7	4,5
Китай	392,5	336,9	278,9	372,6	501,3	1882,3	7,1

Составлено автором по: [4].

растил Китай, а объем поставок из Поднебесной в 2018 г. составили \$501,3 млн.

В свою очередь, Германии и Японии удастся удерживать стабильные и устойчивые позиции, т.к. аффилированные с этими странами автоконцерны разместили на территории Южно-Африканской Республики свои производственные мощности.

Следует отметить и сильные позиции Индии на автомобильном рынке ЮАР. Прежде всего, это связано с тем, что большая часть крупных автопромышленных компаний из Азиатско-Тихоокеанского региона имеет производственные мощности на территории Индии, и значительная часть выпущенных с этих предприятий автомобилей идет на экспорт [9], в т.ч. в Африку.

Однако в ближайшей перспективе могут произойти серьезные изменения в структуре импорта «наземных транспортных средств» в ЮАР. Правительство страны планирует создать собственную мощную автомобильную промышленность, которая сможет составить 1% общемирового автомобильного рынка [10, р. 19].

В настоящее время разработан первый этап программы производства и развития автомобильной промышленности (*Automotive Production & Development Programme - APDP*), реализация которого начнется в январе 2021 г. Этот этап потребует от всех автопроизводителей увеличения доли локализации с 40% до 60%, что создаст определенные трудности для крупных игроков и импортеров, но усилит позиции местной автомобильной отрасли [11]. Это также может привести не только к падению ввоза компонентов и запчастей, составляющих более 20% объема импорта ТН ВЭД 87, но и в целом привести к сокращению ввоза в ЮАР «наземных транспортных средств».

ПОСТАВКИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

По данным ВБ, Южно-Африканская Республика обладает достаточно развитой железнодорожной сетью, а протяженность ж/д транспортных линий достигает 24,5 тыс. км [12]. В этой связи страна активно импортирует как по частям, так и в сборном варианте продукцию товарной номенклатуры ВЭД 86.

В последние годы ключевым поставщиком железнодорожного транспорта в ЮАР является Китай, который ввез 47% всего импорта за 5 лет, что составило \$1,88 млрд. Параллельно с Китаем идут поставки и из Гонконга, но в гораздо меньших объемах.

Ведущими партнерами ЮАР в поставках железнодорожных транспортных средств являются Бразилия и США, которые ввезли продукции на \$241,8 и \$170,1 млн, соответственно. Однако объем поставок из этих стран в 2018 г. сократился. Подобный спад прослеживается и в импорте аналогичной продукции из Италии и Испании. В свою очередь, Австралии удалось нарастить поставки железнодорожных транспортных средств после спада 2017 г. и укрепиться на рынке ЮАР.

Крупнейшие перевозчики (операторы) и правительство ЮАР склонны закупать продукцию железнодорожного машиностроения у предприятий, расположенных на территории страны, что позволяет упростить обслуживание, модернизацию подвижного состава и развивать собственное производство. В стране активно работают местные предприятия железнодорожного машиностроения *Union Carriage and Wagon* [13] и *Transnet Rail Engineering*, последняя напрямую аффилиро-

вана с крупнейшим железнодорожным оператором *Transnet SOC Ltd*.

В импорте доминирует китайская продукция. Обусловлено это тем, что железнодорожный сектор ЮАР имеет стратегическое значение для поставок в КНР полезных ископаемых и природных ресурсов. Компании из Поднебесной активно сотрудничают с *Transnet SOC Ltd*, заключая контракты на поставки ж/д транспорта и развивая совместные предприятия по производству железнодорожного подвижного состава [14].

Крупный объем поставок железнодорожных транспортных средств из США может быть связан с деятельностью американских компаний *General Electric Technologies* [14] и *Webtec* [15, р. 18], которые развивают производство составов и комплектующих для южноафриканских предприятий.

Продукция железнодорожного машиностроения из Бразилии включена в производственную цепочку компании *Alstom*, являющейся мажоритарным акционером южноафриканского предприятия *Gibela Rail Transport Consortium RF (Pty) Ltd*. [16].

Alstom - крупнейший мировой производитель железнодорожных транспортных средств и компонентов; головной офис компании находится во Франции, а основные производственные мощности располагаются в Италии, Испании, Германии, Франции, Австрии, Китае, Бразилии, США и Австралии [15]. Очевидно, это в определенной степени и поддерживало экспорт из Испании и Италии.

Крупный игрок на рынке ЮАР - компания *Bombardier Transportation*, которая располагает здесь мощностями по производству, оснащению и модернизации железнодорожного подвижного состава и внедряет передовые решения по управлению и техническому обслуживанию ж/д коммуникаций [17]. Компания активно сотрудничает с крупным южноафриканским оператором *Passenger Rail Agency of South Africa*.

Основные производственные мощности *Bombardier Transportation* располагаются в Северной Америке, Европе и Австралии; головной офис компании находится в Берлине. Это придает устойчивость поставкам американской, немецкой и европейской продукции железнодорожного машиностроения в ЮАР. Деятельность *Alstom* и *Bombardier Transportation* также способствует развитию экспорта в ЮАР продукции железно-

рожного машиностроения из Австралии, где у этих компаний имеются дочерние предприятия.

В ближайшей перспективе на южноафриканском рынке железнодорожных транспортных средств конкуренция будет усиливаться из-за развития местной промышленности. В этой борьбе смогут поучаствовать только те страны, которые окажутся способными создать на территории ЮАР свои предприятия.

В этой связи можно отметить перспективы российской компании ЗАО «Трансмашхолдинг», которая активно налаживает производство локомотивов в Африке, для чего в 2018 г. компания приобрела в ЮАР тепловозостроительный завод мощностью 100-150 ед. техники в год [18].

ПОСТАВКИ СУДОВ, ЛОДОК И ПЛАВУЧИХ КОНСТРУКЦИЙ

Более 90% внешней торговли Африканского континента с остальным миром осуществляется посредством морских перевозок. ЮАР располагает крупнейшими морскими гаванями континента, в частности, портами Дурбана, Порты-Элизабет и Кейптауна, которые способны пропускать и обслуживать суда класса «пост панамакс»¹ вместимостью 12 тыс. TEU² [18].

Объем импорта продукции ТН ВЭД 89 в ЮАР за 5 лет составил \$620 млн, почти 41% водных транспортных средств был импортирован в 2018 г.

Ключевым партнером ЮАР в поставках в страну судов, лодок и плавучих конструкций оказалась Намибия, которая как раз в 2018 г. отправила соседу продукции на \$158,8 млн, что составило 25% от суммарного импорта этой продукции за период с 2014 по 2018 гг.

Намибия не располагает производственными мощностями для создания подобных судов, однако транспортные средства, относящиеся к этой подкатегории, завозятся из других стран и широко используются в Намибии при добыче алмазов и полезных ископаемых на побережье и в руслах рек [19, р. 187]. То есть суда подобного типа можно считать реэкспортом, который шел через Намибию в ЮАР. Скорее всего, столь значительные поставки были разовой акцией, и системного импорта продукции ТН ВЭД 89 из Намибии в ЮАР не будет.

В 2014-2018 гг. такие страны, как Нидерланды, Германия, Румыния осуществили как крупные

¹ Корабли класса «пост панамакс» - суда с максимальными габаритами, позволяющими пройти через шлюзы Панамского канала (прим. авт.).

² 20-футовый эквивалент (TEU) - условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств, эквивалентна полезному объему стандартного контейнера длиной 6,1 м и шириной 2,44 м, высотой в пределах 1,3-2,9 м, чаще всего 2,59 м (прим. авт.).

разовые, так и дробные поставки товаров ТН ВЭД 89. Но стабильно закрепиться на рынке водных транспортных средств в ЮАР им, видимо, не удалось, в отличие от Южной Кореи (в 2016-2018 гг.).

В последние годы ЮАР активно ввозит суда и плавучие конструкции из Сингапура; наращивает свой экспорт в эту страну Китай; снижается объем поставок водных транспортных средств из США.

Южно-Африканская Республика является крупнейшей региональной ремонтной базой для судов и платформ, которые задействованы в добыче полезных ископаемых в прибрежных водах Африки [20]. В связи с этим основную часть поставок составляют товары и комплектующие подкатегории ТН ВЭД 8905 - плавучие доки, маяки, буровые и эксплуатационные платформы, пожарные суда, земснаряды, плавучие краны и пр., для которых судоходные качества являются второстепенными по сравнению с их основной функцией.

Мировые лидеры судостроения - Южная Корея, Китай и США - не являются крупнейшими экспортерами в ЮАР, но их поставки регулярны и стабильны. Однако в большинстве своем поставки судов и комплектующих из остальных стран мира в ЮАР не являются систематическими и скорее зависят от специфики ремонтных работ, которые выполняются на верфях в ЮАР.

ПОСТАВКИ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ, КОСМИЧЕСКИХ АППАРАТОВ И ИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ

Следующим видом транспорта, который обеспечивает прямую связь континента с остальными регионами мира, является авиационный. Воздушный транспорт в Африке остается ключевым звеном для развития международного бизнеса и туризма на континенте. При этом наиболее загруженными аэропортами являются йоханнесбургский и кейптаунский [18].

За 5 лет, с 2014 по 2018 гг., ЮАР импортировала продукции авиационного машиностроения на сумму \$4,6 млрд, около 52% этих средств пришлось на поставки из США (\$2,4 млрд). Также крупными партнерами по поставкам летательных и космических аппаратов выступила Франция - \$907,8 млн за 5 лет; аналогичный показатель для Германии составил \$72 млн.

ЮАР активно импортировала продукцию ТН ВЭД 88 из Ирландии, Великобритании и Канады, при этом Ирландия в этот период наращивала свой экспорт - с \$15,7 до \$118,4 млн, а поставки из Великобритании и Канады оставались волатильными. В 2018 г. крупную поставку продукции

авиационного машиностроения на \$34 млн осуществила Бразилия, что составило 4,6% от суммарного ввоза за тот год.

В целом, ведущими партнерами ЮАР по поставкам воздушных транспортных средств являются лидеры авиастроения *Boeing*, *Airbus*, *Embraer* и *Bombardier*.

Большая часть южноафриканских авиаперевозчиков предпочитает закупать продукцию в Северной Америке [21], и в ближайшей перспективе доминирование корпорации *Boeing* в ЮАР сохранится. Однако крупнейшая местная авиакомпания *South African Airways* активно обновляет парк самолетов продукцией *Airbus* [22], что в определенной степени отразится на географии южноафриканского импорта воздушных транспортных средств.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что ключевые мировые производители транспортных средств (различных видов) будут активно конкурировать за растущий рынок Южно-Африканской Республики.

Основным поставщиком «наземных транспортных средств» в ЮАР останется ЕС и немецкие автоконцерны. Однако азиатские автопроизводители из Индии и Японии достаточно успешно удерживают свою долю рынка.

При условии сокращения общего импорта ЮАР ж/д транспортных средств (ТН ВЭД 86) постепенно изменятся ключевые поставщики этой продукции. Именно в данном сегменте открываются возможности для российского предприятия «Трансмашхолдинг», которое уже имеет производственные мощности на территории страны.

Экспорт водных видов транспорта в ЮАР для большинства поставщиков не имеет системного характера. В долгосрочной перспективе южноафриканский импорт будет представлен комплектующими и конструкциями, необходимыми для ремонта платформ, задействованных в добыче полезных ископаемых (подкатегория ТН ВЭД 8905). Ведущими экспортерами останутся мировые лидеры судостроения из ЕС и Южной Кореи, однако конкуренцию на рынке ЮАР могут усилить поставки продукции из США и Китая.

Анализ статистических данных позволяет утверждать, что ключевую роль в поставках авиационных транспортных средств в Южно-Африканскую Республику играет компания *Boeing*. В ближайшей перспективе авиаперевозчики из ЮАР продолжат ориентироваться на закупки продукции авиационного машиностроения именно в Северной Америке.

Список литературы / References

1. Абрамова И.О. Мировая экономика в начале XXI века и ее «африканская» составляющая. *Проблемы современной экономики*. 2014. № 3, с. 139-154. (Abramova I.O. 2014. The world economy at the beginning of the XXI century and its "African" component. *Problems of Modern Economics*. № 3) (In Russ.)
2. Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Африка и Россия: перспективы сотрудничества в новых исторических условиях. *Вестник РЭУ им. Г.В.Плеханова*. 2015, № 9, с. 141-150. (Abramova I.O., Fituni L.L. 2015. Africa and Russia: prospects for cooperation in new historical conditions. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. № 9) (In Russ.)
3. Морозенская Е.В. (отв. ред.). Экономическая инфраструктура стран Африки. М., ИАФР РАН. 2012. (Economic infrastructure of African countries. 2012. Ed. by Morozenskaya E.V. Moscow) (In Russ.)
4. Trade map. The International Trade Centre (ITC). <https://www.trademap.org/Index.aspx> (accessed 25.03.2020)
5. General profile: South Africa. UNCTAD. UNCTADSTAT. <https://unctadstat.unctad.org/CountryProfile/GeneralProfile/en-GB/710/index.html> (accessed 25.03.2020)
6. The International Trade Centre (ITC). <http://www.intracen.org/> (accessed 25.03.2020)
7. Tracking Africa's Progress in Figures. African Development Bank. 2014. https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/Tracking_Africa%20%80%99s_Progress_in_Figures.pdf (accessed 10.04.2020)
8. The World Factbook. Central Intelligence Agency (CIA). <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2085rank.html> (accessed 10.04.2020)
9. Top 20 Largest Motor Vehicle Manufacturers of India. Walk through India. <http://www.walkthroughindia.com/industry/top-20-largest-motor-vehicle-manufacturers-of-india/> (accessed 15.04.2020)
10. Justin Barnes, Anthony Black, Douglas Comrie, Tamryn Hartogh. Geared for Growth South Africa's automotive industry masterplan to 2035. A report of the South African Automotive Masterplan Project. 2018. https://www.thedti.gov.za/news2019/SA_Auto_Masterplan.pdf (accessed 25.03.2020)
11. David Furlonger. Speed bumps ahead for SA's motor industry. *Business Live*. 07.03.2019. <https://www.businesslive.co.za/fm/features/2019-03-07-speed-bumps-ahead-for-sas-motor-industry/> (accessed 18.04.2020)
12. Africa Development Indicators. Data Bank. The World Bank. <https://databank.worldbank.org/source/africa-development-indicators> (accessed 25.03.2020)
13. Commuter Transport Engineering (CTE). <http://ctegroup.co.za/> (accessed 25.03.2020)
14. Brian Molef. 1064 Funding Announcement Esselenpark. <http://www.transnet.net/Media/Press%20Release%20Office/Transnet%201064%20Funding%20Announcement.pdf> (accessed 23.04.2020)
15. Worldwide rolling stock Manufacturers. SCI Verkehr GmbH. 2016. https://www.sci.de/fileadmin/user_upload/Flyer_Hersteller_Schienenfahrzeuge.pdf (accessed 27.04.2020)
16. Gibela Rail Transport Consortium. <https://www.gibela-rail.com/about-us/company-overview> (accessed 05.05.2020)
17. Bombardier Transportation in South Africa. <https://rail.bombardier.com/en/about-us/worldwide-presence/south-africa/en.html> (accessed 07.05.2020)
18. Алешин К.А., Баринов А.К., Заноскина Е.А. Транспорт Африки: планы и возможности. *Азия и Африка сегодня*. 2019. № 3, с. 35-40. (Aleshin K.A., Barinov A.K., Zanoskina E.A. 2019. Transport in Africa: capabilities and prospects. *Aziya i Afrika segodnya*. № 3) (In Russ.) DOI: 10.31857/S032150750004068-6
19. Namibia Trade Directory. Vol 26. 2017. https://issuu.com/travelnewsnamibia/docs/ntd_2017_fin_issuu_1 (accessed 15.05.2020)
20. South Africa's ocean economy. https://www.investcapetown.com/wp-content/uploads/2019/01/SA_Ocean_Economy_dti.pdf (accessed 17.05.2020)
21. Operator Aircraft List South Africa. Planespotters. <https://www.planespotters.net/country/operators/South-Africa> (accessed 17.05.2020)
22. South African Airways Fleet Details and History. Planespotters. <https://www.planespotters.net/airline/South-African-Airways> (accessed 17.05.2020)

Трибуна соискателя

DOI: 10.31857/S032150750011113-6

«ЗЕЛЕННЫЕ» ИНВЕСТИЦИИ ЭКСИМБАНКА КИТАЯ В АФРИКУ В 13-Й ПЯТИЛЕТКЕ

© 2020 Е. СЕРБИНА

СЕРБИНА Екатерина Михайловна, аспирантка, Центр экономических и социальных исследований, ИДВ РАН (serbinakate@gmail.com)

Резюме. В статье рассматривается деятельность Экспортно-импортного банка Китая по финансированию экологических проектов в Африке в 13-й пятилетке (2016-2020). Автор подробно анализирует двустороннее сотрудничество по предотвращению загрязнения и восстановлению окружающей среды, использованию альтернативных источников энергии и др. Инвестиции в «зеленые» проекты находят государственную поддержку с обеих сторон, приносят взаимную экономическую выгоду и улучшают экологическую обстановку в Африке.

Ключевые слова: Эксимбанк Китая, Африка, «зеленые» инвестиции, 13-й пятилетний план

EXIMBANK OF CHINA AND “GREEN INVESTMENTS” IN AFRICA DURING THE 13th FIVE-YEAR PLAN

Ekaterina M. SERBINA, Post-graduate student, Center for Chinese Economy and Social Studies, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science (serbinakate@gmail.com)

Abstract. This article touches upon the Export-Import Bank of China “green investment” in Africa in the 13th Five-year plan (2016-2020). During this period China has been continued to develop trade relations with African countries, gradually increasing a volume of direct investments in Africa, where there are a growing number of “green” projects. The author precisely examines how Eximbank of China takes part in projects regarding to pollution prevention and restorage of an environment, a use of alternative energy sources etc. and provides perspectives of future development.

The author analyzes the reasons for such activities which existing because of strategic and economics benefits for China and Africa. Integration in this direction receive an intense development not least because a government wiliness from both sides. African authorities support a process due to improvement of environmental situation and infrastructure, adoption of new technologies and use of new energy sources, receiving experience of the implementation of projects in general and “green” projects. As for China, such process corresponds to the 13th Five Year Plan priority outlined as environmental protection inside China and abroad. Besides that, the implementation of projects in Africa also becomes a part of the Belt and Road Initiative. Moreover, such activity acts as an obvious evidence of China’s growing involvement in international financial stage and global environmental protection.

By participating in such projects, China demonstrates its involvement in international environmental cooperation. In turn, African countries are also interested in continuing interaction, which brings them the renewal of infrastructure, the introduction of new technologies, reduces the burden on the environment and contributes to the preservation of the unique nature.

Keywords: Export-Import Bank of China, Africa, green investments, 13th Five-year plan

В период 13-й пятилетки (2016-2020 гг.) деятельность Китая в Африке, которая включена в план осуществления инициативы «Пояса и пути», идет по двум направлениям: создание сетевой транспортной инфраструктуры для расширения импорта сырья и продовольствия; перемещение трудоемких отраслей в Африку в связи с ростом производственных издержек внутри Китая [1, с. 153-154; 2, с. 16-17].

ТОРГОВОЕ И ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И АФРИКИ

С 2009 г. Китай - главный торговый партнер и один из ведущих доноров и инвесторов Африки. Торговый оборот в 2016 г. составил \$149,2 млрд, в 2017 г. - \$169,7 млрд, в 2018 г. - \$204,2 млрд,

в 2019 г. - \$208,7 млрд [3]. Объем суммарных инвестиций КНР в африканские страны с 2014 по 2018 гг. увеличился более чем на треть - до \$46,2 млрд. (см. табл.).

Китай стабильно занимает 5-е место¹ по инвестициям в Африку среди всех стран мира. Лидеры по получению инвестиций - ЮАР, Нигерия и Алжир [4].

Китай отдает предпочтение инвестициям в ЮАР как стране, не только богатой полезными ископаемыми и наиболее экономически развитой в Субсахарской Африке, но к тому же и претендующей на лидерство на Африканском континенте. Свою роль играет также всесторонняя поддержка местных властей. Одним из показателей такой поддержки является проведение в декабре 2015 г. в г. Йоханнесбурге VI саммита Форума китайско-африканского сотрудничества.

¹ Лидеры по инвестициям в Африку в 2018 г.: Франция, Нидерланды, США, Великобритания и Китай.

Таблица

**Накопленные инвестиции Китая в Африку
в 2016-2018 гг. (\$ млрд)**

Страны	2016	2017	2018
ЮАР	6,5	7,4	6,5
Нигерия	2,5	2,8	2,4
Алжир	2,6	1,8	2,1
Судан	1,1	1,2	1,3
Мадагаскар	0,29	0,77	0,81
Гвинея	0,41	0,07	0,74
Общий объем накопленных инвестиций	39,8	43,3	46,2

Составлено автором по: China Yearbook. Beijing. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/nds/2019/indexch.htm> (accessed 3.02.2020).

При определении ключевых стран для размещения финансирования важными составляющими являются географическое расположение и природные ресурсы. Алжир интересен Китаю близким расположением к Европе и возможностью организации транспортных хабов для транспортировки грузов в европейские страны; Нигерия - запасами полезных ископаемых, среди которых не только нефть и газ, но и редкие металлы (цирконий, вольфрам); Судан - нефтью и торговым путем через Суэцкий канал, который является частью «Морского Шелкового пути»².

Гвинея важна Китаю выходом к Атлантическому океану, запасами природных ресурсов, кроме того, у Китая традиционно хорошие политические отношения с Гвинеей.

Переход на осуществление торговых расчетов в юанях в Нигерии, ЮАР стимулировал торговлю, способствовал сокращению издержек и снижению зависимости расчетов от третьей стороны [5, с. 122].

Важным аспектом двусторонних отношений является экологическое сотрудничество. По итогам саммита в г. Йоханнесбурге Форума китайско-африканского сотрудничества (декабрь 2015 г.), одним из 10 приоритетных планов взаимодействия было названо «зеленое» развитие [6]: стороны договорились об активизации диалога и сотрудничества по финансированию «зеленых» проектов. Защита окружающей среды также была обозначена в качестве значимого направления в плане 13-й пятилетки.

О приоритете инвестиций в экологические проекты рассказал председатель КНР Си Цзиньпин в выступлении на XIX съезде КПК (октябрь 2017 г.). Он отметил важность «создания экологической цивилизации для поддержания развития китайского народа» [7]. В план по созданию такой цивилизации входит и стратегическая концепция «Экономический пояс Великого зеленого шелкового пути» [8, с. 168-170], предполагающая усилия по защите окружающей среды не только в самом Китае, но и за рубежом - в странах «Пояса и Пути».

В 13-й пятилетке Эксимбанк уделяет внимание инвестициям в «зеленые» проекты как в Китае, так и за рубежом. Общий объем «зеленых» инвестиций Эксимбанка в 2019 г. увеличился в 2,5 раза по сравнению с 2017 г. - с 100 млрд юаней (\$14,05 млрд) до 280 млрд юаней (\$40,5 млрд - по курсу на конец 2019 г.) [10, р. 74; 11, р. 82; 12, р. 24; 13].

«ЗЕЛЕНАЯ» ПОЛИТИКА ЭКСИМБАНКА КИТАЯ В АФРИКЕ

Важная роль в кредитовании китайских проектов в Африке (включая экологические) отводится Эксимбанку Китая. Банк входит в число «политических» банков, созданных с целью осуществления государственной стратегии в финансово-банковской сфере за рубежом и расширения влияния Китая на международной арене. У банка в Африке функционирует два офиса: Юго-восточное представительство в г. Йоханнесбурге работает с 1999 г.; в мае 2015 г. в г. Рабат было открыто Северо-западноафриканское представительство, которое стало первым в Марокко китайским финансовым институтом.

Регулярные визиты совершают в африканские страны высокие делегации банка. Так, в декабре 2015 г. председатель Эксимбанка Ху Сяолян возглавила делегацию банка в Зимбабве и ЮАР, где приняла участие в Йоханнесбургском саммите. Во время визита были заключены соглашения в области энергетики, финансирования. На полях саммита были подписаны договоры с Кенией, Сенегалом и Габоном на 19,68 млрд юаней (около \$2,8 млрд) с целью финансирования преобразования производственных мощностей и инфраструктуры [15, pp. 51-53].

В январе 2016 г. президент банка Лю Лянгэ совершил визит в Египет, где с Министерством электричества и энергетики Египта было подписано Рамочное соглашение о финансировании модернизации и реконструкции энергосистемы Египта, предполагающее развитие использования новых источников энергии.

² Морской Шелковый путь XXI - часть инициативы «Один пояс, один путь», выдвинутой председателем Си Цзиньпином в 2013 г. Задачей морского пути является развитие транспортных сообщений по морю между государствами Западной, Южной и Юго-Восточной Азии с Восточной Африкой и Европой.

В 2016 г. Эксимбанк продолжил финансирование строительства ветряной электростанции *Adama Wind Power* в Эфиопии. Его первая фаза завершилась еще в 2016 г., было установлено 34 ветряных мельницы общей мощностью в 51 МВт. Вторая фаза предполагает установку 102 мельниц общей мощностью в 153 МВт [16, pp. 40-41]. В 2017 г. была введена в эксплуатацию ветряная электростанция *Aysha II Wind Farm*. Проект стоимостью в \$257,3 млн на 85% кредитовал Эксимбанк [18]. Эти объекты способствуют улучшению технологических возможностей Эфиопии по развитию использования альтернативных источников энергии.

В 2016 г. для расширения использования геотермальной энергетики как альтернативного источника энергии в Кении банк профинансировал проекты по бурению двух скважин для добычи термальной энергии. Предполагается, что такой вид энергии займет нишу в 15% от общего потребления энергии в Кении.

В том же году Эксимбанк профинансировал на 90% строительство железной дороги между крупнейшим портом Кении - Момбасой и столицей Найроби, протяженностью в 180 км и общей стоимостью в \$3,8 млрд. 31 мая 2017 г. был открыт первый участок дороги [5, с. 128-129; 16, p. 47].

В 2016 г. Эксимбанк Китая проинвестировал реновацию системы сточных вод и очистных сооружений в г. Малабо (Гвинея). Проект способствовал снижению уровня загрязнения воды и улучшил экологическую обстановку в городе. В Анголе банк выдал кредит на строительство фермы [16, p. 43]. Проект включает мелиорацию земель, ирригационные сооружения, транспортную инфраструктуру, насосную станцию, хранилища для зерновых культур и оборудование для ее переработки. В 2019 г. Эксимбанк профинансировал рытье 181 колодца в 12 районах Сенегала, а также обновление 70 имеющихся колодцев [12, p. 22].

В декабре 2019 г. в Кении была закончена установка 206 272 солнечных панелей ("солнечная" ферма на 80 га). Проект получил инвестиции Эксимбанка Китая и выполнен компанией *China Jiangxi International Corporation*. Проект стоимостью в \$130 млн будет способствовать расширению использования альтернативной энергии [19].

Финансируемые банком проекты в Африке получают высокую оценку экспертов во всем мире. Например, в ноябре 2019 г. американский журнал «Инженерные новости» назвал проект строительства скоростной магистрали в Сенегале (г. Туба) победителем в категории «Лучший проект», а мост в Мозамбике (г. Мапуту) стал победителем в категории «Лучший мост».

К июлю 2019 г. Эксимбанк Китая выдал более 600 млрд юаней (\$87 млрд) 46 африканским странам. Банк заявил о планах увеличить финансирование проектов по развитию использования возобновляемых источников энергии [20].

В планах на 2020 г. правительство Китая выразило намерение продолжать углубление сотрудничества с Африкой [21]. В январе 2020 г. правительство Кот-д'Ивуара получило заем от Эксимбанка Китая в объеме 253,5 млн юаней на улучшение системы водоснабжения в 12 городах и 258,2 млн евро на строительство гидроэлектростанции; подрядчиком проекта выступила китайская гидроэнергетическая госкорпорация *Sinohydro*. В январе 2020 г. Комиссия по регулированию банковской и страховой деятельности Китая опубликовала документ, в котором указала в качестве одного из приоритетных участие китайских банков в зеленых проектах [22].

Особое внимание стороны уделяют проектам, связанным с защитой окружающей среды. Такие приоритеты обозначены в планах правительств и двусторонних соглашениях. С опорой на поддержку государства деятельность китайских банков в этом направлении в дальнейшем существенно расширится. Фокус будет направлен на кредитование экологических проектов с применением высоких технологий и новых видов энергий.

В финансовом секторе существует потенциал совместного выпуска «зеленых» облигаций³. Кроме того, участвуя в таких проектах, Китай демонстрирует вовлеченность в международное экологическое сотрудничество. В свою очередь, африканские страны также заинтересованы в продолжении взаимодействия, которое приносит им обновление инфраструктуры, внедрение новых технологий, уменьшает нагрузку на окружающую среду и способствует сохранению уникальной природы.

³ «Зеленые» облигации - финансовые инструменты, доход от которых идет на реализацию проектов, делающих вклад в защиту окружающей среды.

Список литературы / References

1. Сафронова Е.И. Китай и развивающийся мир: концепция и актуальная практика отношений (на примере Африки и Латинской Америки). М., ИД «Форум», 2018, с. 153-154. (Safronova E.I. 2018. China and the Developing World: concepts and modern practice of relations in the case of Africa and Latin America. ID Forum. M.) (In Russ.)

2. Островский А.В. Ожидает ли китайскую экономику жесткая посадка в годы 13-й пятилетки (2016-2020 гг.)? *13-я пятилетка (2016-2020 гг.). Важнейший этап построения в Китае общества малого благоденствия «сяокан»* / отв. ред. А.В.Островский; сост. П.Б.Каменнов. М., ИДВ РАН, 2018. (*Does the Chinese economy is expected to have "hard landing" during the 13th Five Year Plan? 13th Five-Year Plan years (2016-2020) - the most important stage in building China's «xiaokang» (small prosperity) society* / Eds. A.V.Ostrovsky, P.B.Kamenov. M.) (In Russ.)
3. Ministry of Commerce of the People's Republic of China, Department of Western Asian and African Affairs) (In Chin.). <http://xyf.mofcom.gov.cn/article/tj/zh/> (accessed 03.03.20)
4. China Yearbook. Beijing (In Chin.). <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm> (accessed 13.03.2020)
5. Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11. № 5, с. 122. (Deitch T.L. 2018. China in Africa: "neocolonialism" or "win-win" strategy? *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Vol. 11. № 5) (In Russ.). <https://cyberleninka.ru/article/n/kitay-v-afrike-neokolonializm-ili-win-win-strategiya/viewer> (accessed 9.03.20)
6. Wang Yi outlined the results of the Johannesburg summit of the Forum on China-Africa cooperation. 06.12.2015 (In Chin.). https://www.fmprc.gov.cn/zflt/chn/ltida/dwjbzzjh_1/t1321739.htm (accessed 26.02.20)
7. The President of the PRC of China Xi Jinping's Speech during the 19th National Congress. 27.10.2017 (In Chin.). http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (accessed 06.03.20)
8. Кранина Е.И. Экология. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017-2018. М., ИД «Форум», 2018. (Kranina E.I. 2018. Ecology. People's Republic of China: politics, economics, culture. M.) (In Russ.)
9. The Export-Import Bank of China Annual Report 2017 (In Chin.). <http://english.eximbank.gov.cn/News/AnnualR/2017/201812/P020181205388465253449.pdf> (accessed 13.03.20)
10. The Export-Import Bank of China Annual Report 2018 (In Chin.). http://www.eximbank.gov.cn/aboutExim/annals/2018_2/201907/P020190718590373639140.pdf (accessed 13.03.20)
11. White Paper on Green Finance and Social Responsibility, the Export-Import Bank of China. 2019. <http://www.eximbank.gov.cn/info/WhitePOGF/202001/P020200115377992690034.pdf> (accessed 5.04.20)
12. CCTV 13 «News»: The Volume of the Export-Import Bank of China's Green Investments Exceeded RMB 280 bln) (In Chin.). http://www.eximbank.gov.cn/info/circus/202001/t20200108_15837.html (accessed 20.04.20)
13. Кукушкина А.В., Энтин Л.М. Охрана рек и водотоков в Африке. *Закон и право*. (Protection of rivers and watercourses in Africa. *Law and Law*) (In Russ.) <https://cyberleninka.ru/article/n/ohrana-rek-i-vodotokov-v-afrike-mezhdunarodno-pravovye-aspekty/viewer> (accessed 6.04.20)
14. The Export-Import Bank of China Annual Report 2015). <http://www.eximbank.gov.cn/aboutExim/annals/2015/201807/P020180712412628906831.pdf> (accessed 17.03.20)
15. White Paper on Green Finance and Social Responsibility, the Export-Import Bank of China. 2016. <http://english.eximbank.gov.cn/News/WhitePOGF/201807/P020180718416279996548.pdf> (accessed 5.04.20)
16. The Export-Import Bank of China's Green Credits (In Chin.). http://www.eximbank.gov.cn/tm/Gcp/index_63.html (accessed 13.03.20)
17. Ethiopia's fourth wind power project in progress. 31.12.2018. <https://newbusinessethiopia.com/energy/ethiopias-fourth-wind-power-project-in-progress/> (accessed 21.03.20)
18. Kenya launches solar plant as Chinese technology puts Africa on green energy map. *China Daily*. 16.12.2019 (In Engl.). <https://global.chinadaily.com.cn/a/201912/16/WS5df79374a310cf3e3557e7ab.html> (In (accessed 21.03.20)
19. China EximBank funds over 600b yuan in African projects. 08.07.2019. <https://www.chinadaily.com.cn/a/201907/08/WS5d22fcf2a3105895c2e7c4be.html> (accessed 10.04.20)
20. Guiding Opinions of the Central Committee of the CPC and the State Council on Promoting the High-quality Development of Trade. 19.11.2019 (In Chin.). http://www.gov.cn/zhengce/2019-11/28/content_5456796.htm (accessed 15.03.20)
21. Guiding Opinions of the China Banking and Insurance Regulatory Commission on Promoting the High-quality Development of Banking and Finance Industries. 03.01.20 (In Chin.). <http://www.cbirc.gov.cn/cn/view/pages/ItemDetail.html?docId=881921&itemId=928> (accessed 05.03.20)

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

DOI: 10.31857/S032150750011118-1

**«ПОМОЩНИКИ ПО ХОЗЯЙСТВУ»
(о бытовых условиях советских специалистов в Африке в 1960-1970-е гг.)**

© 2020 Э. ЦВЕТКОВ

ЦВЕТКОВ Эдуард Георгиев, соискатель кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова; учитель истории, средняя школа № 4 им. Н.А.Некрасова с углубленным изучением английского языка, г. Ярославль (ege084@gmail.com)

Резюме. В статье рассматривается проблема использования советскими специалистами домашних «помощников» из числа африканцев. Официальные документы по этому аспекту взаимодействия отсутствуют. Сведения о «помощниках» почерпнуты из интервью специалистов, работавших в Тропической Африке в 1960-1970-е гг. Сложившаяся модель взаимоотношений нельзя характеризовать как «хозяин» - «слуга», для них более подходит формула «хозяин» - «помощник по хозяйству», в силу того, что природа связей была совершенно иной.

Ключевые слова: Африка, СССР, взаимное незнание, «помощник по хозяйству», советские специалисты

HOUSEHOLD ASSISTANTS (on the living conditions of Soviet specialists in Africa in 1960-1970s)

Eduard G. TSVETKOV, Applicant, Department of World History, P.G.Demidov Yaroslavl State University; Teacher of History, N.A.Nekrasov Secondary school № 4, Yaroslavl, Russia (ege084@gmail.com)

Abstract. Africa was at the beginning of its independent development in the 1960s and 1970s. The USSR and the countries of the continent were interested in cooperation: political contacts were expanded, joint economic and humanitarian programs were developed. They were implemented in practice by Soviet specialists in Africa. Another continent, climate, people, traditions demanded from the Soviet people not only special professional training, but also manifestation of special human and moral qualities.

The article deals with the problem of the use by Soviet specialists, who were on long business trips, of home «assistants» from among the local population. Such relations with the local population had a secret character during the period of existence of the USSR - the state, within the borders of which it was impossible to exploit a human being by a human being, were often forced and practically imposed by the leadership of the institutions, where Soviet specialists worked. Official documents on this problem are actually absent. Information about the «assistants» is taken from interviews with those who worked in the countries of Tropical Africa in 1960-1970s and directly used their services. The current model of relationships cannot be fully described as «master» - «servant» - because the nature and nature of the relationship with Africans in the service was completely different. The «master» - «household assistant» - formula is more appropriate for its characterization.

Keywords: Africa, USSR, mutual ignorance, «household assistant», servants, Soviet specialists

«Помощники по хозяйству» (домашние слуги) - социальная категория, существующая на протяжении столетий. В контексте истории советско-африканских отношений она никогда не была предметом специальных исследований.

В условиях Тропической Африки, напротив, сильны были стереотипы, ретранслировавшие на постколониальный период специфику взаимоотношений между белыми (пусть даже не колонизаторами) и черными. Например, поход на рынок, уборка жилых помещений, перенос тяжестей были, с точки зрения африканцев, немыслимы для иностранцев без помощи местных жителей.

В 1960-е - 1970-е гг., во время наиболее активного и всестороннего развития советско-африканских связей, советские специалисты - инженеры, врачи, учителя - работали во многих странах Африки. Как складывались отношения между ними и «помощниками»?

Круг источников по данной теме существенно ограничен, официальные документы отсутствуют.

В федеральных архивах, куда обращался автор (Государственный архив Российской Федерации / ГАРФ; Российский государственный архив экономики / РГАЭ; Российский государственный архив социально-политической истории / РГАСПИ; Архив внешней политики Российской Федерации / АВП РФ), а также в региональных (например, Центр документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области, архив Ярославского моторного завода / ЯМЗ) ни разу не встретились документальные свидетельства на эту тему.

Главным образом поэтому в предлагаемой статье основным источником сведений о взаимодействии с местным населением рядовых советских специалистов, работавших в те годы в Гане, Гвинее (Конакри), Кении, Мали и Танзании, выступают собранные мною интервью с ними.

Вот одно из них. «Если приезжает белый человек и зарабатывает деньги, он должен обязательно помогать африканцу!» - такие слова услышала

Лидия Николаевна Старова¹, молодая учительница из Ярославля, которая приехала на работу в Гану осенью 1964 г. [1]. Директор школы-интерната в местечке Додово², где ей предстояло работать два года, объяснил, что такова общепринятая форма поддержки местного населения, и пообещал привести женщину-служанку по имени Чочин.

Из имеющихся в моем распоряжении 23 бесед, только в 8 из них речь заходит об опыте использования африканцев в услужении. Различается и степень внимания к сюжету со стороны респондентов. Одни подробно рассказывают о сложившихся взаимоотношениях, другие - обходятся минимальными сведениями, третьи - не упоминают об этой стороне пребывания в Африке вообще, возможно, считая этот аспект взаимодействия недостойным советского человека, который ехал помогать африканцам, а не эксплуатировать.

Прямо вопрос об использовании прислуги респондентам не задавался, и рассказ о «помощниках» всегда возникал по инициативе интервьюируемого, для многих это стало ярким впечатлением о времени, проведенном в Африке.

Может показаться, что помощью в быту пользовались только одинокие специалисты. Однако это опровергают свидетельства двух семейных пар. Впрочем, в силу малого количества информации, отсутствия внятных архивных документов, негласного и глубоко личного характера взаимоотношений, картина выстраивания советско-африканских связей на уровне «хозяин» - «помощник» может быть абсолютно разной в каждом конкретном случае.

БРАТЬ ЛИ МЕСТНЫХ НА РАБОТУ?

Летом 1959 г. только открывшееся советское посольство в Аккре³ накрыла волна обращений от местных жителей с просьбами о трудоустройстве на должности электрика, шофера, машинистки или секретаря. Кандидатов на работу было не менее 180 человек [2, л. 42]. Местные власти активно интересовались у советских дипломатов возможностью трудоустройства африканцев в посольство СССР. Были случаи, когда некоторые ганаянские чиновники, используя свое должностное положение, настойчиво рекомендовали своих знакомых или родственников.

Учитывая сложившуюся практику посольств других государств, которые, как правило, набирали службу и мелких служащих из числа местных жителей, руководство советского посольства оказалось перед выбором. Оценивая возможные репутационные потери, 2-й секретарь посольства СССР в Гане Г.К.Ершов писал: «...отказ может повлечь за собой антисоветскую кампанию в мест-

ной прессе и негативные последствия, что скажется на репутации нового посольства» [2, л. 43].

Дилемма, брать или не брать на работу в посольство кого-то из местных, а если трудоустроить, то на какие должности, был решен в пользу открытия 6 вакансий для граждан Ганы. Шофер, два ночных сторожа и три садовника были приняты в штат посольства с оплатой «из предусмотренного оклада советского садовника», посылать которого из СССР уже не было никакой необходимости. Еще 6 африканцев помогали советскому торговому советнику в Гане В.Н.Мышкову и корреспонденту газеты «Правда» О.Л.Орестову. Каждый из них пользовался услугами шофера, ночного сторожа и садовника из числа местных жителей [2, л. 43].

Весной 1960 г. было согласовано открытие в Аккре «Советской читальни» для «распространения правды о Советском Союзе среди населения Ганы» [3, л. 29]. Возник вопрос о комплектовании ее штата. 80% должностей (секретарь, библиотекарь, киномеханик, уборщицы, садовники и сторожа) с окладом от 10 до 50 ганаянских фунтов, что было по местным меркам неплохим заработком, предназначались для местных жителей. За советскими гражданами сохранялись должности директора и преподавателя русского языка [3, л. 31].

В Архиве внешней политики РФ имеется документ, который по смыслу открывает проблему использования рядовыми советскими специалистами «помощников по хозяйству».

В мае 1960 г. посол СССР в Конакри Д.С.Солод направил в МИД и Минвуз СССР письмо с просьбой быстрее решить вопрос о выдаче виз женам трех советских специалистов, работавших в Гвинее. Преподаватель и два переводчика жаловались на то, что «в условиях Гвиней отсутствуют столовые, и они вынуждены лично ходить на базар, заниматься приготовлением пищи <...> другими хозяйственными работами, что не только не принято, но и привлекает к ним особое внимание со стороны местного населения и ведет к подрыву авторитета» [4, л. 11].

Очень скоро ситуация изменится, и использование советскими специалистами «помощников по хозяйству» в странах Африки южнее Сахары станет вполне обычной практикой.

Вопросы престижа и имиджа советских людей должны были волновать дипломатических работников в первую очередь, особенно в начале выстраивания отношений с африканскими странами. Интересны наблюдения корреспондента газеты «Правда» О.Л.Орестова, который находился в Аккре в 1958 г. еще до открытия посольства СССР в Гане и появления советских специалистов. Он отмечал некоторые особенности социальной жизни ганаянского общества. По его наблю-

¹ Учитель химии и биологии, работала в Гане в 1964-1966 гг. (прим. авт.).

² Деревня Додово находилась в 80 км от Аккры, столицы Ганы (прим. авт.).

³ Посольство СССР в Аккре было открыто спустя год и 4 месяца после установления дипломатических отношений с Ганой (14 января 1958 г.) (прим. авт.).

дениям, женщины даже из семей мелкой интеллигенции не готовили еду, не убрали, не стирали, не пользовались общим транспортом и тем более не ходили пешком по городу. «Совершенно ясно, что советские представители не могут нарушать этих традиций без ущерба для нашего престижа» [5, л. 28-29].

СОВЕТСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ О СВОИХ «ПОМОЩНИКАХ ПО ХОЗЯЙСТВУ»

Респонденты отмечают, что они пользовались услугами «помощников» не столько под давлением местной традиции, сколько прислушиваясь к настойчивым рекомендациям руководства, которое негласно вменяло в обязанность специалистам иметь прислугу для ведения домашних дел. Людмила Алексеевна Сырмолотова⁴ вспоминает: «С самого первого года нам советовали <...> нанять слугу. Показать окружающим, всем: французам, немцам, <...> что наши люди имеют средства» [6]. Нередко «помощник по хозяйству» доставался сразу вместе с комнатами или виллой, где специалисты жили [7].

Отношение к СССР и к советским специалистам среди африканского населения в 1960-е - 1970-е гг. могло быть разным. Советский Союз оставался «неизвестным», а многие простые африканцы порой и вовсе не знали, где он находится на карте мира. На заре советско-гвинейских отношений сотрудник советского посольства В.Иванисов в своем отчете о поездке по стране отмечал: «Сельские жители в подавляющем большинстве случаев не имели никакого представления о нашей стране, причем некоторые считали, что Советский Союз и Соединенные Штаты Америки являются одним и тем же государством» [8, с. 101].

Несомненно, подобное утверждение можно считать репрезентативным и в отношении существенной части населения других африканских государств. Появлявшиеся в африканской глубинке советские специалисты, в первую очередь, интересовали местное население своим основным отличием - тем, что были белыми, а никак не тем, что они из Советского Союза. Даже после 15-20 лет активного присутствия СССР в странах Африки, с которыми поддерживались достаточно тесные отношения, находились люди, для которых советские идеалы и ценности оставались абсолютно неведомыми.

Советские люди в глазах местного населения были «белыми», и для многих африканцев без образования и перспектив получить такую работу было большой удачей. Любой иностранный спе-

циалист, по местным меркам, был очень обеспеченным человеком, а значит - платежеспособным. В таком способе заработка африканцы не видели ничего предосудительного.

Подавляющее большинство населения стран Африки южнее Сахары, получивших независимость в 1950-1970 гг., за исключением маленьких детей и подростков, было воспитано в колониальном духе. Колониализм продолжал оказывать сильнейшее влияние на африканцев. Старая картина мира сохранялась в людях старшего поколения, а в провинции устойчивые колониальные стереотипы органично воспринимались молодежью.

В качестве иллюстрации можно привести эпизод из жизни семейной пары - Т.В.Рыбаковой и Г.В.Мантуленко, учителей математики из Ярославля, работавших в 1969-1973 гг. в провинциальном местечке Рунгви в Танзании. У них служил мужчина-кухарь лет 50-ти, который считался уже стариком [9]. За свою долгую жизнь он успел послужить и при немцах, и при англичанах, и был соответствующим образом воспитан. Татьяна Рыбакова приводит такой пример: «Как-то раз приготовили кашу на скисшем молоке. Я сказала ему - выброси. Он через минуту заходит и спрашивает: “Можно я не выброшу, а съем?”» [9].

Советские люди в некотором смысле радикально отличались от других «белых» тем, что были более простыми в общении и в большинстве своем не имели расовых предрассудков. Несколько раз кухаря приглашали сесть за один стол, но каждый раз он отказывался [9].

Образованная африканская молодежь стремилась преодолеть пережитки колониального наследия и пыталась взаимодействовать с белыми на равных. Ирина Ивановна Зенкина⁵ отмечала: «Образованные черные относились к белому так: чего ты сам стоишь, так к тебе и относятся» [10]. Для «помощников» находиться в услужении у белого или богатого черного был не самый плохой способ выжить.

«Помощниками» обычно были мужчины, которых даже в франкофонных странах Африки принято было называть английским словом «boy». Когда «не хотелось убирать, мыть пол, я нанимала боя», - вспоминает Надежда Константиновна Сурикова⁶ [11].

Помощники могли быть разного возраста. В Гвинее семья инженера Ярославского моторного завода Анатолия Владимировича Титова вместе с еще тремя семьями проживали на вилле на берегу океана. Супруга А.В.Титова - Нина Васильевна⁷ - свидетельствует: «На вилле у нас убирал

⁴ Учитель химии, работала в Мали в 1974-1977 гг. (прим. авт.).

⁵ Супруга кенийца, учитель истории, жила и работала в Кении в 1974-1976 гг. (прим. авт.).

⁶ Учитель химии, работала в Мали в 1977-1980 гг. (прим. авт.).

⁷ Продолжительность командировки этой семьи - 1964-1966 гг. А.В.Титов - инженер ЯМЗ, глава группы по гарантийному обслуживанию и ремонту советской автомобильной техники в Гвинее-Конакри; Нина Васильевна изначально ехала в Гвинею в качестве супруги, но 9 месяцев работала в магазине «советской колонии» при посольстве в г. Конакри (прим. авт.).

бой <...> хозяин виллы оставил <...> там боем называют работников, мужиков, лет 30-ти. <...> этот самый, уборщик, дворник наш, бой. <...> Он гвинеец...» [7].

О своем «помощнике» в Мали вспоминает Л.А.Сырмолотова: «У нас был мальчик по имени Фома, ему было 35 лет наверно, хороший такой <...> Он необразованный совершенно, откуда-то из деревни» [6]. Маргарита Александровна Лисиная⁸ описывает случай, когда «помощника» ей привели знакомые: «Мальчик, который по-французски ни слова не мог сказать, и его пришлось всему учить, <...> но после меня он уже мог куда-то пойти, потому что он уже все умел и знал» [12].

Только в одном из 8 интервью в качестве служанки упоминается женщина, а также приводятся интересные подробности ее биографии. Примечательно, что ни один из респондентов так детально не останавливался на личности «помощника», как Л.Н.Старова: «Это была красивая женщина по имени Чочин, которая первая в этой местности развелась с мужем. Первая ганская феминистка. Она родила дочку, а ему надо было сына. Девочек там выдавали замуж в 13 лет. Она так и вышла, и родила в 15 лет, и после не могла рожать. Видимо, повлияли такие ранние роды. Одной ей было трудно воспитывать дочь, а работы нет. Вот директор и устроил ангажемент» [1].

В круг обязанностей «помощников» обычно входила уборка помещений и территорий, вынос мусора, мойка посуды, выполнение мелких поручений. Чочин просили сходить за мясом на рынок или за керосином для холодильника [1]. У семьи Титовых гвинеец на вилле «мусор выносил, отходы какие-то, всё убирал» [7].

Не все хозяйственные работы по домуверялись выполнять «помощникам», среди них - приготовление пищи, кипячение воды, стирка белья. Л.А.Сырмолотова вспоминает: «Конечно, нашему мальчику мы не поручали готовить еду. <...> Белье, конечно, он нам тоже не стирал» [6]. Упомянутый М.А.Лисиной малийский подросток, которого пришлось всему учить, «стирал на улице и мыл посуду, но я ему не доверяла мыть овощи, потому что их нужно было очень тщательно мыть, я это сама делала, и не готовил он естественно» [12].

Были исключения из правил. Уже упоминавшийся пожилой мужчина-кухарь, который более двух лет прослужил семье советских преподавателей в Танзании, регулярно готовил пищу [9]. С нехарактерным для большинства доверием к своему предыдущему «помощнику» М.А.Лисина спокойно говорит, что «поскольку мы вместе питались, то он нам готовил» [12].

Уровень доверия к «помощникам» и круг их обязанностей определялись в каждом конкретном случае. Со стороны советских специалистов проявлялась и обоснованная брезгливость, и чрез-

мерная забота о собственном здоровье, а ограниченность выполняемых функций - лишнее подтверждение того, что такие взаимоотношения нельзя назвать классическими по формуле «хозяин» - «слуга». Доверяли помощникам чаще всего уборку двора и помещений и никогда не доверяли кипячение воды.

Никто из респондентов не говорил о том, что помощь в быту была неуместной или излишней. В Гане для Светланы Константиновны Рижковой⁹ наличие «помощника» оказалось большим подспорьем. Она рассказывала: «В общем, дом оказался большой и шикарный. Видимо, условия были самые лучшие, особенно по сравнению с теми, кто работал в городах и жил в квартирах. Посоветовали нанять боя. Убирать самим такой огромный дом было тяжело, тем более что полы натерлись мастикой. И убираться могли только в выходные, а работали с 08.00 до 14.00, 8 уроков в день. После них приходили домой никакие, чего-то ели и валялись спать» [13].

Обычно с «помощниками» складывались нормальные рабочие отношения, однако бывали и разные случаи. Помощник Фома так привязался к Л.А.Сырмолотовой, что «стал просить взять его в Москву, так как привык <...> и говорил, что в Москве будет чем-то заниматься, займется предпринимательством!» [6]. Доверенный помощник М.А.Лисиной, который готовил пищу, получил выходной день: «Я сказала, что ему надо дать какой-то выходной, <...> в субботу я сама могу готовить, а потом он привел девушку, и мы ему дали выходной в субботу полдня и в воскресенье полдня» [12].

У Н.К.Суриковой с временным «помощником» в Мали, где была распространена полигамия, однажды состоялся интересный диалог: «Бой приходит и говорит: “У меня две жены”. Я говорю: “Зачем вам две жены?” Он отвечает: “А если одна заболит!”. Я говорю: “А если вы заболите?”. На этот вопрос ответа не последовало. То есть, на случай болезни он должен иметь 2-3 жены, будучи бедным, <...> может быть, это сексуально для них важно было» [11].

Иногда случались и конфликты. Нина Васильевна Титова так описывает недоразумение с «помощником»: «Мы к нему относились превосходно. Мы его всегда угощали. Привозят продукты, мы ему даем килограмм сахара, макароны, сгущенное молоко <...> а потом ему шлея под хвост попала, не знаю что случилось: вдруг перестал воду качать, не стал убирать. Мы же русские женщины, не хочешь - не качай, мы сами накачаем и носим <...> Мы пошли и накачали <...> бой сидит, смотрит и о чем-то думает... видимо, понял, что халтура не пройдет. <...> Может ему мало казалось? <...> Хозяину виллы всё рассказали, тот приехал, хвоста накрутил, и бой опять стал работать» [7].

⁸ Учитель русского языка, работала в Мали в 1965-1968 гг. (прим. авт.).

⁹ Учитель математики, работала в Гане в 1964-1966 гг. (прим. авт.).

Избранная стратегия урегулирования конфликтной ситуации представляется наиболее адекватной. В случае, когда «помощник» закреплен за местом проживания и пользование его услугами хоть и облегчало быт, но носило, скорее, вынужденный характер, решение возникающих проблем непосредственно с исполнителем не имело смысла. Поэтому обращение к хозяину виллы было самым разумным решением.

Оплата услуг помощников откровенно «не была по карману» советских специалистов. Так, в Кении в 1975-1976 гг., по свидетельству И.И.Зенкиной, на зарплату школьного учителя можно было «позволить содержать себя, детей, прислугу, ездить на отдых на океанское побережье или за год купить подержанную маршрутку» [10].

В Гане в середине 1960-х гг. советские учительницы действительно хорошо зарабатывали. Л.Н.Старова подробно описывает финансовые возможности советского специалиста: «В СССР на книжку шло 40% от зарплаты работавшего в Гане ассистента кафедры в ЯГПИ¹⁰, а остальное выплачивалось в валюте. <...> Если перевести на советские деньги, то получали где-то 270 рублей. Это приличная сумма по меркам в Советском Союзе тех лет. Тогда начинающий учитель в СССР зарабатывал 80 рублей в месяц. <...> Тем более что в деревне Додово, да и вообще в Гане, питание не было дорогим для работающего человека, и мы могли себе позволить каждую неделю ездить в Аккру на такси за продуктами» [1].

Но советские учителя могли себе позволить и больше. С.К.Рицкова регулярно ездила на такси из Кумаси в Аккру и обратно, а это не менее 500

километров [13]. Незначительными были расходы на «помощника» Фому и у Л.А.Сырмолотовой, которая прямо говорит, что его «услуги стоили совсем маленьких денег» [6].

Самые точные сведения об оплате труда «помощника» приводит Л.Н.Старова: «Жалование Чочин было 30-40 шиллингов в день, что позволяло ей очень неплохо жить по местным меркам» [1].

Действительно, даже при 22 рабочих днях в месяц с двумя выходными днями в неделю Чочин получала от 33 до 44 фунтов, или 1,5-2 фунта в день. При ежедневной работе месячный доход с такой оплатой мог достигать 60 фунтов. Для сравнения - местный садовник в посольстве СССР получал 10 фунтов в месяц [3, л. 31], официальная месячная ставка местного шофера в Гане в 1960 г. была 21 фунт, а молодой агроном, инженер или архитектор с высшим образованием в первый год работы не могли рассчитывать на доход более 57 фунтов в месяц [14, л. 18].

* * *

Имеющиеся сведения в некоторой степени раскрывают проблему использования советскими специалистами в Африке «помощников» по хозяйству. Их взаимоотношения с африканцами развивались в соответствии с моделью «хозяин» - «помощник», которая отличалась от колониальной модели «хозяин» - «слуга». По сути, это была очередная линия оказания помощи континенту, но на персональном уровне. Форма такой помощи была неожиданной и непривычной, скорее, для советских людей, но для конкретного африканца в ней не было ничего оскорбительного, это был его способ выжить.

¹⁰ ЯГПИ - Ярославский государственный педагогический институт им. К.Д.Ушинского.

Список литературы / References

1. Архив автора. Интервью Л.Н.Старовой 27 сентября 2012 г. (Author's archive / AA. Interview with L.N.Starova, September 27, 2012) (In Russ.)
2. АВП РФ. Ф. 573. Референтура по Гане. Оп. 3. П. 2. Д. 5. (Russian Foreign Policy Archive - RFPA. F. 573. Referencing for Ghana. Op. 3. P. 2. D. 5.) (In Russ.)
3. АВП РФ. Ф. 573. Референтура по Гане. Оп. 4. П. 6. Д. 30. (RFPA. F. 573. Referencing for Ghana. Op. 4. P. 6. D. 30) (In Russ.)
4. АВП РФ. Ф. 575. Референтура по Гвинее. Оп. 3. П. 3. Д. 21. (RFPA. F. 575. Guinea reference. Op. 3. P. 3. D. 21) (In Russ.)
5. АВП РФ. Ф. 573. Референтура по Гане. Оп. 2. П. 1. Д. 6. (RFPA. F. 573. Referencing for Ghana. Op. 2. P. 1. D. 6) (In Russ.)
6. Архив автора. Интервью Л.А.Сырмолотовой 10 сентября 2012 г. (AA. Interview with L.A.Syrmolotova, September 10, 2012) (In Russ.)
7. Архив автора. Интервью А.В.Титова и Н.В.Титовой 24 сентября 2014 г. (AA. Interview with A.V.Titov and N.V.Titova, September 24, 2014) (In Russ.)
8. Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке, 1956-1964: неизвестные страницы истории холодной войны / отв. ред. А.Б.Давидсон. М., Наука, 2008. 339 с. (Mazov S.V. 2008. USSR Politics in West Africa, 1956-1964: Unknown Pages of the History of the Cold War / Ed. A.B.Davidson. M.) (In Russ.)
9. Архив автора. Интервью В.Г.Мантуленко и Т.Л.Рыбаковой 24 сентября 2012 г. (AA. Interview with V.G.Mantulenko and T.L.Rybakova, September 24, 2012) (In Russ.)
10. Архив автора. Интервью И.И.Зенкиной 14 октября 2011 г. (AA. Interview with I.I.Zenkina, October 14, 2011) (In Russ.)
11. Архив автора. Интервью Н.К.Суриковой 05 октября 2011 г. (AA. Interview with N.K.Surikova, October 05, 2011) (In Russ.)
12. Архив автора. Интервью М.А.Лисиной 28 ноября 2012 г. (AA. Interview with M.A.Lisina, November 28, 2012) (In Russ.)
13. Архив автора. Интервью С.К.Рицковой 28 июня 2012 г. (AA. Interview with S.K.Ritskova, June 28, 2012) (In Russ.)
14. АВП РФ. Ф. 573. Референтура по Гане. Оп. 4. П. 5. Д. 25. (RFPA. F. 573. Referencing for Ghana. Op. 4. P. 5. D. 25) (In Russ.)

КУЛЬТУРА, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

DOI: 10.31857/S032150750011114-7

ПАССЕИЗМ И ТРЕВОГА ЗА БУДУЩЕЕ
(магрибинцы о себе и о мире)

© 2020 С. ПРОЖОГИНА

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна, доктор филологических наук, гл.н.с. ИВ РАН; член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня» (svetlana.projogina@mail.ru)

Резюме. На протяжении всего периода существования франкоязычной литературы в Магрибе (Алжир, Марокко, Тунис) - с 50-х гг. XX в. вплоть до наших дней - писатели обращались к теме Прошлого, критикуя старые традиции и обычаи, мешающие прогрессу и модернизации общества, но и отмечая ростки Настоящего времени, которое рисовалось как время надежд. Во время усиления проникновения идей исламского интегризма в общественное сознание, гражданской войны в 1990-е гг. в Алжире появились мотивы не только ностальгии по Прошлому, но и интонации тревоги за Будущее своего восточного и западного мира, обьятого вызовами последствий глобализации.

Ключевые слова: Магриб, франкоязычная литература, мотивы исторического прошлого, воображаемое будущее, критика национальной реальности, поиски диалога Востока и Запада

LE PASSEISME ET L'ANXIETE POUR LE FUTUR (la realite nationale et occidentale dans l'oeuvre des ecrivains maghrebins d'expression francaise)

Svetlana V. PROJOGUINA, Professeur, Chercheur scientifique a l'Institut de l'Orient de l'Academie des Sciences de la Russie (svetlana.projogina@mail.ru)

Annotation. A partir des années 50 du XXs jusque aujourd'hui les écrivains du Maroc, de l'Algerie et de la Tunisie de l'expression française ne cessent pas l'exprimer leur regard envers à l'époque coloniale. Certains comme Marocain D.Chraïbi, ou comme Tunisien A.Memmi ou Algeriens M.Dib, R.Boudjedra la nîtriquant sévèrement et rejetant dans le Passé accompli ou continuant dans le Présent à vivre dans les traditions anachroniques.

Mais de plus en plus dans les livres des Maghrebins comme par exemple Y.Hadra, M.Tlili etc., apparaissent les motifs nostalgiques ou passistes quand on voit la possibilité et les recherches du dialogue et même son existence en coexistence avec la France à l'époque coloniale la comparaisant avec la réalité nationale cotermporaine pleine de nouvelles contradictions interieures, profondes et incommestibles avec les idéaux de la lutte pour l'indépendance.

Certains auteurs comme les Algeriens R.Boudjedra ou A.Djebar cherchent dans le Passé les causes objectives et historiques du mal du Présent. Les autres écrivains comme l'Algeriens B.Sansal cherchent à prévenir la réalité actuelle contre le danger de la radicalisation religieuse en créant utopie de l'existence de son pays sous le pouvoir absolu des fanatiques.

Dans le texte ci dessous sont presents les exemples le plus éloquents de la littérature bien volumineuse développée parmi les Magrebins vivant et aux pays natals et en emigration élaborant les motifs métaphoriques du Passé et du Futur qui reflètent le temps Présent plein des angosias, des contradictions et des esperéncas à la possibilité de rétablir la paix entre l'Orient et l'Occident.

Les mots clés: le Maghreb, la réalité nationale et occidentale dans l'oeuvre des écrivains maghrébins d'expression française

Предлагаемая вниманию читателей статья подтверждает возможности художественной литературы как особой формы общественного сознания стать свидетелем своей эпохи и отвечать вызовам современности.

Когда страны Магриба (Алжир, Марокко, Тунис) одна за другой добились независимости от власти французского колониализма (в середине 50-х - начале 60-х гг. XX в.), в активно развивавшейся в этом регионе Северной Африки литературе нового типа, создававшейся преимущественно на языке французском, возникла тема *прощания с Прошлым*. В нем, в этом историческом времени, виделись не только гнет чужеземцев, необходимость сопротивления, но и неизбежность *пересмотра* тех старых традиций своей жизни, которые становились «оковами» или препятствиями на до-

роге прогресса, где различались горизонты Будущего.

В среде нового социального слоя магрибинцев, уже говорившего и писавшего по-французски (при всем необходимом для мусульман начальном образовании в «коранических школах» при их мечетях), возник абсолютно **новый тип общественного сознания**, стремившегося *избавиться* и от Власти Чужого, и от уже тяготившего наследия того Прошлого, в котором усматривались «застойные» традиции и их последствия.

Самая яркая декларация *«прощания с Прошлым»* (во всем его объеме, но особенно в проявлениях гнета патриархальных традиций) и начало поисков **Настоящего Времени** для Человека и его Народа - в романе марокканца Д.Шрайби¹ «Простое прошедшее» (или «Просто прошедшее» [1],

¹ О творчестве этого писателя см. подр. в моей работе «Дрис Шрайби или Новое Время в литературе Марокко». М., Наука, 1986; а также в кн.: Прожогина С. Марокканский ноктюрн. М., 2015.

где в названии используется одна из номинаций в грамматической парадигме глагольных времен французского языка, специально выбранная писателем именно как степень **завершенности** Прошлого (не *Passé antérieur*, не *Passé composé*, но именно *Passé simple*).

Навсегда расставаясь с Прошлым (и своей семьей, и своим личным опытом жизни в родной стране), герой произведения отправится «за море» искать дорогу Свободы, хотя, как покажет дальнейшее творчество писателя, и на Западе он не обретет желанных идеалов освобождения...

Поиски **Настоящего Времени** будут продолжаться в творчестве магрибинцев, свидетельствовавших об эволюции общественного (и личностного) самосознания в своих странах на протяжении всего развития современной магрибинской художественной словесности вплоть до наших дней.

Эти поиски были очевидны в творчестве алжирцев Р.Буджедры и Н.Фареса и знаменитого тунисца А.Мемми в 60-х - 80-х гг. XX в. И особенно - в творчестве марокканцев: Гонкуровского лауреата Т.Бенджеллуна, М.Хайреддина, А.Катиби и, конечно же, Д.Шрайби, уже достаточно разочарованного и новой реальностью своей страны, и своими наблюдениями и опытом жизни в реальности Запада, где не состоялись искомые им и героями его произведений идеалы Справедливости и Свободы...

В 1990-е гг. все вышеотмеченные крупные писательские имена, но особенно алжирцы, постепенно пополняявшие литературу конца XX - начала XXI вв., обратились к острым проблемам, возникшим в общественной жизни и Востока, и Запада, связанным с усилением политического исламизма. Это явление особо значимо поразило Алжир, где в самом конце 1980-х гг. вспыхнула гражданская война, обнажились внутренние противоречия политического, социального, этноконфессионального и культурного свойства. Попавшие во власть представители партии Фронт исламского спасения на протяжении почти десятилетия привели Алжир к тяжелым испытаниям. То, что происходило в стране реально (где искоренялось «всё западное», где насаждались идеи «радикального», «фундаментального» ислама, воззвавшего к «возвращению к истокам», где была истреблена значительная часть интеллигенции и т.д. и т.п.), не могло пройти мимо осознания трагедии гражданской войны писателями, в художественной форме типизировавших, метафорически обобщавших, запечатлевавших окружающую реальность в своих произведениях.

Книги Р.Буджедры², назвавшего всё происходящее в его стране «беспорядком вещей»; Р.Мимунни³, сравнившего всё случившееся на исходе XX в. с историей всех войн, набегов чужеземцев, захватов родной земли с неким *историческим проклятием* [2]; творчество А.Джебар⁴, создавшей не

только символически обозначенный в названии ее сборника новелл «Оран, мертвый язык» [3] портрет истерзанной новой войной своей родины, но и документальный мартиролог «Белый саван Алжира» [4], указав имена *всех* выдающихся алжирцев, убитых или растерзанных исламистами.

Все эти, как и многие другие произведения, - особая часть «исторических хроник» реальных событий. Все они полны либо печали об утрате *Настоящего* времени, т.е. того, о котором мечтали, либо заботы о его **свершении**, несмотря ни на что, во имя Будущего.

Но, судя по весьма сдержанной (не только научной) информации о том, что происходит в стране после официальной «зачистки» вылазок радикального ислама (да и въезд в Алжир достаточно ограничен вот уже долгие годы), и очевидно появившейся в искусстве слова весьма устойчиво удерживающейся до наших дней новой интонации (как определенного рода настроения общественного сознания), - ожидание «*светлого Будущего*» еще далеко «за горами».

Я имею в виду достаточно объемный корпус произведений алжирцев, крупных писателей, все чаще обращающихся, хотя и по-новому, именно к **Прошлому**. И историческому, и биографическому, и колониальному, и эпохи войны за независимость, и уже к явлениям новейшей истории. Эта интонация - и в сохранившихся воспоминаниях (лично своих или своих героев), или в реальных фактах исторических, хотя и метафорически осмысленных. Возникают какие-то новые ориентиры, опоры, ценностные представления об этом Прошлом.

Однако надо отметить, что эта интонация некоего *лирического пассаизма* уже с середины 1980-х гг. была свойственна и марокканцам, и тунисцам, - тоже магрибинцам, пережившим в чем-то схожую с алжирцами эпоху «французского присутствия», и, конечно же, эпоху борьбы за Независимость и Свободу, и эпоху постколониальных общественно-политических трансформаций (Д.Шрайби, А.Мемми, М.Тили, Т.Бекри и др.⁵).

Поиски *Настоящего* времени обратились в сторону тех прошедших (или давно прошедших) времен, когда и культурная *самобытность*, и *самостоятельность*, и возможность *самоориентации* человека и его народа определялись не только возможностью выбора между традициями (и даже «заветами предков») и новациями.

Именно так и осуществляют свой выбор герои - индивидуальные или коллективные - в романах Д.Шрайби («Мать Весны» и «Расследование в деревне»), А.Мемми («Фараон»), М.Тили («Гора Льва») и др. Магрибинский писатель М.Тили осмелился даже в своих романах «Гора Льва», «Послеполуденный отдых в пустыне» [5] рассказать о том, что даже в эпоху «французского присутствия» было гораздо меньше различия «своего»

² О его творчестве см. мою работу «Алжирская сюита». М., ИВ РАН, 2014.

³ О нем подр. в нашей работе «Смятение». М., ИВ РАН, 2019.

⁴ Подр. о нем в указ. выше работе «Смятение».

⁵ О них подр. см. в нашей работе «Тунисская элегия». М., ИВ РАН, 2016.

и «чужого», гораздо меньше притязаний на «захват пространства» существования народа, чем в эпоху Власти «Своего», в эпоху всеторжествующего «проникновения капитализма», всерасширяющейся пропасти между богатством и бедностью и между всеторжествующим засильем *своих* же «правителей» и бесправием их Народа...

«Наступление пустыни» как лейтмотив последних романов М.Тлили свойственен (хотя и в другой тональности) и знаменитому алжирцу М.Мулессеулю, взявшему себе псевдоним «Ясмينا Хадра». Именно под этим именем писатель (переведенный на многие языки мира, в т.ч. и на русский) издает в 2010 г. свой роман «Что должен Ночи День» [6], в котором показал, что даже в *эпоху антиколониальной борьбы* «простой алжирец», помогавший партизанам, мог позволить себе увлечься неким «идеалом Свободы», воплощенным в его возлюбленной - *француженке*...

И писатель снова обратился к *Прошлому*, уже из своего собственного детства, вспомнив родное селение на юге страны, на подступах к Сахаре, свои юношеские мечты о *преодолении горизонтов «песков безысходности»*, свои надежды на Будущее, свои грезы, питаемые его вольнолюбивым народом, возвращающим свой теннисный и прохладный Сад среди раскаленного зноя... (роман «Что должен Мираж Оазису» [7]).

Но Пустыня, видимо, по-своему «наступала» не только в творчестве Ясмины Хадры, но и у классика алжирской литературы М.Дибя и др. алжирцев⁶, и в творчестве, к примеру, известного тунисского поэта, когда-то высланного из Туниса за участие в студенческих волнениях, живущего в политэмиграции во Франции Т.Бекри, который тоже черпал и черпает по сей день свое вдохновение именно в образах своей юности, прошедшей на окраинах тунисского города Габеса, где пустыня подбирается совсем близко, а значит и создает свои прекрасные миражи, «видения» того, что оказывается *нереальным* [8].

Это не означает, что писатели-магрибинцы как-то очень индивидуально-лично (или, как принято говорить, «субъективно») отражают окружающую реальность, которая не соответствовала тем или иным романтическим идеалам, которые были порождены стремлением **расширить горизонты Надежды** и обрести Свободу... *Объективно* происходили процессы, особенно в Алжире, когда угроза «*торжества Мрака*», а не Света «*далеких звезд ожиданий*» чего-то Лучшего была настолько ошущима, что в творчестве многих наиболее значимых писателей резко обозначились тенденции «*возврата к Прошлому*» ностальгического пассаизма в поисках причин происходящего (гражданская война, наступление исламского фундаментализма и т.д.), так и в поисках каких-то новых «маяков», в которых искрится Свет каких-то еще надежд на возможность *иного Будущего*.

Именно так и поступает, к примеру, Рашид Буджедра, чьи произведения в 1970-х - 1990-х и начала 2000-х гг. неустанно свидетельствуют о пусть несколько различных, но именно **Историй одной семьи**, где, как в капле воды, отражаются внутренние проблемы «традиционного устройства» общества, когда засилье внедряемых отцом-патриархом «религиозных догм» и патриархальных устоев обрекает на бесправие и мать, и женщину в целом, страдающих или прорывающихся к известной доле свободы (романы «Отверженные», «Солнечный удар», «Тление», «Дождь» и мн. др.).

Но даже усматривая в историческом Прошлом - в ретроспекции - некую метафорическую возможность на прогресс, во всяком случае, на «движение только вперед» (как это было с арабо-берберским воинством, осуществившем захват Южной Европы - роман Р.Буджедры «Взятие Гибралтара»), писатель все-таки главные свои усилия (и художника, и гражданина) посвящает в 1990-е гг. - начале XXI в. окружающей его *реальности* Алжира, где постепенно воцарялся хаос и торжествовали исламские фундаменталисты (романы «Беспорядок вещей», «Жизнь наизнанку», памфлет «Фронт несправедливости», 19927).

В этой связи не могу не отметить творческого такого, безусловно, выдающегося писателя, как Буалем Сансаль. В своем романе «Деревня немца» (Р., 20088), получившим «Большую премию мировой франкофонии», писатель предупредил Европу об угрозах исламизма, сравнив его с немецким нацизмом (прогремевшие взрывами многочисленные теракты в Париже, Ницце и др. городах в 2015 г. только подтвердили обоснованность тревоги писателя за будущее Европы). И создает роман «Улица Дарвина» [9], где не просто фиксирует кризис национальной идентичности многих алжирцев, но и усматривает в нем главную причину драматического развития Новой истории страны: отвержение алжирскими исламистами-фундаменталистами подлинной сущности уже исторически сложившейся, пусть и трагически, порой, «*замешанной*», но *многосоставной истоковости* современных алжирцев, и не только арабо-берберских...

Эпоха исламистского терроризма как неизбежность искоренения «всего западного» влекла за собой, по убеждению Б.Сансаля, не только ощущение мрака завесы от любого рода изменений, прогресса, но и разрушение уже издавна сложившегося типа некоей культурной и этноконфессиональной метисности алжирцев (учитывая и тот фактор, что принявшие ислам *берберы* до сих пор сохраняют свои народные верования и поверья, а значительная часть алжирской интеллигенции очевидно бикультурна, не важно, с каким акцентом языкового доминирования - французского, как прежде, да еще и сейчас, или английского, как это модно сегодня).

Но больше всего писатель тревожится за Будущее и своей страны, и других стран, создавая или

⁶ Об этом подр. в моей работе «Между мистралем и сирокко». М., ИВ РАН, 2008.

⁷ Дословное название памфлета - «F.I.S. de la Haïne», где в аббревиатуре содержится наименование Фронта исламского спасения.

⁸ О нем подр. в нашей работе «Новые идентичности». М., ИВ РАН, 2012.

«утопические», или просто метафорически сгущенные образы, - впрочем, эта «сгущенность» определяется некоторыми вполне объективными реалиями, которые присутствуют в любом вымысле произведений, которые вызваны к жизни именно *тревогой* за возможные или вероятные последствия реализации политического исламизма.

«Метаморфозы» реальности и в том, и в другом плане воссозданы Б.Сансалем в его романах «Год 2084, или конец света» (Р., 2015) и «Поезд в Эрлингер, или метаморфозы Бога» (Р., 2017, переиздан в 2019) [10].

В первом предстает картина жизни в некоей обширной империи Абистан, ниспосланной неким богом *Йолаком* на землю. Ее система организации основана на полной амнезии и покорстве ее людей своему «Богу Единому». Всякая собственная мысль человека не допускается или искореняется, ибо всепроникающая бдительность правителей позволяет пресекать и карать любые идеи и действия, противоречащие Воле Всевышнего.

...Народ Империи счастлив и вопросов особо не задает. Али - герой произведения - вдруг подвергается сомнению навязанные «свыше» истины. Он отправляется на поиски «сущности» бытия своего народа и открывает для себя существование «особых гетто», где живут «ренегаты» - отрицающие «вездесущий» Порядок... Естественно, что эти поиски обречены и на предательство, и на растерянность тех, кто, увидев «*другой мир*», перебравшись за «вершину Горы» и даже «невозможную высоту Поднебесья», вернулся оттуда, не найдя и там своих целей и идеалов. Однако поиски «лучшего мироустройства», уверен писатель, будут продолжаться, и граница рано или поздно будет *пересечена* для встречи Добра, а не преступлений против человечности...

Проекция предсказуемой писателем возможной реальности весьма узнаваемых мусульманских стран, где доминирует вера в беспредельность «Всемоущего», на состояние реальности Европы, где вынужденно существуют рядом друг с другом (в отличие от сосуществования) разные конфессии, в т.ч. и мусульманская, объем присутствия которой только за последние годы значительно увеличился в связи с приютом беженцев, эмигрантов, вынужденных либо войнами, либо экономическими и прочими «невозможностями» жить не в своих родных странах...

Второй, написанный в 2017 г., «фантастический» роман о страшных ожиданиях жителями какого-то провинциального немецкого городка *нашествия врага*, который якобы угрожает их жизни, их привычному благополучному существованию, превращается в фиксацию психологического напряжения европейских обывателей, не способных смириться с уже практически состоявшимся вторжением «чужого» в свою жизнь, в частности, - мусульман. Но и надежда немецкого городка на «избавление» в ожидании какого-то *никогда не приходящего по расписанию поезда*, якобы способного вместить *всех* и увезти туда, где *нет никакой опасности*, превращается писателем в постоянную цепь философских размышлений не только о свершившейся в эпоху глобализации «мультибидности» *современной реальности*, но и об извращениях разных религиозных *основ*, свершавшем нередко в Истории Человечества («Поезд в Эрлингер, или метаморфозы Бога»).

Используя опыт разных своих предшественников - художников слова, писавших о *превращениях человеческих судеб* в исторических и религиозных катаклизмах, алжирец Б.Сансаль на основе реально пережитых Францией еще в 2015 г. актов исламистских террористов превращает обычный «эпистолярный» жанр - переписку пострадавшей в этих кровавых событиях француженки со своей дочерью - в некую фантазию изувеченной насилием матери в воображаемое ею существование в другой стране, где люди будут вечно ждать своего спасения и избавления от воображаемого врага, который имеет все приметы «мусульманского присутствия»...

Таким образом реализуется и сама тревога писателя за Будущее человечества, разъединенного и конфессионально, и социально, и политически (и экономически, как показано даже в художественном произведении), вызванная реальным нашествием (начиная с начала 2000 г.!) радикального исламизма, с чем может справиться разве что только Надежда человека на усвоение опыта всех общественных и других религиозных «метаморфоз» на Земле Людей (если воспользоваться дефиницией нашей планеты Антуана де Сент-Экзюпери).

Присоединимся к этой надежде и мы. Опыт творчества современных писателей-магрибинцев просит прислушаться к их «Ностальгии по Настоящему»⁹.

⁹ Из одноименного стихотворения А.Вознесенского.

Список литературы / References

1. Chraïbi D. Le passé simple. P., 1953.
2. Mimouni R. La malédiction. P., 1998.
3. Djebbar. Oran, langue morte. P., 2000.
4. Djebbar A. Le blanc de l'Algérie. P., 2003.
5. Tlili M. La montagne de Lion. P., 2008; L'Après-midi dans le Désert. P., 2008.
6. Hadra Y. Ce que le jour doit à la nuit. P., 2010.
7. Hadra Y. Ce que Mirage doit à l'Oasis. P., 2017.
8. Bekri T. La nostalgie des rosiers Sauvage. D., 2014, 2016.
9. Sansal B. Rue Darwin. P., 2011.
10. Sansal B. 2084 ou la fin du monde. P., 2015; Sansal B. Le train d'Erlinger, ou les métamorphoses du Dieu. P., 2017.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S032150750011116-9

**АФРИКАНСКАЯ ДИАСПОРА В КИТАЕ:
МЕНЯЮЩАЯСЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ**

© 2020 Н. АНДРЕЕВ

АНДРЕЕВ Николай Дмитриевич, м.н.с., Центр глобальных и стратегических исследований, ИАфр РАН (nikolai.andreev1613@yandex.ru)

Ключевые слова: Африка, Китай, психоанализ, мигранты, диаспора, идентичность

AFRICAN DIASPORA IN CHINA: CHANGING IDENTITY IN A CHANGING WORLD

Review of the book: C. Jama Adams. *Africana Peoples in China: Psychoanalytic Perspectives on Migration Experiences, Identity, and Precarious Employment*. New York, 2019, 208 p.

Nikolai D. ANDREEV, Junior Research Fellow, Centre of Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (nikolai.andreev1613@yandex.ru)

Keywords: Africa, China, psychoanalysis, migrants, diaspora, identity

В книге Карлтона Джамса Адамса, доцента кафедры психологии и африканских исследований в Колледже уголовного правосудия имени Джона Джея (США), «*Africana Peoples in China: Psychoanalytic Perspectives on Migration Experiences, Identity, and Precarious Employment*»¹ (New York, 2019, 208 p.) рассматривается психосоциальный опыт африканских мигрантов в Китае. Цель своего исследования автор предельно схематично обозначает как анализ проблем, переживаемых мигрантами «субъективно, с акцентом на взаимодействие между чувством свободы воли индивидов и структурами, в которые они встроены» (р. 16).

Во введении, являющемся одновременно и 1-й главой работы, исследователь называет африканцев первыми мигрантами в истории и вводит сам термин «*Africana*», которым он обозначает выходцев из Африки и представителей африканских диаспор за пределами этого континента. Основной причиной переселения африканцев в КНР автор называет «силы рынка» (р. 6), т.е. в этом отношении китайский вектор ничем не отличается от других направлений миграций из Африки. Прибыв в Китай, африканец начинает напряженный поиск своего места в новых для себя условиях. Неотъемлемой чертой африканских мигрантов в КНР Адамс считает амбивалентность - это утверждение обосновывается на протяжении всей книги.

Он отмечает, что интеграция мигрантов в китайское общество вообще сильно затруднена, т.к. государство, как правило, «настороженно относит-

ся к иностранцу как к носителю ценностей, представляющих угрозу для статус-кво» (р. 7). Не способствует интеграции африканцев в китайское общество и то, что общение с местным населением происходит, в основном, на «колониальных» языках либо на «языке калькулятора»² (р. 3).

Во 2-й главе - «Самость и мир» («*Self in the World*») рассматриваются психологические и психоаналитические аспекты социального бытия мигрантов, в т.ч. африканских - в Китае. Адамс фокусируется на процессе поддержания самости в уязвимой и оторванной от корней мигрантской среде. Он критикует капиталистическую систему и глобализацию, однако осознавая при этом невозможность игнорирования этих феноменов и поэтому сосредотачиваясь на одной из их прикладных проекций - роли миграционных процессов в современном мире.

Эта роль, по его мнению, исключительно велика, поскольку год от года нарастают подвижность человечества и одновременно восприятие ее как некой новой мировой реальности. «Усиление чувства мобильности становится все более важным фактором того, как современный человек конструирует осознание своей самости», - пишет исследователь (р. 19). Для него миграция - это всегда поиск человеком смысла собственного существования, попытка оправдания его подлинности, но это одновременно и неизбежное погружение себя в некое амбивалентное состояние, когда одинокая личность мигранта балансирует между рисками и возможностями принимающего сообщества.

¹ «Африканцы в Китае: психоаналитические перспективы [исследования] миграционного опыта, идентичности и неустойчивой занятости».

² Автор термина - А.Бодомо (Венский университет), исследователь африканских мигрантов и африканской диаспоры в Китае. Так он называет практику, когда продавец набирает на калькуляторе свою цену, а покупатель свою, - и они торгуются (прим. авт.).

В книге утверждается, что в современном глобальном мире у мигранта практически не может быть единственной идентичности - скорее, ему свойственна плавающая иерархия множества идентичностей. По мысли Адамса, жизнь большинства африканских мигрантов, в особенности на юге Китая, остается как бы за гранью внимания китайского общества и находится под пристальным и недружелюбным контролем государства. Мигранты пребывают на положении аутсайдеров, они обречены быть всегда посторонними, не чувствующими себя дома, их «промежуточное состояние становится постоянным» (р. 43).

Вместе с тем, автор фиксирует наличие в Китае определенных сетей взаимной поддержки среди африканских мигрантов - сетей различной степени разветвленности и глубины. Если на севере или в центральной части Китая - в Пекине или Шанхае - поддержка мигрантов со стороны таких сетей основывается преимущественно на профессиональной идентичности, то на юге - в Гуанчжоу - на идентичности более традиционной, в частности, этнической, родовой, семейной. Адамс признает глобальный рынок площадкой и формой творческой деятельности, которой и занимаются мигранты, в т.ч. африканские.

Третья глава - «Адаптивная амбивалентность» (*«Adaptive Ambivalence»*) - посвящена анализу защитного и в определенном смысле интеграционного механизма, характерного для африканских мигрантов в Китае, сталкивающихся с «экзистенциальной дилеммой», которая, по словам автора, заключается в том, что «у них есть существенные основания для любви и к родному дому, и к Китаю одновременно с существенной неудовлетворенностью обоими» (р. 48).

Африканских мигрантов Китай привлекает как потенциальное место преуспевания, а родина - как эмоциональная привязанность. Но в Китае ограничения налагаются как на *suzhi* - более образованных и социально устроенных мигрантов-африканцев, проживающих, главным образом, на севере Китая, так и на *chiku* - мигрантов-торговцев на юге Китая (в основном, в Гуанчжоу) (р. 49). Отсюда и фиксируемое Адамсом проявление одной из «набирающих силу неолиберальных установок», когда «моральное “я” все больше входит в противоречие с деловым “я”» (р. 58).

Мигранты рассматриваются как своего рода современные кочевники. Адамс критикует традиционное представление о миграции как о бегстве с целью дальнейшей ассимиляции. Миграция, с его точки зрения, - процесс не негативный, а именно амбивалентный. Автор считает хорошо управляемую, подкрепленную саморефлексией и поддержанную в рамках определенного сообщества адаптивную амбивалентность неизбежным и вместе с тем - оптимальным состоянием африканских мигрантов в Китае.

В 4-й главе, «Современность и миграция» (*«Modernity and Migration»*), раскрываются общие тенденции бытования мигрантских сообществ в эпоху глобализации. Для людей, решившихся на миграцию, все чаще мотивацией служит не страх, а «ненасытное любопытство, отчасти подпитываемое, для пущей уверенности, логикой и рациональностью» (р. 76). Поскольку современный мир создает для человека - и в первую очередь для мигранта - атмосферу отчужденности и одиночества, амбивалентность позволяет ему балансировать между «хищничеством» и «креативностью» капитализма (р. 81). По мнению Адамса, внутри мигрантской среды необходимо создавать такие сообщества, которые позволили бы своим членам пользоваться всеми преимуществами и выгодами капитализма и вместе с тем - противостояли бы его несправедливости.

Амбивалентность, о которой пишет Адамс, созвучна мыслям, которые высказывают и китайские ученые Чжао Цзюцзюнь и Ань Юаньюань³. Они констатируют, что подавляющее большинство африканских переселенцев «имеют низкий уровень образования» (а значит, как это прочитывается между строк, - и культуры, а также поведенческих норм), поэтому могут претендовать исключительно на низкоквалифицированные и низкооплачиваемые виды деятельности под контролем представителей своих же этнических групп. Но вместе с тем, причина столь безнадежного положения африканских мигрантов в Гуанчжоу кроется и в отношении к ним со стороны местного населения, которое стремится изолироваться от чужаков.

В 5-й главе - «Раса и этничность» (*«Race and Ethnicity»*) - говорится об этнических аспектах жизни африканских мигрантов в КНР. Китай, переживший опыт унижения со стороны иностранцев, по мнению исследователя, с большим подозрением относится ко всем этнически отличным группам и стремится к ассимиляции неханьских представителей, т.к. видит в них угрозу своему суверенитету. Свойственный китайцам, по мнению Адамса, бытовой расизм строится не на собственном ксенофобских настроениях, а на оценке африканцев как «невежественной» группы населения (р. 113). Особенно ярко такая установка заметна на примере травли лиц, состоящих в смешанных китайско-африканских браках, и их детей.

Приведенное мнение подтверждают китайские социологи Чжоу Ян и Ли Чжиган⁴. Они свидетельствуют об «огромном социальном давлении», которое испытывают на себе смешанные китайско-африканские семьи, проживающие в Гуанчжоу, даже считающиеся благополучными, со стороны местного населения, которое в большинстве своем негативно воспринимает такие браки и считает, что необходимо «осторожнее относиться к выбору супруга».

Адамс надеется, что «со временем, когда Китай станет более интегрированным в международное

³ Чжао Цзюцзюнь, Ань Юаньюань. Формирование районов компактного проживания выходцев из Африки в Гуанчжоу и появление феномена их изоляции на расовой почве. *Административный форум*. 2017. № 4, с. 53-59 (на кит.).

⁴ Чжоу Ян, Ли Чжиган. Влияние в среде изоляции: социально-культурная адаптация китайско-африканских браков на примере Гуанчжоу. *Вестник Центрального университета национальностей (выпуск по философии и общественным наукам)*. 2016. № 1, с. 70-79 (на кит.).

сообщество», его подходы по целому ряду вопросов могут оказаться «неуместными», а «ханьцы начнут уделять больше внимания поддержанию индивидуальной свободы и обеспечению благополучия и меньше интересоваться преобладанием своей этнической группы» (р. 113).

В 6-й главе - «Современные чернокожие в Китае: психологические перспективы, устремления и ограничения» (*Contemporary Blackness in China: Psychological Perspectives, Aspirations, and Constraints*) - разбираются практические аспекты жизни африканских мигрантов в сегодняшней КНР. Большинство из них, помимо студентов, - это торговцы, которых можно условно разделить на три группы: бизнесмены, проживающие в Китае более 3 лет на легальном положении, бизнесмены, постоянно курсирующие между южным Китаем и странами Западной Африки, и те, чей срок регистрации истек, и кто находится фактически на нелегальном положении.

Адамс рассматривает национальный состав африканских диаспор и их истории. Западные африканцы, в частности, нигерийцы, преобладают в Гуанчжоу, столице провинции Гуандун, значительное число северных и все больше западных африканцев проживают в Иу (провинция Чжэцзян). В Шанхае и, в меньшей степени, в Пекине также рассеяны небольшие группы африканцев. Самое давнее сообщество африканцев, проживающих в Китае, находится в Макао. Оно существует с XVII в., причем большинство его членов являются выходцами из стран лузофонии (с относительно недавним притоком нигерийцев).

Автор выделяет 6 психологических факторов, которые способствуют формированию и реализации устремлений мигрантов. Во-первых, это сама мечта о цели, достижение которой не связано напрямую с преодолением исключительно экономических трудностей. Во-вторых - «императивы развития», которые «определяют характер и качества мечты, которая движет устремлениями человека» (р. 137). В-третьих - тип характера, который влияет на широту устремлений и «способность адаптивно управлять возникающими амбивалентностями» (р. 139). В-четвертых - возможности, т.е. адекватные поставленным целям способности. В-пятых, статус и класс, связанные с уровнем мобильности и доходов. Наконец, в-шестых - взаимоотношения, предполагающие поддержку со стороны своего сообщества.

В главе 7 - «Африканцы и конструирование самости в Китае» (*Africana Persons and Self-Making in China*) - анализируется комплекс проблем, связанных с идентичностью африканских мигрантов. Адамс считает, что унижения и изоляция, в которой они оказываются, могут стимулировать сопротивление и поощрять попытки продемонстрировать свою человечность. Например, через инвестирование в красоту чернокожими женщинами. Другой формой сопротивления является борьба за

права мигрантов и за справедливое к ним отношение, что и происходит, например, в Гуанчжоу.

В 8-й, заключительной, главе - «Выводы и возможности будущего» (*Conclusions and Possibilities for the Future*) - заново суммируются все положения работы, и делается прогноз относительно тех трудностей и возможностей, которые ожидают африканскую диаспору в будущем. Адамс осторожно предполагает, что количество смешанных китайско-африканских браков будет расти, и дети от таких браков, оставаясь носителями африканского наследия, станут уже полноправными гражданами КНР. Вместе с тем, по его мнению, само по себе «промежуточное положение вполне может быть не временной, а устойчивой формой психической организации, пусть и с некоторыми рисками», а «ощущение себя посторонними» может быть комфортным для «психологически здоровых мигрантов» (р. 202).

Получается, что для Адамса мигранты являются неким мессианским социумом, преисполненным жизненной энергией и творчества, провозвестниками неомарксистского «идеального» - бесклассового и безрасового эгалитарного - общества (весь дискурс книги сугубо маркузианский: Адамсу, несомненно, близко утверждение немецкого и американского неомарксиста Г.Маркузе, что «прослойка отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветов кожи»⁵ - наиболее передовая в процессе переустройства мира).

Среди несомненных достоинств книги стоит отметить глубокую погруженность автора в изучаемый вопрос, комплексный подход к анализу, а также богатый эмпирический материал - многочисленные интервью с чернокожими мигрантами, живущими в Китае.

Однако наряду с этим нельзя не отметить и крайнюю политическую ангажированность текста, определенный неомарксистский догматизм Адамса. Также стоит указать и на довольно предвзятое отношение к китайскому государству и китайскому обществу, которые, несмотря на некоторые комплиментарные оговорки, представляются в книге носителями репрессивной парадигмы.

В то же время дело зачастую обстоит прямо противоположным образом - китайцы (преимущественно в лице общественных организаций) стараются адаптировать переселенцев из Африки и обеспечивать им достойный уровень жизни. Так, социологи Чжан Сяовэн и Мао Гуомин⁶ анализируют работу Центра комплексного обслуживания иностранцев в Гуанчжоу, которому удалось наладить «успешную социальную интеграцию» выходцев из Африки в китайское общество.

Книга, несомненно, представляет интерес для дальнейшего изучения проблем адаптации мигрантов, в частности африканских, в новых сообществах их проживания.

⁵ Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества. М., REFL-book, 1994, с. 336.

⁶ Чжан Сяовэн, Мао Гуомин. Роль общественных организаций в процессе социальной интеграции африканских мигрантов - на основе анализа примеров улицы Дэнфэн в районе Юэсю города Гуанчжоу. *Исследования в области административного управления*. 2017. № 7, с. 49-51 (на кит.).

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

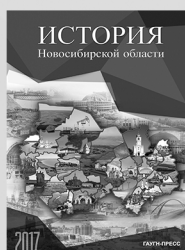
- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

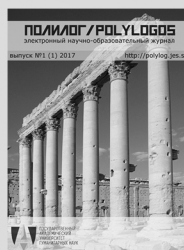
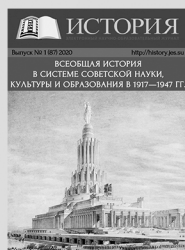
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

БАКАЛАВРИАТ

Востоковедение и африканистика

МАГИСТРАТУРА

Экспертно-аналитическое востоковедение

АСПИРАНТУРА

Обучение в Институте востоковедения РАН

Обучение на восточном факультете предполагает сочетание классического востоковедного образования с углубленным изучением теории международных отношений, политологии, а также философии, религии и общественной мысли Востока.

Основа востоковедного образования — профессиональное овладение одним из восточных и английским языками. **Основные языки — арабский, китайский, корейский и японский.**

Обучение проходит в малочисленных языковых группах, что гарантирует индивидуальный подход к каждому студенту и создает комфортную атмосферу для эффективного усвоения материала.

Изучение обширного комплекса исторических, философских, религиоведческих, политологических и культурологических дисциплин готовит выпускника к исследовательской, переводческой и практической деятельности во всех сферах взаимодействия со странами и народами Азии и Африки.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).